

КВАРВАРА КЛЮЕВА КАИНОВО СЕМЯ

Кому понадобилось убивать жену всесильного провинциального губернатора — хитрую, жестокую акулу современного частного бизнеса, которая уже и сама забыла о том, что была некогда милым, хрупким, добрым существом?.. В отлично охраняемую частную клинику, где она лечилась, могли войти только самые близкие.

Варвара Ключева
Каиново семя

Все возможные совпадения с реалиями чисто случайны.

Часть первая

Насильственная смерть сильных мира сего всегда вызывает жадное любопытство обывателей. Впрочем, можно ли было причислить Альбину Николаевну Турусову, жену старградского губернатора, к сильным мира сего — вопрос спорный. Это вам не Джон Кеннеди, не Улоф Пальме и не принцесса Диана. Тем не менее для обывателей Старграда смерть губернаторши стала событием никак не менее волнующим, чем гибель принцессы. В конце концов, ее английское высочество была для них чужой и незнакомой, как далекая звезда, а Альбину в городе хорошо знали. Кое-кто помнил ее с тех времен, когда она была хрупкой болезненной девочкой, милой и трогательной. Правда, таких памятливых набралось бы немного. Горожане, удостоенные чести встречаться с Альбиной Николаевной в пору ее зрелости, по большей части знали Турусову как властную и жесткую, если не сказать жестокую, особу, державшую в ежовых рукавицах супруга, дочь и половину Старграда. Но и для первых, и для вторых, и даже для тех, кто не мог похвастать личным знакомством с губернаторшей и кормился сплетнями и слухами, Альбина все равно была «своей», а потому смерть ее вызвала большой ажиотаж. Тем более что она погибла не в банальной автомобильной аварии, а от руки злоумышленника.

Особенно острый и отнюдь не праздный интерес к злосчастной судьбе губернаторши испытывал Сергей Владимирович Гуляев. Интерес, во-первых, профессиональный, ибо именно Гуляеву, следователю по особо важным делам из старградской прокуратуры, было поручено расследовать убийство Турусовой. А во-вторых и в-третьих, — личный. Что касается во-вторых, то Сергей Владимирович когда-то учился в одном классе с Альбиной, а потом, годы спустя, сталкивался с ней по служебной надобности. Иными словами, он принадлежал к числу немногих избранных, наблюдавших превращение нежной трепетной уклейки в хищную акулу, и странная эта эволюция интриговала его до чрезвычайности. Порученное ему расследование давало возможность сунуть нос в личную жизнь Альбины и ответить на давно мучивший Гуляева вопрос: отчего она так изменилась? Что за злой волшебник прошептал над ней заклятие?

Для объяснения третьей причины, почему Гуляев принял близко к сердцу убийство губернаторши, нужно совершить небольшой экскурс в прошлое самого Сергея Владимировича. Став следователем по особо важным делам в девяносто втором году, он недолго радовался повышению. Очень скоро до него дошло, что название его новой должности — эвфемизм, стыдливо прикрывающий истинную ее сущность. На самом деле он служил мальчиком для битья. Ибо те громкие дела — дела об убийстве политиков, предпринимателей, а также чиновников и журналистов, которые вел Сергей Владимирович, довести до суда удавалось крайне редко. Либо убийство было заказным, а следовательно, практически нераскрываемым, либо убийца принадлежал к городской элите, и тогда прокурор решительно перекрывал Гуляеву кислород, заставляя искать черную кошку там, где ее заведомо не было. А потом устраивал талантливые представления для прессы: топал на Сергея ногами и, брызжа слюной, грозил увольнением. Но, разумеется, не увольнял. «Ручной» следователь по особо важным делам его вполне устраивал, а от добра добра не ищут.

Только вот насчет прирученности Гуляева прокурор сильно ошибался. Здоровый инстинкт самосохранения, руководивший Сергеем Владимировичем на новом поприще в

первые годы, со временем основательно притупился. Часто попираемое человеческое достоинство и профессиональная гордость, горькое сознание напрасно потраченных лет и сил не способствуют желанию отчаянно цепляться за жизнь. Чтобы мальчик для битья не помышлял о бунте, ему нужно либо очень хорошо платить, либо воздавать особые почести. Иначе ждите беды. С некоторых пор Гуляев записывал свои беседы с прокурором на пленку, а протоколы допросов, улики и свидетельства экспертов, изымаемые из дел по указанию начальства, хранил у себя в тайничке, с тем чтобы при оказии переправить надежному человеку. «Когда-нибудь, — утешал себя Сергей Владимирович, — я озвереею настолько, что откажусь действовать по чужой указке и поведу дело так, как сочту нужным. И ИМ придется смириться, потому что в противном случае я взорву такую бомбу, что никому не поздоровится. А если меня уберут... что ж, бомба взорвется все равно».

Убийство Турусовой Гуляев воспринял как знак, что час икс — час мятежа — настал. Во-первых, способ и обстоятельства указывали на то, что убил не наемник-профессионал, а кто-то из близких Альбины Николаевны. Причем круг подозреваемых ограничен, а значит, шансы на успех расследования велики. Во-вторых, убийство губернаторши — едва ли не самое громкое дело за всю карьеру Гуляева. Славно завершив его, он отыграется за прошлые неудачи и подправит свое реноме. И в-третьих, Сергей Владимирович до сих пор с любовью и болью в сердце вспоминал прежнюю Альку — ласковую, отзывчивую, щедрую душой. Пускай неведомая сила обратила сказочную принцессу в злобную тварь, но ради памяти той доброй и нежной девочки он чувствовал себя обязанным найти убийцу.

Альбину Николаевну лишили жизни в частной клинике, принадлежавшей ее самой близкой, если не единственной подруге — Оксане Вольской. Тревогу подняла медсестра, услышав завывание монитора слежения за состоянием пациента. Она бросилась к посту, крикнула дежурной, чтобы срочно вызвали врача в VIP-палату, и побежала к пациентке. На бегу заметила, что охранник, сидевший у двери в маленький коридорчик, который отделял бокс для особо важных пациентов от общего коридора, навалился всем телом на стол и не реагирует на пронзительный вой аппарата, замешкалась на секунду, но не остановилась, решив, что в первую очередь нужно спасать губернаторшу. В палате медсестру поджидал новый сюрприз: дверь туалета, запертая снаружи на задвижку, сотрясалась от ударов. Девушка выдернула задвижку из паза, и ее едва не сбила с ног красная и мокрая от натуги сиделка, постоянно дежурившая в палате. Изрыгая проклятия, сиделка в два скачка оказалась у койки, завозилась с кислородной подушкой, велела товарке заняться массажем сердца, схватилась за шприц... Но ни массаж, ни искусственное дыхание, ни стимулятор не помогли. Подоспевший через три минуты врач скоро понял, что вытаскивать пациентку с того света бесполезно: мозг умирает спустя всего несколько минут после остановки сердца, и эти несколько минут уже истекли.

Зато охранника удалось откачать. Хотя, судя по диагнозу, «удалось откачать» — слишком сильное выражение. У парня в мозгу лопнул сосудик, кровоизлияние было мелким и для жизни неопасным. Рано или поздно он очухался бы самостоятельно. Но случайно ли этот микроинсульт совпал по времени со смертью объекта охраны? Точного ответа на этот вопрос Гуляев так и не получил. Опербригада, направленная в больницу, внезапно нездоровью охранника должного внимания не уделила. Врач, вызванный в прокуратуру для допроса, — тот самый, что безуспешно вытаскивал Турусову с того света, — на вопрос о возможности спровоцировать такое кровоизлияние пожал плечами.

— Есть препараты, резко повышающие внутричерепное давление. Но чем был вызван этот конкретный приступ, мы уже не узнаем. Это ведь не труп, вскрытие не покажет. Догадайся мы сразу взять на анализ кровь и содержимое желудка, тогда, может быть, что-нибудь и удалось бы выяснить, а теперь поезд ушел.

Сам парень начисто отрицал возможность того, что ему подмешали что-нибудь в еду, а тем более укололи. Еду и питье он приносил с собой, стряпал сам и вообще жил один. Сумку с провизией держал при себе, подобраться к ним незаметно никто не мог. И уж конечно, будучи «при исполнении», он никогда бы не подпустил к себе постороннего на расстояние вытянутой руки, так что шуточки со шприцем тоже исключаются.

Но Гуляев не очень-то полагался на его слова. Нет, он верил, что парень говорит искренне, такие вещи следователь со стажем видит сразу. Но не верил в естественное происхождение приступа. Каким-то образом преступник все же подобрался к охраннику или к его пище. Не мог же он рассчитывать на такое невероятное стечение обстоятельств — потерявший сознание охранник, удалившаяся в туалет сиделка... Как, кстати, злоумышленник узнал, что она удалилась? Подслушивал под дверью? Опасно! Кто угодно мог увидеть его из коридора. Сиделка была сообщницей? Нет, учитывая способ убийства, это совершенная бессмыслица.

Дело в том, что с Турусовой покончили довольно необычным способом. Сиделка поставила ей капельницу, дала легкое успокоительное и, когда пациентка уснула, ушла в туалет. Тем временем кто-то тихонько прокрался в палату, бесшумно закрыл задвижку на двери туалета, снял трубочку капельницы с воткнутой в руку иглы, а потом надел трубочку обратно и быстро вышел. Пузырек воздуха, попавший в вену, остановил сердце Альбины Николаевны. И если бы не запертая в туалете сиделка, никто бы не заподозрил неладное. У тяжело больной пациентки отказало сердце — что ж, бывает. Прозектор провел бы заурядное, положенное по закону вскрытие, с легкой душой вписал бы в графу «причина смерти» диагноз «сердечная недостаточность», и никакого расследования не случилось бы. Другое дело, если танатолог уверен, что человека убили. Тогда он, засучив рукава, как проклятый ищет причину этой самой сердечной недостаточности. Словом, будь сиделка сообщницей, она бы сама проделала весь фокус, предварительно отключив кардиограф. А минут через пять снова подключила бы, подняла тревогу и занялась бесполезной уже реанимацией. Тогда и охранника не нужно вырубать, и милицию никто бы не вызвал. Чистое, аккуратное, безупречное убийство. Нет, сиделка невиновна, это ясно. Конечно, припугнуть ее во время допроса не помешает, но чутье подсказывало Гуляеву, что это ничего не даст.

По его мнению, никто из медицинского персонала клиники Турусову не убивал. Во-первых, все сотрудники работали там давно и неплохо зарабатывали, а значит, подкупить их было непросто. Во-вторых, тот, кто попытался бы их подкупить, сильно рисковал. Где гарантия, что о первой же его попытке не станет известно правоохранительным органам? А в-третьих, у медиков всегда есть возможность обстряпать убийство так, что комар носа не подточит. Особенно если пациент на ладан дышит.

Человек «с улицы» тоже исключался. Пропускная система в клинике была очень суровой. Пропуска оформляли строже, чем на каком-нибудь режимном заводе. Фотографировали цифровой камерой и загоняли снимок в компьютер вместе со всеми данными получившего допуск. Любой, кто входил в клинику, непременно должен был миновать один из нескольких тамбуров с дежурными охранниками. Охранник набирал

номер пропуска, и на экране его компьютера появлялось крупное изображение физиономии работника или посетителя. И только убедившись в том, что на экране высветилось лицо стоящего перед ним человека, дежурный отжимал кнопку, блокирующую прозрачную пуленепробиваемую дверь. Когда срок действия пропуска кончался, программа автоматически закрывала доступ к данным его обладателя, и после ввода номера на экране появлялось соответствующее сообщение. Для посетителей срок действия пропуска кончался с выпиской больного, которого они навещали, а данные о выписке поступали в сеть из регистратуры, как только там оформляли документы. Хотя можно было аннулировать пропуск и раньше — например, если больной вдруг отказывался принимать визитеров. А вот позже — ни в коем случае.

Таким образом, по разумению Сергея Владимировича, круг подозреваемых следовало ограничить техническим персоналом клиники и посетителями. И начинать, конечно, нужно с визитеров самой Альбины.

В ответ на запрос о пропусках, выданных для посещения госпожи Турусовой, больничный компьютер выдал список из пяти имен:

Турусов Виктор Павлович — муж покойной;
Турусова Марина Викторовна — дочь;
Зарифуллин Равиль Рушанович — телохранитель дочери;
Морозов Александр Викторович — телохранитель дочери;
Желнин Виталий Григорьевич — личный помощник Турусовой.

Но начать Гуляев решил все-таки не с них. Для того чтобы правильно построить допрос, желательно иметь представление о человеке, которого собираешься допрашивать, о его характере, стиле мышления, о его взаимоотношениях с жертвой наконец. И, раздумывая, от кого бы такие сведения получить, Сергей Владимирович, конечно же, вспомнил о Вольской.

Оксана тоже была его одноклассницей и дружила с Альбиной с незапамятных времен. По слухам, ее профессиональное мастерство дважды спасло Альбине жизнь, причем один раз — вместе с жизнью Алькиного ребенка. Она была крестной матерью Марины. Опять же по слухам, Турусов в благодарность за спасение жены неизменно проталкивал Оксану вверх по служебной лестнице. При его поддержке Вольская в тридцать семь лет стала главврачом областной больницы. Именно Турусов одолжил Вольской денег и всячески помогал с оформлением документов и регистрацией, когда она решила открыть частную клинику. Короче говоря, едва ли кто-нибудь лучше Оксаны знал саму Альбину и ее домочадцев — со всеми тонкостями и подводными течениями их взаимоотношений. А учитывая личное знакомство с Вольской и общие воспоминания о молодых годах, Гуляев не сомневался, что лучшего информатора ему не найти.

Поколебавшись, он отказался от мысли пригласить ее повесткой в прокуратуру. Казенные дома не очень-то способствуют обмену трогательными воспоминаниями и душевным беседам. Сергей Владимирович позвонил Вольской по телефону и попросил о встрече. После паузы, показавшейся ему мучительно долгой, она пригласила его к себе домой.

— Ты, наверное, хотел встретиться на нейтральной территории? — сказала она, когда Сергей после небольшой заминки поинтересовался, удобно ли это. — Извини, но на ресторан у меня сегодня нет сил. После трех операций я обычно уползаю из клиники на

четвереньках. Подъезжай часам к десяти, надеюсь, к тому времени я уже доползу.

Он явился к ней, точно жених, — в костюме, белой рубашке, при галстукке. Даже с цветами. А Оксана скользнула по нему безучастным взглядом и поприветствовала без улыбки:

— Ну здравствуй, Рыжик. Сколько лет, сколько зим. Проходи, будь как дома. — И открыла пошире дверь.

Гуляев чуть не задохнулся от изумления, когда ее увидел. Она действительно смертельно устала, это было ясно сразу: лицо бледное, под глазами синева, веки полуприкрыты, словно ей невоготу их удерживать. Невоготу улыбаться, напрягать мышцы лица. Но даже в таком плачевном состоянии выглядела Оксана потрясающе. Если бы Сергей не знал точно, сколько ей лет, ни за что не дал бы больше тридцати пяти... ну, сорока. И главное, с годами она стала не то чтобы красивее, а интереснее, что ли. Есть такие лица, которые время не портит, а облагораживает, словно вдохновенный резец мастера. Черты под таким резцом приобретают неповторимость, линии — четкость и выразительность. И юная, симпатичная, но вполне заурядная мордашка превращается едва ли не в иконный лик.

— Ты чего застыл на пороге? Сражен моей неземной красотой? — Ксана заставила-таки себя растянуть губы в улыбке. — Давай цветы и проходи. Если мы простоим еще минуту, я просто рухну на пол.

— Прости. — Гуляев отдал ей цветы и суетливо нагнулся расшнуровать ботинки. — Мне, наверное, не следовало сегодня приходить. Ты же предупредила, что устаешь...

Ксана молча пожала плечами и ушла в комнату. Вот и понимай как хочешь. Когда Гуляев вошел вслед за ней, она втискивала по одной его гвоздики в вазу к другим гвоздикам. Помимо этой вазы в комнате стояло еще штук шесть, все полные цветов. Розы, лилии, ирисы, тюльпаны... И даже коробочка с орхидеей.

— М-да, неудачное подношение у меня получилось, — пробормотал Сергей Владимирович. — Надо было коробку конфет принести. Или бутылку вина.

Ксана усмехнулась, открыла застекленную узорчатым стеклом дверцу шкафа, и Гуляев увидел, что все его полки заставлены конфетными коробками.

— В баре то же изобилие, — сказала Оксана. — Так что не переживай. Дарить подарки врачам — дело неблагодарное. Садись к столу. Ты как знаешь, а я просто обязана хлопнуть пару рюмашек, иначе лыка не буду вязать.

На круглом столе, застеленном льняной скатертью, стояла ваза с фруктами, открытая коробка конфет, бутылка выдержанного армянского коньяка и две широкие рюмки.

— Если нужна другая закуска, сходи на кухню, выпотроши холодильник. И поставь приборы. А я — все, больше не могу. — С этими словами Оксана нырнула в кресло у стола, скинула туфли и, вытянув ноги, положила их на специальный пуфик.

Казалось бы, тут Сергей Владимирович должен был окончательно смутиться и почувствовать себя свиньей, однако, против всякого резона, вдруг расслабился. Без стеснения пошел на кухню, выгреб из холодильника колбасу, сыр, копченую рыбу, накромял кое-как, разложил по тарелкам, которые нашел в сушилке, достал из ящика стола вилки и принес все это добро в комнату.

— Я знаю, коньяк этим не закусывают, но, по-моему, тебе нужно поесть. Вот увидишь, сразу станет легче.

— Не станет. Я себя хорошо изучила. От еды я тупею и окончательно растекаюсь лужицей. Лучше налей мне. Коньяк — самое замечательное известное мне лекарство от

усталости и прочих неприятностей.

Гуляев подчинился.

— За встречу. — Ксана подняла свою рюмку в его сторону и тут же отпила два глотка. — Ну вот, теперь можно и поговорить. Ты не обидишься, если я попрошу тебя обойтись без вступлений? Без воспоминаний молодости, разговоров за жизнь и прочего пустопорожного трепа? Понимаю, это звучит не слишком вежливо, но, сам видишь, мне не до церемоний. Чтобы облегчить тебе задачу, скажу: я знаю, зачем ты пришел. Правда, я уже беседовала аж с двумя молодыми людьми из милиции и сообщила им все, что имела сообщить по поводу своего алиби, распорядка в клинике и отношения персонала к Альбине. Но тебе, как я понимаю, нужна, так сказать, внутренняя информация? Какой была Альбина, чем дышала, о чем мечтала и тому подобное?

— Ну, в общем-то да, — признал Сергей Владимирович.

Оксана уже допила свой коньяк и протянула рюмку за новой порцией.

— Не бойся, — сказала она, перехватив взгляд Сергея. — Я не спиваюсь. Хотя кто знает... За последний месяц уже третий раз даю себе поблажку. Надеюсь, это не превратится в привычку. Вообще-то я пью очень редко. Для хирурга прямо-таки патологически редко. — Она снова откинулась на спинку кресла, сделала глоток коньяку и пристально посмотрела Сергею в глаза. То ли с вызовом, то ли испытующе — не поймешь. — Так вот, об Альбине. Она была людоедкой. Дышала страданиями ближних, упивалась чужой болью, мечтала подмять под себя всех, до кого могла дотянуться, и раздавить, растоптать, искромсать, насладиться зрелищем чужих корчей. Ее следовало бы убить еще лет десять назад. Вырезать, как раковую опухоль. А теперь, боюсь, уже поздно. Уже пошли метастазы.

Ее слова были такими страшными, такими беспощадными, что Гуляев едва не отшатнулся. За свою жизнь он выслушал множество злобных тирад, чудовищных, тошнотворных признаний и яростных обличений, но ни одно из них не потрясло его так, как эта характеристика, данная Альбине ее лучшей подругой. Может быть, потому что Оксана была настоящей подругой, без намека на бабское соперничество и мелочную стервозность. А может быть, потому что в ее тоне не было и следа какой-либо страсти. Ее голос звучал ровно и невыразительно. И бесконечно устало.

— Но... как же так? Она же была...

— Была. Чуткой, нежной, незлобивой, кроткой, привязчивой, благодарной... Все так. И мне об этом известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Но почему, Ксана?..

Она пожала плечами.

— Не знаю. То есть предположения у меня имеются, но насколько они верны? Во-первых, болезнь. Почки — коварная штука. Если они работают с перебоями, в организме накапливаются токсины, которые постепенно отравляют все, и мозг в том числе. Альбина лишилась почки в двадцать лет. Ей трижды пересаживали донорские почки, но ни одна так и не прижилась. А операции она с каждым разом переносила все тяжелее. С возрастом страх смерти, как ни странно, усиливается. И иногда становится причиной душевного заболевания. Это во-вторых. В-третьих, климакс. Для женщины это всегда тяжелое испытание — не только и даже не столько в физическом, сколько в психологическом плане.

— Климакс? Десять лет назад?

— Нет, десять лет назад все было еще не так очевидно. Хотя ростки уже показались. Окончательно Альбина слетела с катушек три года назад.

— И как же это проявилось?

— Извини, Сергей, на этот вопрос я отвечать не стану. От выходов Альбины пострадали многие мои знакомые, и я не собираюсь усугублять их неприятности, откровенничая с тобой. Я понимаю, что это твоя работа — строить версии, искать мотивы. Но ты уж как-нибудь справляйся без меня. Скажу тебе честно: я не хочу, чтобы убийцу Альбины нашли. Да, убийство — это всегда ужасно, отвратительно, мерзко. Но существуют поступки — заметь, не всегда караемые законом, — куда более страшные и столь же непоправимые. Поверь, Альбина получила по заслугам. Может быть, даже недополучила.

— Значит, ты не хочешь мне помочь? Зачем же тогда согласилась встретиться?

— Мне не хотелось, чтобы ты вызвал меня повесткой. По крайней мере, не на этой неделе. У меня сейчас очень загруженные дни. Я ведь и правда не знаю ничего конкретного про убийство. В тот день у меня было совещание в больнице, потом обход, потом две операции — там же. В клинику я заезжала только утром в девять часов минут на сорок, не больше. А Альбину убили около трех. Если же ты собираешься выпытывать у меня, у кого были мотивы, так я все равно не отвечу, хоть сажай за отказ от дачи показаний. Могу сказать только, что были они у многих. Тебе жизни не хватит, чтобы всех проверить.

— Думаю, это и не потребуется. Достаточно узнать, у кого из них был пропуск в твою клинику. Или существует способ проникнуть туда без пропуска?

— Нет, насколько мне известно, не существует. Но они могли...

— Ага, значит, ты тоже не исключаешь возможность подкупа? Ты хорошо знаешь людей, которые у тебя работают? Кто из них способен за деньги лишить пациента жизни?

— Неужели ты думаешь, что я, зная о таких способностях, оставила бы человека работать в своей клинике? Хорошего же ты обо мне мнения! Нет, я не думаю, что в этом преступлении замешаны мои люди. Даже если я не доглядела и взяла на работу прохвоста, у него ведь на лице не написано, что он готов за приличную мзду прикончить человека. Первому встречному такое деликатное дело не поручишь, можно нарваться и на сознательного гражданина.

— Ну почему же первому встречному? А если заказчик хорошо знает твоего работника? У него ведь могли найтись веские способы убеждения. Не только деньги — шантаж, угрозы... Слабого человека запугать нетрудно.

— Из слабых людей, как мне кажется, получают неважные убийцы. По крайней мере, если речь идет об убийстве умышленном, заранее запланированном. Тут, по-моему, нужны выдержка и хладнокровие.

— Всяко бывает. Впрочем, возможно, убийство вовсе и не было запланировано заранее. Представь, твоего человека взяли за жабры, велели ему избавиться от Альбины, он ходит, ломает голову, как бы это осуществить, а тут подворачивается такой удобный случай. Охранник потерял сознание, сиделка отлучилась в туалет...

— В таком случае я тебе не завидую. Тебе придется не только трясти бедолаг, имевших мотив для убийства, но и устанавливать связи с моими подчиненными. Управишься до пенсии?

— Может, и не управлюсь, но что делать? Ты же мне помогать не хочешь.

— Не хочу. Извини.

Гуляев допил свой коньяк и откланялся.

Разговор с Вольской оставил в душе Сергея Владимировича очень неприятный осадок.

Поначалу он не задумывался над его природой, полагая само собой разумеющимся, что виной всему та гнусная характеристика, которую Ксана дала убитой подруге. До сих пор Гуляев думал, что дружба их, несмотря ни на что, продолжалась до самой смерти Альбины. Оксана Вольская, как ему казалось, принадлежала к редкой породе людей, сохраняющих верность близким до конца при любых обстоятельствах. Получалось, что он ошибался. Лишаться иллюзий всегда неприятно, вот на душе и муторно.

Но, проснувшись среди ночи от какого-то внутреннего толчка, Сергей Владимирович с удивлением понял, что это ощущение муторности никак не связано с разочарованием. Оно порождено беспокойством, если не сказать тревогой. Причем анализировать причины тревоги мозг почему-то отказывался. Стоило Сергею Владимировичу задать себе вопрос «В чем дело?», и мысли пускались вскачь, как резвые блохи, в самых разных направлениях, но только не в нужном.

Промаявшись полчаса без сна, Гуляев, кряхтя, вылез из постели и побрел на кухню. Поставил чайник, закурил, постоял у окна, бессмысленно пялясь на силуэт соседнего дома, расцвеченный редкими пятнами освещенных окон, на сереющее небо и неожиданно понял, что именно скребло когтями по сердцу, что вытолкнуло его из сна.

Если виновник Альбиной смерти убил ее не сам, а прибегнул к услугам кого-то из персонала клиники, то самым подходящим кандидатом на роль заказчика была Оксана Вольская. Она хорошо знала тех, кто у нее работает, и могла выбрать исполнителя не наугад, а со знанием дела. У нее были естественные рычаги воздействия на подчиненных — и само положение хозяйки клиники, и, возможно, осведомленность относительно чьих-то грешков.

Бывает, врачебная ошибка приводит к обострению болезни, а то и к смерти пациента. Выявляются такие ошибки сравнительно редко, а если выявляются, то коллеги не спешат обличать провинившегося собрата — то ли из корпоративной солидарности, то ли из суеверия. От ошибок ведь никто не застрахован, а ну как в другой раз сам окажешься в таком же положении? Возможно, Вольская знала о такой ошибке, допущенной кем-то из подчиненных, — кому и знать, как не ей, опытному врачу и хозяйке клиники? Легко представить, какую это давало ей власть над провинившимся. Не нужно никаких угроз, запугиваний, только намекни, что хочешь смерти некой пациентки, а уж проштрафившийся коллега сам сообразит, что от него требуется.

Можно не сомневаться, что мотив у Оксаны был. Как она сказала? «Существуют поступки, еще более страшные, чем убийство и столь же непоправимые. Альбина получила по заслугам. Возможно, даже недополучила». Сказать такое про подругу, про умершую подругу... Что это, как не признание в существовании мотива?

И эти постоянные напоминания о смертельной усталости. Разве не были они слишком нарочитыми? Хороший психологический ход, между прочим. «Ты просил меня о встрече, и я твою просьбу уважила, хотя сам видишь, чего мне это стоит. Оцени мою добрую волю и не приставай со своими дурацкими вопросами. А в качестве ответной любезности не вызывай меня в прокуратуру».

Гуляеву стало совсем тошно. Оксана Вольская, которую он знал по школе, никогда не прибегала к хитростям и уловкам. Одноклассники уважали и побаивались ее — она была сильной личностью, и, по их мнению, чересчур уж правильной. Ксана неизменно отказывалась от участия в сомнительных затеях вроде коллективного прогула или небезобидного розыгрыша какой-нибудь нелюбимой учительницы да к тому же безжалостно высмеивала одноклассников за мелкопакопостническую сущность, безмозглость и дух

стадности. Обзывала бандерлогами, цитировала обидные куски из Киплинга. Ее многие недолюбливали. Но уважали, потому что она никогда не «стучала» и не выдавала зачинщиков, если побег или розыгрыш все-таки устраивался. Зная о ее справедливости и беспристрастности, Вольскую часто просили судить спортивные матчи и соревнования. Любой спор, каким бы бурным он ни был, быстро прекращался, если она брала чью-то сторону.

И эта самая Вольская убила Альбину, за которую когда-то стояла горой, которую утешала, защищала, оберегала, которой, в конце концов, дважды спасла жизнь? Убила чужими руками, воспользовавшись начальственным положением или знанием чужой неприглядной тайны? А после этого затеяла со следователем, бывшим одноклассником, недостойную игру? Да полноте, может ли человек до такой степени перемениться?

Но ведь переменилась же Альбина — чудная крохотная девочка с удивительно нежным и большим сердцем. Можно поставить под сомнение оценку, данную ей Оксаной, но спорить с общественным мнением было бы глупо. А старградцы с редким единодушием почитали свою губернаторшу за особу безжалостную и властолюбивую. Гуляев и сам мог бы кое-что добавить к этой характеристике. Расследуя однажды заказное убийство некоего Лытникова, старградского дельца средней руки, Сергей Владимирович выяснил, что его деловые интересы частично пересекались с интересами Турусовой, и попытался добиться встречи с Альбиной Николаевной. Поскольку созвониться с ней не удалось — хамоватый секретарь без стеснения отфутболил назойливого следователишку, — Сергей подстерег Альбину неподалеку от ее офиса. Не слишком мудрый поступок. Мало того что Альбина облила его высокомерным презрением и отказалась разговаривать, так еще и прокурор на следующий день устроил безобразную выволочку. Куда, мол, лезешь, недоумок?

Если одна женщина могла до такой степени измениться, почему не может другая?

И все же Сергею Владимировичу не хотелось в это верить. Может быть, потому, что лицо нынешней Оксаны напомнило ему иконный лик. А может быть, из-за той непринужденности, той легкости, что он испытывал в ее присутствии, несмотря на ее откровенный отказ помочь.

«Ничего, Оксана Яновна, и без вас справимся. Мало ли на свете сплетников? Говорят, Альбина меняла прислугу как перчатки. Наверняка среди уволенных найдутся обиженные, которые с радостью вывалят перед любым желающим грязное хозяйское белье. Служащие Альбины Николаевны тоже вряд ли откажутся перемыть покойнице косточки — ну, хотя бы некоторые. Если я не ошибаюсь, мало кто настолько любил Турусову при жизни, что захочет хранить ей верность после смерти. А уж вызнав все о ее неблагоприятных делишках, я как-нибудь сумею вывести убийцу на чистую воду, сколько бы времени это ни заняло».

* * *

В тот же предрассветный час не спала и Оксана. Впрочем, она не спала вот уже... сколько? Неделю? Две? Пожалуй, с того дня, когда к ней в клинику заявился Турусов...

— Нет, Виктор Палыч. И давайте не будем тратить время попусту. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Ксана, ради бога, выслушай меня...

— И не проси, Виктор. Ни ради бога, ни ради черта, ни ради светлого будущего дорогой Альбины. Слишком многое мы с тобой побросали в топку пламенной любви к твоей драгоценной супруге. У меня топливо кончилось, нечего больше бросать.

— Ты думаешь, я не понимаю? — Вальяжная физиономия губернатора скривилась то ли в горькой усмешке, то ли в беззвучном плаче. — У самого все выгорело. Даже головешки, и те в пепел рассыпались. Не о любви речь. Вернее, не о любви к Альбине. Последние года два я вижу в ней не жену и даже не женщину, а гранату с выдернутой чекой. Малейший толчок, и взрыв накроет всех, кто поблизости, — меня, тебя, Маришку...

— Ты уж извини, Виктор Палыч, но твое благополучие меня волнует мало. Еще меньше, чем собственное, а уж куда, казалось бы, меньше. Или ты полагаешь, что я пошла к вам с Альбиной в рабство из стяжательства или честолюбия? Ошибаешься, дорогой. Деньги и карьера на моей шкале ценностей...

— Бог с тобой, Ксана, я никогда...

— А что касается Мариши, то Альбина при всем старании не сумеет изгадить ей жизни больше, чем уже изгадила. Больше просто некуда. Короче, тебе не удастся меня напугать, Витя. И переубедить не удастся. Так что давай закончим этот разговор.

— Ксана, удели мне еще пять, нет, десять минут. И не перебивай. Это все, о чем я прошу. Я уже понял, ты не собираешься менять свое решение. Пусть так. Дай мне высказаться, а потом можешь повторить свое «нет». И тогда я его приму. По крайней мере, мне не придется винить себя в том, что я сдался, не исчерпав весь арсенал.

Оксана крутанулась вместе с креслом, обратив к собеседнику профиль, кинула обреченный взгляд за окно и сказала, вздохнув:

— Ладно уж. Выкладывай. Но я тебя предупредила.

— Спасибо.

Виктор Павлович пригладил седую, но все еще изрядную шевелюру, откашлялся и заговорил, сначала медленно и тяжело, потом быстрее, еще быстрее — так атлет разбегается перед прыжком.

— Ты знаешь, у меня никогда не было особых талантов. Я не могу похвастать ни блестящим умом, ни сугубой напористостью, ни дипломатическими способностями. Всем, чего я достиг, я обязан внутреннему чутью. Если хочешь, обостренному нюху.

«И покойному папочке-мажору», — мысленно добавила Оксана, но вслух ничего не сказала.

— До сих пор он меня ни разу не подводил. Ни в политике, ни в бизнесе, ни в жизни. Так вот, сейчас я чувю исходящую от Альбины смертельную опасность. Подчеркиваю — смертельную. То есть речь идет не о том, что Аля осчастливит журналистов или моих конкурентов разоблачительными сведениями, не о том, что мы с тобой повывлетаем из своих начальских кресел. Возможно, в отличие от тебя, Ксана, я был когда-то и честолюбив, и алчен, но на седьмом десятке обаяние денег и власти сильно тускнеет. Президентом мне не стать, в министры я сам не хочу — больно уж хлопотное и неблагодарное это дело, так что в карьере я достиг своего потолка. Со временем меня все равно турнут, и цепляться из последних сил, чтобы оттянуть неизбежный конец, я не стану. А деньги... Вряд ли я удивлю тебя, если признаюсь, что этого добра уже хватит и на мои пышные похороны, и на Маришкину безбедную жизнь, и на детей ее, и на внуков. Может, даже правнукам перепадет. В общем, поверь, не из-за теплого местечка я так засуетился. А вот помирать раньше срока мне бы не хотелось. И тебя хоронить. Я знаю, ты меня недолюбливаешь, но, поверь, я к тебе

всегда тепло относился. И уж совсем мне не хочется рисковать Маришкой. Погоди, Ксана, я еще не закончил. Да, у меня нет никаких доказательств, что дела обстоят так скверно. Только этот пресловутый нюх, но я ему доверяю. Стоит мне увидеть Альбину, внутри как будто включается сигнал тревоги. А когда рядом с Альбиной Маришка, воздух вокруг них, кажется, вибрирует от ненависти. Пока они вместе, взрыв может прогреметь в любую минуту. Но и попытка оградить от нее Маришку приведет к тому же результату. Непременно приведет. Нам с тобой худо-бедно удалось вырваться, но девочку Альбина не выпустит, ты же знаешь. Думаешь, я не ломал голову, пытаюсь найти другой выход? Еще как ломал! Но его нет, Ксана, не существует, пойми! Ты должна согласиться, иначе... не знаю... произойдет что-то ужасное.

Виктор замолчал. Оксана подождала продолжения, но его не последовало. Тогда она вернула кресло в прежнее положение, и чеканный профиль, созерцаемый губернатором, обратился в столь же чеканный фас. Холодный тон и четкая артикуляция Оксаны Яновны Вольской были вполне под стать ее медальному облику.

— Ты все сказал, Виктор Павлович? Тогда до свидания. Мой ответ ты уже слышал.

— Ты мне не веришь?

— Не знаю. Скажем так: я не хочу тебе верить. И вроде бы оснований у меня достаточно. Мать, посягающая на жизнь своего ребенка, явление довольно редкое, тебе не кажется? Особенно если учесть, насколько тяжело досталась Альбине дочь...

— Если бы речь шла о нормальной женщине, я бы с тобой согласился. Но психическое здоровье Альбины... Да кому я это говорю! Не ты ли сама еще два года назад пыталась убедить ее обратиться к психиатру? Помнишь, к чему это привело?

Ксана усмехнулась.

— Ну, если брать сухой остаток, то к моей свободе. Правда, боюсь, свобода может оказаться временной. Вот уже три месяца, как Альбина вновь со мной разговаривает, а последние две недели — даже не без некоторой сердечности. Не исключено, что ее неизреченная милость объясняется потребностью в моих профессиональных услугах.

Виктор посмотрел на нее с любопытством.

— Да-а, Ксаночка, твоя лояльность по отношению к подруге в последнее время дала серьезную трещину. Не могу припомнить, чтобы ты говорила о ней так ядовито. Хотя винить тебя, конечно, трудно. Ты и так продемонстрировала чудеса долготерпения.

— Кстати, о долготерпении... — Первую часть губернаторской реплики Оксана попросту проигнорировала. — По-моему, я уже несколько раз намекала вам, Виктор Палыч, чтобы вы покинули мой кабинет.

Он вдохнул и неохотно встал.

— Хорошо, хорошо, ухожу. Но обещаю, что подумаешь над моим предложением...

— Ты русский язык понимаешь, Виктор Палыч? По-моему, я высказалась совершенно определенно.

— Господи, Ксана, ну откуда такая непреклонность? Если мой замысел сработает, все только выиграют. Иначе почти наверняка разразится катастрофа. А ты твердишь «нет», даже не пытаешься объяснить причину своего отказа. Неужели дело только в нарушении договоренности столетней давности?

Оксана смерила его холодным взглядом и снова отвернулась к окну.

— Нет, Витя, не только. Есть и другая причина. Один раз мы с тобой уже попробовали сыграть роль богов из машины, и тоже из соображений всеобщего блага. Долгое время мне

даже казалось, что мы преуспели. Но тебе известно, чем все закончилось... И теперь я не настолько самонадеянна, чтобы распоряжаться чужими судьбами. Поверь мне, гораздо разумнее оставить это право за Всевышним.

* * *

После ухода губернатора Оксана Яновна Вольская, известный хирург, главврач Старградской областной больницы и владелица преуспевающей клиники, вызвала секретаря и попросила перенести на завтра две запланированные встречи, потом позвонила в больницу и предупредила своего заместителя, что не сможет провести назначенную на сегодня плановую операцию. Потом закрылась на ключ, достала из шкафчика бутылку «Хенесси» и лимон.

Оксана отличалась отменной выдержкой и самообладанием. Желание выпить накатывало на нее нечасто, а уж потворствовала она ему в исключительных случаях. Даже после неудачных операций, когда пациент умирал у нее на столе, — а такое порой случается и с самыми удачливыми хирургами, — ей хватало силы воли не прибегать к популярному средству расслабления. В последний раз она позволила себе такую роскошь два года назад, после достопамятного скандала с Альбиной.

— Похоже, к старости вы обзаводитесь скверной привычкой, сударыня, — закладывать за воротник всякий раз, когда жизнь сталкивает вас с милыми причудами подруги детства, — укорила Оксана свое отражение, подойдя к зеркалу с полным бокалом. — Как любезно со стороны Альбины взять небольшой тайм-аут в общении. Не будь его, кто знает, под каким забором вы бы сейчас валялись, дорогая Оксана Яновна. Но теперь тайм-аут, видимо, кончился. Извольте взвалить на себя свой крест, мадам. Ну-те-с, будем здоровы!

Через час она уговорила полбутылки и преисполнилась острой жалости к себе. За что, ну за что ей такое выпало? Ведь она совсем не плохой человек. Даже враги и завистники — а мало ли их у женщины ее положения и достатка? — не могли бы обвинить ее в подлости или низости. Да, она совершала ошибки и даже преступала закон, но ведь не ради корысти, а из лучших побуждений. Впрочем, выведая враги ее секреты, вряд ли они поверили бы в благородство намерений. Внешне все выглядело так, будто она всякий раз оставалась в крупном выигрыше от своих прегрешений. Первый секретарь Старградского горкома комсомола, позднее председатель облисполкома и наконец губернатор Турусов всегда щедро осыпал Ксану милостями за преданность его обожаемой супруге. Но разве окупали они хотя бы отчасти ее потери? Разве внешнее благополучие и профессиональный успех компенсируют крах в личной жизни и обостряющиеся с годами муки совести?

Оксана прерывисто вздохнула и опрокинула в себя остатки коньяка.

«Ах, Алька-Альбинка, что за злой гений переплел наши дорожки?»

* * *

Семья Альбины переехала в Старград и поселилась в Ксанином доме, когда обеим девочкам было по шесть лет. Правда, Альбина на свои шесть не тянула. Маленькая, худенькая, болезненно бледная, ножки — спички, ручки — ниточки, под прозрачной кожей

просвечивали голубые жилки. Огромные банты и атласные платяца с пышной юбкой-колоколом только усиливали впечатление ее миниатюрности. Эльф, да и только. Ксана же, крепкая, выносливая, загорелая, с вечными синяками и ссадинами на непропорционально длинных конечностях, выглядела на ее фоне дикареньшем Маугли.

На переезд новых соседей собралась поглазеть вся дворовая ребятня. Сначала в арку въехал мебельный фургон, потом — грузовик, крытый брезентом. Из грузовика высыпало человек десять солдатиков. Они быстро и ловко выгрузили из фургона полки, тумбочки, стулья, диваны и шифоньер, а потом начали заносить все это добро наверх. Распоряжался погрузкой плотный коротышка с пышными усами. Отсутствие погон на его форменной рубашке вызвало бурный спор относительно его звания. Юные знатоки с мальчишеской горячностью награждали его самыми разными чинами от майора до генерал-майора. Дело чуть не дошло до драки, но тут объект спора надел китель, продемонстрировав публике погоны с четырьмя маленькими звездочками. Разочарованное дворовое братство сразу утратило интерес к происходящему и решило отправиться на пустырь погонять мяч, когда во двор въехала серая «Волга» и из нее выбралась красивая женщина с грустным лицом, а потом — крохотное существо в пышном облаке бантов и оборок.

— Чудо в перьях! — презрительно бросил кто-то из мальчишек, неделикатно тыча в существо пальцем.

Полное согласие с этим определением дружки выразили громким свистом и улюлюканьем.

— Хватит вопить! — рявкнула Ксана, глядя на перепуганное прозрачное личико. — Они подумают, что вы шайка психов, удравших из дурдома.

Грустная женщина подхватила существо на руки и понесла в дом. Но пока они не скрылись в подъезде, странная девочка не отрываясь смотрела на Ксану. Так они впервые встретились с Альбиной.

— По-моему, они очень приятные люди, — заявила Ксанина мама за обедом три дня спустя. — Он, конечно, немного резковат... Ну, гарнизонная жизнь, она кого хочешь огрубит... А она — очень милая, интеллигентная женщина. Ленинградка. И балерина, между прочим. Правда, ей так и не довелось потанцевать в театре. После балетной школы — сразу ребенок. А потом муж окончил училище, и их услали в жуткую тьмутаракань. В маленький гарнизонный городишко в степи, километрах в ста от Сталинграда. Была там сараюшка, называемая домом культуры, но эту самую культуру представлял только самодеятельный армейский ансамбль песни и пляски. Нина хотела устроить для детворы балетный кружок, да не получилось. Девочка у нее болеть начала. То одним, то другим. — Тут мама прервала свой монолог и обратилась к Оксане: — Ксюша, ты должна подружиться с Альбиной. Она болеет, гулять не выходит, ей очень грустно без друзей. Тетя Нина, ее мама, просила, чтобы ты заходила к ним в гости. Хочешь, я тебя сегодня отведу?

Ксана помотала головой.

— Не хочу. Что мне там делать, если эта Альбина болеет?

— Вы могли бы просто поговорить. Или сыграть в какую-нибудь тихую игру.

Ксана скривилась.

— Тихие игры совсем неинтересные. Пусть лучше она выздоравливает и выходит во двор.

Но, как выяснилось, затворничество Альбины объяснялось не столько болезнью — у нее были какие-то проблемы с почками и хронический бронхит, — сколько тонкой душевной

организацией. Она не переносила скопления людей, шума и беготни. В четыре года ее отвели в детский сад, и в первый же день это кончилось плачевно. Едва мама вышла из здания, как у девочки случилась истерика, а через полчаса после того, как ее наконец успокоили (с помощью врача), Альбина потеряла сознание и пришла в себя только в больнице.

— Понимаешь, Ксана, — объяснила тетя Нина тем же вечером, когда пришла звать ее в гости, — моя Алька совсем не умеет общаться с детьми. Она их боится. А ведь ей через год в школу. Если получится как с детским садом, она не сможет учиться. Ты ведь сможешь нам, правда? Тогда, во дворе ты за нее заступилась. Тебя она не будет бояться. А со временем ты познакомишь ее со своими друзьями, сначала с одним, потом с другим, с третьим... И постепенно она перестанет дичиться, научится с вами играть, начнет получать от этого удовольствие. Господи, чего бы я только не отдала, лишь бы она стала нормальной жизнерадостной девочкой! Я так надеюсь на вашу будущую дружбу, Оксана!

Вот так, против воли, Ксане пришлось познакомиться с Альбиной поближе. Сперва ей показалось, что мечты тети Нины неосуществимы. Альбинка явно не годилась в друзья нормальному жизнерадостному ребенку. Те условно-подвижные игры, которые изобрела ограниченная пространством одной комнаты Ксана, мгновенно утомляли ее подопечную. Даже метание колец вызывало у бедняжки одышку и головокружение, а уж задача обежать комнату, ни разу не ступая на пол, и вовсе была ей не по силам. Единственное занятие, которому Альбинка предавалась самозабвенно, — вырезание бумажных платьев для картонных кукол — наводило на Ксану смертную тоску. Им нравились разные книжки, разные пластинки, разные диафильмы. Таинственные приключения с элементами страшилок, будоражившие воображение Ксаны, пугали Альбину до колик. От любимых Алькой слюнявых сказок про прекрасных принцесс Ксану кривило. Казалось, их дружба была обречена с самого начала. И все-таки они подружились — вопреки всякому здравому смыслу.

Ксана тогда так и не поняла, как это случилось. В первые недели она наблюдала за Альбинкой с изумлением молодой овчарки, впервые столкнувшейся с чихуахуа. «Какая таинственная сила поддерживает жизнь в этом нелепом уродце? И что прикажете с ним делать? Обнюхать? Так он, чего доброго, отдаст богу душу. Припасть на лапы, пригласить поиграть? Визгу не оберешься. Ну его к лешему! Вон, лучше за соседским шнауцером погоняюсь...» Подобного рода мысли мелькали и у Ксаны. Но у нее и у щенка овчарки, помимо игривости и некоторого внешнего сходства (например длиннолапости и привычки склонять голову набок), было еще одно общее свойство — природное добродушие. Если в дом, где живет овчарка, принести котенка, собака почти наверняка возьмет его под свое покровительство — вылизет, допустит к своей миске и будет защищать от обидчиков. Примерно тот же инстинкт проснулся и у Ксаны по отношению к Альбинке. Инстинкт стайного животного, побуждающий опекать слабого, раз уж этот слабый принят в стаю.

Вторая причина этой странной дружбы заключалась в характере Альбинки. Ей была присуща черта, совершенно нетипичная для детей ее возраста. Если уж на то пошло, то нетипичная для любого возраста. Альбинка умела искренне радоваться чужому успеху, даже если он означал ее собственное поражение. Она восторженно пищала и хлопала в ладоши, когда Ксана выбрасывала на кубиках удачное число, позволявшее ей миновать неприятную ловушку в игре с фишками, подсовывала подружке свои карты, когда они играли в «пьяницу» или в «сметану», глазами и жестами буквально подталкивала Ксану к тому месту, где

спрятала условленную вещь при игре в «холодно-горячо». Она все время порывалась подарить Ксане своих любимых кукол, самые красивые кукольные платья и посуду. Она смотрела на Ксану с обожанием, то и дело повторяя «ты такая умная», «ты такая смелая», «ты самая лучшая». И Ксане, чего греха таить, здорово льстило ее поклонение.

Естественно, родители записали девочек в один класс, а учительница по просьбе родителей усадила их за одну парту. Панический страх, который Альбинка испытывала перед другими детьми, со временем прошел. Оксана ясно дала понять дворовому братству и одноклассникам, что эта пугливая кроха находится под ее особым покровительством. Она нещадно лупила всякого, кто осмеливался дернуть Альку за косицу или плюнуть в нее из трубочки жеваной промокашкой. Она осыпала градом изощреннейших оскорблений горе-остряков, придумывавших Альке обидные клички. А поскольку кулачки у Ксаны были крепкими, ноги быстрыми, а язычок острым, желающих поразвлечься за Алькин счет вскоре почти не осталось.

Но Ксанины усилия едва ли увенчались бы успехом, если бы не удивительный характер самой Альбинки. Познакомившись с ней поближе, одноклассники вполне сумели оценить ее душевную щедрость и редкую незлобивость. В конце концов из всех уничижительных прозвищ вроде «дохлятина», «сикильдявка», «бледная поганка», «припадочная» и «овечий хвост», которыми ее исподтишка награждали самые неумные, прижилось только безобидное и даже ласковое Малявка.

В общем, школа прошла для обеих девочек довольно безоблачно, ни разу не подвергнув сколько-нибудь серьезному испытанию их дружбу или душевный покой. Даже муки первой любви на этом этапе миновали обеих. Ксану — потому что на всякие глупости у нее просто не было времени. Учеба, книги, две спортивные секции (волейбол и фехтование) и занятия с Альбиной, которая по болезни часто пропускала школу и нуждалась в помощи, заполняли целиком ее дни и мысли. Альбинка же избежала сердечных терзаний благодаря своей инфантильности. То ли из-за болезни, то ли из-за наследственности ее физическое развитие сильно отставало от нормы. В шестнадцать лет она выглядела на одиннадцать, эмоционально тоже не слишком отличалась от одиннадцатилетней.

После школы они расстались. Ксана уехала в Москву поступать в медицинский, а Альбина осталась дома. Ни учиться, ни работать она по нездоровью не могла.

По всем приметам их дальнейшие пути-дорожки должны были разойтись. Люди, не связанные общими целями, интересами и даже вкусами, редко поддерживают отношения после того как перестают вращаться в одном кругу. И следующие три года казалось, что все к тому идет. Переписка, сначала довольно интенсивная, потом все более вялая, заглохла окончательно. Время, которое девушки проводили вместе, когда Ксана приезжала на каникулы, потихоньку сократилось до обусловленного приличиями минимума. Первые полтора года, когда Альбинка сидела в четырех стенах и страдала от нехватки общения, Ксана, приезжая в Старград, сидела у подруги почти безвылазно — не потому что их так уж тянуло друг к другу, больше из сострадания и чувства долга. Потом Альбина одолела наконец полосу препятствий пубертатного периода, и здоровье ее улучшилось настолько, что она устроилась на работу. Не на завод, разумеется, и даже не школьной лаборанткой, а в горком комсомола барышней на телефоне. У нее появились новые знакомства, новые интересы, и Оксана с облегчением заметила, что подруга нуждается в ней гораздо меньше. В очередной Ксанин приезд девушки виделись от силы раза два.

А потом наступил семидесятый год. Страшный год, поломавший судьбу и Ксане, и

Альбинке. И навсегда связавший их друг с другом.

А начинался он так прекрасно! Ксана влюбилась — до самозабвения, до умопомрачения. Влюбилась в человека, который сам ее выбрал.

Однокурсницы засматривались на Егора с первого дня учебы. И не потому, что он был красавцем, просто чувствовались в нем необычная внутренняя сила и сдержанное достоинство. В любой студенческой компании он обращал на себя внимание, не прилагая к тому усилий, — так притягивает взгляды матерый волк на площадке молодняка. Хотя матерый волк — слишком мрачный образ, а Егор не был ни мрачным, ни слишком серьезным. Скорее уж его отличало добродушие — спокойное, несуетное, происходящее от сознания собственной силы. И немножко ироничное. С однокурсницами, наперебой искавшими его благосклонности, он держался галантно и сердечно, но смешинка в глазах наводила на мысль, что их маневры его скорее забавляют, чем возбуждают.

Ксана, как и большинство ее подруг, еще на первом курсе отметила Егора, выделила его из толпы. Но, понаблюдав за его реакцией на девичьи охотничьи уловки, решила, что не станет участвовать в борьбе за этот приз. И волевым усилием выкинула из головы романтическую дребедень. Сознательно выбрала для общения с Егором ровный дружеский стиль. И, как ей казалось, Егора их бесполое отношения вполне устраивали. А потом вдруг случилось чудо.

Институтская волейбольная команда проводила товарищескую встречу с Первым Медом. Мужской матч ребята продули со счетом 1:3. На площадку вышли девушки. Ксана считалась сильным игроком, но в тот раз она превзошла саму себя. Брала такие мячи и так играла на подаче, что зал в едином порыве вскакивал и восторженно орал — даже болельщики противника. Но и в этом невероятном шуме ее ухо чутко улавливало голос Егора, выкрикивающего ее имя.

Он подждал ее в тускло освещенном коридорчике на выходе из раздевалки.

— Ксюха, там целое столпотворение мужиков, рвущихся подержать за ручку восходящую звезду советского волейбола. Ты не против, если я тебя потихоньку умыкну?

С того вечера все и завертелось. Потом Ксана много раз пыталась восстановить в памяти последовательность событий, но безуспешно. Такое впечатление, что она надыхалась закисью азота. В памяти осталось ощущение эйфории, пьянящей радости, триумфа, праздничного мельтешения и острое — до боли — чувство слитности, неразделимости с любимым. И счастливое, но немного тревожное причитание внутреннего голоса: «Так не бывает. Это невозможно. Это не я. Разве может такое происходить со мной?»

Они решили пожениться в конце августа. Егор познакомил Ксану со своими родителями — с подтянутым суховатым отцом-полковником и робкой, немного суетливой и доброй мамой-домохозяйкой. После летней сессии поехали в Старград — предъявить жениха родителям невесты. Ну и, разумеется, друзьям детства.

Альбинка, добрая душа, изо всех сил старалась радоваться за подругу. Но Ксана слишком хорошо ее знала, чтобы не заметить героических Алькиных усилий скрыть терзающую ее тревогу, если не страх. С третьей попытки удалось вызвать упрямыцу на откровенный разговор.

— Ох, Ксана, мне до того не по себе! За мной вот уже полгода ухаживает секретарь нашего комсомольского горкома. Замуж зовет. Мама хочет, чтобы я согласилась. Говорит, я не приспособленная — из тех, кого всю жизнь нужно за ручку водить. Какая из меня

хозяйка? А у Виктора такое положение... Он может себе позволить и кухарку, и горничную, и экономку. И няню, когда ребенок родится. Мне останется только ухаживать за собой, да приветливо ему улыбаться. Дом — полная чаша, ни хлопот, ни забот, будущее детей обеспечено. Где я еще найду такого мужа? Только я его боюсь. Он такой деловой, такой самоуверенный. Всегда знает, чего хочет, и идет напролом. Мне иногда кажется, что меня привязали к рельсам, и на меня надвигается локомотив. А еще он гораздо старше. Ему уже тридцать два. Я разговариваю с ним и сама понимаю: для него мои слова — детский лепет. Зачем я ему, Ксана? Почему он не хочет оставить меня в покое?

Говорят, счастье эгоистично. Влюбленным нет дела до чужих неприятностей. Но Ксана и Егор приняли Алькины терзания близко к сердцу. Будь на ее месте кто угодно другой, вся история не стоила бы выеденного яйца. Не нравится ухажер — дай ему отставку, и дело с концом. Но Алька — беззащитная, внушаемая, безотказная — вполне могла пойти на поводу у мамы и напористого комсомольского вожака, а потом мучиться всю оставшуюся жизнь. И Ксана с Егором образовали группу поддержки. Ежедневно навещали бедняжку, вытаскивали ее с собой на прогулки, на пляж и потихоньку проводили психологическую обработку, исподволь возвращая и укрепляя в Альбинке решимость дать отпор постылым домогательствам.

Во время одного из таких воспитательных походов Ксана отлучилась на минутку — купить то ли мороженого, то ли воды, — а, вернувшись, посмотрела на Егора с Альбиной и почувствовала болезненный укол в сердце. Они смотрели друг на друга такими глазами... Ей впервые пришло в голову, что они составили бы идеальную пару — хрупкая, трогательно-беспомощная, ласковая Алька и сильный, надежный, заботливый Егор. Противоположности, как известно, притягиваются. Самые гармоничные браки — те, где супруги дополняют друг друга. Егор и Ксана были, так сказать, одноименными зарядами. Оба — сильные, самостоятельные, решительные люди с крепким внутренним стержнем. Им было легко вместе, они хорошо понимали друг друга и радовались этому родству душ. Однако нельзя сказать, чтобы они друг друга дополняли. Конечно, два волевых человека могут поладить, если их воли совпадают, но волевой и уступчивый поладят всегда. И хитрая природа устроила все так, чтобы воля чаще выбирала уступчивость.

Увидев Егора и Альбинку вместе, Ксана поняла, что ее ставка проиграла. Будь она похитрее или, может быть, погибче, у нее еще оставался бы шанс. Сделать вид, что ничего не происходит, не дать Егору возможности объясниться, дожждаться отъезда и понадеяться, что все рассосется... Но Ксана ненавидела уловки и неопределенность. В тот же вечер она сама вызвала Егора на разговор:

— Ты все еще уверен, что хочешь жениться на мне, а не на Альбинке?

На его скулах обозначились желваки, на горле смешно подпрыгнул кадык.

— Ксюха... Наверно, я жуткий подлец. Даже точно — подлец. Не могу понять, как так получилось... Я вчера ночью лежал и думал, что мне надо уехать. Остыть, разобраться в себе. А потом представил себе Альку... Они ведь ее сломают. Нам в любом случае осенью в институт, а без нас они ее дожмут. Она ведь кроткая как овечка. Поведут на бойню, и пойдет, не пикнет. Я подумал, если она будет знать, что я... что она...

— Все ясно, можешь не договаривать. Надеюсь, ты не обидишься, если я больше не буду принимать участия в этих сеансах психотренинга? Мне кажется, без меня ты справишься лучше. И еще... у меня к тебе одна просьба. Не мог бы ты пока не показывать моим, что... ну, что свадьбы не будет. Лучше я им потом напишу. Так проще.

— Ксюха... Нет, я круглый дурак. Отказаться от лучшей девушки в мире!.. Слушай, дай мне немного времени... Все так быстро повернулось, у меня голова кругом идет. Может, правда уехать на недельку?

— Я на твоём месте сначала попыталась бы выяснить, что чувствует Алька. Если я права в своих подозрениях, твой отъезд может толкнуть ее напрямик в объятия этого комсомольского бонзы.

Могла ли Ксана предугадать, к каким последствиям приведет ее совет? Сколько раз она потом кляла свой язык! Ведь знала же о вечной готовности Альбинки принести себя в жертву! Значит, должна была предвидеть ее реакцию.

Разумеется, Алька пришла в ужас от одной мысли, что перешла дорогу лучшей подруге. Ее зарождающаяся любовь к Егору только усугубила чувство вины. Желая исправить причиненное зло и примерно себя наказать, она сказала «да» своему комсомольскому секретарю. И с несвойственной ей решимостью отказалась выслушивать все увещания Ксаны и Егора.

Егор, поняв, что ничего не может изменить, уехал. Сказал, что ему нужно побыть одному. Ксана, понимая его состояние, не пыталась его удерживать.

Через две недели (комсомольские начальники не любят ждать) в Старграде гуляла грандиозная свадьба. Как Ксана ни сопротивлялась, ее все-таки впихнули в свидетели невесты. Глаза у Альки были больные, но держалась она мужественно. Жених лучился довольством и благодушием. Оксану передергивало от его барственных замашек в сочетании с номенклатурным стилем речи и таким же юмором.

После свадьбы она поспешно удрала из Старграда — от очевидного Алькиного несчастья, в котором винила себя, от вопросов родителей о Егоре... Что она могла им ответить, если сама не знала, чем все кончится? Надеялась, конечно. Ждала, что он к ней вернется.

Он не вернулся. Не вернулся вообще. В сентябре его родители подняли тревогу — выяснилось, что никто не знает, куда Егор уехал. Ксана, как могла, пыталась их успокоить, говорила, что, возможно, ему требуется время, чтобы оправиться, прийти в себя. Но в душе чувствовала: случилось что-то плохое, непоправимое.

Егора нашли в ноябре. В Байкале. Кто-то наткнулся на вмерзшее в лед тело. В кармане сохранился запаянный в полиэтилен студбилет.

Никто так и не узнал, как он погиб. Рассказывали, будто в августе примерно на том же месте нашли перевернутую лодку и выловили тело местного рыбака. Был ли Егор в той же лодке? Или пытался спасти тонущего, не зная, что в холодной байкальской воде не проплывешь и тридцати метров?

Оксане казалось, будто она разом лишилась всех нервных окончаний. Превратилась в бесчувственное бревно. Она перестала слышать, что ей говорят, перестала видеть лица, текст в книгах, перестала чувствовать запахи и вкус пищи. Потом все прошло, но внутренняя бесчувственность осталась. Мозг отказывался воспринимать случившееся.

Ксана на автопилоте сдала сессию и поехала домой. Сообщила родителям о гибели Егора и сказала, что не хочет никого видеть. Три дня родители ходили мимо ее двери на цыпочках, только пару раз предприняли робкую попытку нарушить уединение дочери. На четвертый день мама ворвалась в комнату без стука.

— Ксана, Альбинка умирает! Я сдуру сказала Нине про Егора, а Нина при ней проговорила. У Альбины выкидыш... шестнадцать недель. И почка отказала. Пришлось

удалять. Виктор привез из Москвы какое-то медицинское светило, достал импортные лекарства, а ей все хуже и хуже...

В больнице Ксану наотрез отказались пустить к подруге.

— Турусова в реанимации. Состояние критическое. Посещения разрешены только близким родственникам.

Оксана осталась ждать в вестибюле. Ее несколько раз пытались выгнать, она не отвечала и не уходила. Потом откуда-то из недр здания появился Виктор — помятый, осунувшийся, с запавшими красными глазами. Увидев Ксану, он сразу оценил обстановку и коротко приказал церберам:

— Пропустите! Хуже все равно не будет...

Увидев прозрачное бескровное лицо Альки, Ксана отчетливо поняла смысл туманного выражения «печать смерти». Поняла и другое: Альбина не хотела жить. Она приговорила себя — за предательство дружбы, за предательство любви, за смерть ребенка, которого не сумела выносить. В общем, за то, в чем ее вины не было ни капли. Но доступно объяснить это умирающей не было ни возможности, ни времени. Ксана поняла, что может вытащить Альку только одним способом — сыграв на ее сострадательности и чувстве вины.

— Алька, — сказала она, прикоснувшись к спичечному запястью, — Если после всего, что случилось, меня оставишь еще и ты... — Ксана намеренно оборвала фразу, а потом спросила сухим, невыразительным, почти равнодушным тоном: — Думаешь, я смогу жить? Должно быть, я виновата, но наказание слишком уж...

— Нет! — Холодные пальцы слабо сжали Ксанину ладонь. — Как ты можешь так говорить? Это я... я во всем...

— Давай не будем тратить силы на пустое разбирательство. Они нужны нам обоим. Просто прими к сведению: поодиночке нам не выкарабкаться. Ни тебе, ни мне.

Алька закрыла глаза. Может быть, от усталости. Но Ксане показалось, что в знак согласия. Она погладила подругу по руке и вышла из палаты.

На следующий день Альбину перевели из реанимации в палату интенсивной терапии. Виктор чуть не плакал, сжимая Ксанины руки в своих:

— Оксана, ты сотворила чудо! Прощу тебя: не оставляй ее.

«Мы в ответе за тех, кого приручили». Отныне Ксана была связана с Алькой узами более прочными, чем детская дружба и общее горе. Каникулы кончились, но каждые выходные она летала в Старград, как на работу. Расходы оплачивал Виктор, видевший в Ксане спасательный круг, единственное средство, удерживающее на плаву его любимую жену. Он понимал, что Альбина его не любит. Занятия, которое поддерживало бы в ней интерес к жизни, у нее не было. Заводить ребенка запретили врачи. Без Ксаны Алька просто сошла бы с ума.

По своим каналам Виктор добился, чтобы Оксану распределили в интернатуру одной из Старградских больниц. И пообещал, что в родном городе ее ждет блестящая карьера, какую бы стезю она ни выбрала — научно-исследовательскую или чисто практическую. Но Ксана и без его посулов не оставила бы подругу. Альбина вызывала у нее все более и более серьезное беспокойство. Временами Алька замыкалась в себе, и никакие попытки встряхнуть ее не приносили результата. Временами становилась капризной и стервозной, что было вовсе не свойственно прежней Альбинке. Иногда на нее нападала истеричная веселость, сменявшаяся затяжными приступами слезливости.

А однажды она пропала. Ушла из дома и растворилась без следа, словно ее и не было.

Виктор поднял на ноги милицию города, а потом и Союза. Отыскать Альбину так и не смогли. Через пять месяцев она явилась сама. На восьмом месяце беременности.

Оксана Яновна закрыла глаза и привычно запретила себе вспоминать ту ужасную ночь. Как бы то ни было, Альку удалось спасти. И подарить ей Маришку. Ксанина ли вина, что она не умеет угадывать будущее?

Впрочем, поначалу все складывалось замечательно. Воодушевленная рождением ребенка, Альбина на удивление быстро выбралась из кризиса, который по всем законам медицины должен был ее убить. Да и психическое ее состояние улучшилось настолько, что это граничило с чудом. Ксана с радостью узнавала прежнюю Альку — ласковую, кроткую, отзывчивую.

Ремиссия продолжалась долго, пять лет. А потом все-таки случилось то, о чем с самого начала предупреждали медики, запрещая Альке рожать. Единственная почка не справилась с нагрузкой.

Альку доставили в больницу в состоянии самой тяжелой интоксикации. Накачали лекарствами, подключили к искусственной почке. Но она все равно угасала на глазах. И снова Ксана спасла подругу. Спасла, совершив должностное преступление. По закону она не имела права забирать у донора почку, пока его клиническую смерть не подтвердит консилиум из трех врачей. Но дело происходило ночью, и у Ксаны просто не было времени собирать консилиум. Если бы началось омертвление тканей, трансплантация стала бы невозможной.

Операция прошла успешно. Удалось подавить реакцию организма на чужеродную ткань, и почка как будто прижилась. Но спустя несколько лет отторжение все же произошло.

С тех пор все и покатило под откос. Алька по многу месяцев проводила в больнице, подключенная к аппарату искусственной почки, — дожидаясь очередного донора. Тяжело переносила операцию, кое-как оправлялась, а через какое-то время организм снова отторгал чужой орган. И все повторялось сначала. Характер Альбины все больше портился. Она превращалась в самого настоящего тирана. Особенно тяжело складывались ее отношения с дочерью. Маришка, девочка сложная, замкнутая, не умела или не хотела проявлять свои чувства к матери. Альбина, угробившая здоровье ради рождения дочери, считала, что имеет право на ее пожизненную благодарность. Сдержанность и независимость Маришки приводили ее в бешенство. Временами казалось, что она поставила себе целью отравить дочери существование. Запрещала общаться с детьми, к которым Маришка тянулась. Навязывала друзей, вызывающих у девочки неприязнь. Противилась любому увлечению дочери и заставляла заниматься тем, к чему у Маришки не лежала душа. Если девочка выражала желание заниматься конным спортом, ее отводили в кружок художественной гимнастики. Если хотела пойти с классом в поход, ее отправляли в санаторий. Маришка читала только те книжки, смотрела только те фильмы и слушала только ту музыку, которые одобряла мать. Даже возможности побыть время от времени наедине с собой Альбина ее лишила. Девочка постоянно находилась под присмотром — матери, учителей, прислуги. Ксану поражало ее долготерпение. Сама она давно бы взбунтовалась против такой мамы. А Маришка молчала, только все больше замыкалась в себе.

Отношение Альбины к Виктору тоже поменялось в худшую сторону. Она никогда не любила мужа, но раньше держалась с ним приветливо и дружелюбно. А теперь не скрывала враждебности. Даже Ксана, отнюдь не питавшая к Турусову симпатии, не могла ему не сочувствовать. Да, он был типичным номенклатурщиком — подобострастным с

вышестоящими, хамоватым с подчиненными, брезгливо-равнодушным к простым смертным, интересы которых якобы защищал. Но по отношению к Альбинке Виктор всегда вел себя безупречно, как любящий, заботливый, преданный супруг. Алька же относилась к нему, словно к врагу. Устраивала скандалы и даже собирала компромат и шантажировала.

Ксана не раз и не два пыталась воздействовать на подругу. Говорила о недопустимости такого обращения с близкими, убеждала, увещевала, доказывала... Все втуне. Альбина, закусивши удила, неслась своим курсом.

Совсем плохо дела пошли, когда у нее наступил климакс. Организм, лишенный гормональной поддержки, все хуже справлялся с токсинами, постепенно отравляющими мозг. «Заскоки» Альки стали опасными. Ксана осторожно посоветовала ей обратиться к психиатру. И получила по полной программе.

— И ты туда же, тварь! — кричала Альбина. — Нажилась на мне, а теперь избавиться хочешь? Набила мощну, в люди выбилась — все благодаря мне! Чем же я тебе помешала, что ты меня в дурдом упечь хочешь? Попробуй только! Я тебя на весь город ославлю, по миру пушу! Прокуратуре тебя сдам — в тюрьге сгниешь! Только вякни что-нибудь против меня!

Оксана в ответ пожала плечами и ушла. Дома, влив в себя хорошую дозу коньяка, она приняла решение самоустраниться. В конце концов, она не специалист по душевным болезням и не родственница. Не ей решать, нуждается ли Альбинка в психиатрическом освидетельствовании. Пусть об этом болит голова у Виктора.

Подруги перестали общаться. Даже когда Альбину в очередной раз привезли в клинику, Оксана Яновна намеренно препоручила ее заботам другого врача. Во время обходов — как главврач она не могла ими манкировать — ее обязательно сопровождала свита. Присутствие посторонних исключало возможность частных разговоров с пациенткой. И хотя Альбина в последнее время явно выказывала желание помириться, Ксана держалась подчеркнуто вежливо и отстраненно. В конце концов, ее терпение небеспредельно, и Альбина уже давно вычерпала свою порцию.

Так что напрасно Виктор явился сегодня со своим диким предложением. Оксана не собирается возлагать очередную жертву на алтарь погибшей дружбы. Какие бы зловещие замыслы ни вынашивала Альбина.

Да, но что мешает Виктору наплевать на Ксанин отказ? Конечно, она нужна ему как посредница... Но в крайнем случае он прекрасно справится и собственными силами. Действительно, с чего это она вдруг решила, что Турусов ее послушается? Люди для него — пешки, он не задумываясь сломает жизнь любому, тем более постороннему человеку, если это сулит хоть какую-то выгоду. А в данном случае речь идет о сохранности его собственной шкуры. И, если не врет, о безопасности Маришки. Да он и задумываться не станет, что ему Ксанино согласие?

— Ну нет! — громко сказала Оксана Яновна. — На этот раз ничего у тебя не выйдет. Я сдержу свое слово.

Она потянулась к телефонному аппарату, набрала номер справочной городского аэропорта и включила автодозвон. Через несколько минут ей ответили.

— Скажите, пожалуйста, когда ближайший рейс на Москву?

Нет, бессонница началась позже. Тогда, слетав в Москву, она вернулась успокоенная и довольная собой. Кошмар начался через неделю, когда ее подловил этот скользкий тип... как его... Виталий. У Оксаны все поплыло перед глазами, когда она поняла, о чем он

говорит. Она не помнила, что ему пообещала и как он ушел. Помнила только ощущение ужаса и бессилия, навалившееся на нее бетонной плитой. Почему, ну почему она не поверила тогда Турусову? Зачем бросилась в Москву? Дура! Думала оградить от опасности ни в чем не повинную девчонку, а вместо этого заварила такую жуткую кашу — хоть криком кричи! А все этот щенок, этот мерзкий выскочка! Почему он не подошел к ней в аэропорту? Как просто тогда было все исправить — до смешного просто. А теперь придется перевернуть небо и землю, чтобы найти и вовремя обезвредить бомбу с запущенным уже часовым механизмом.

Оксана бросилась разыскивать Турусова, который, как нарочно, отправился в очередную поездку по области. И, видно, ездил по каким-то совсем уж медвежьим углам, потому что противный механический голос по телефону неизменно сообщал, что абонент отключен или находится вне зоны действия сети. Пришлось обратиться в губернаторский офис, с тем чтобы ему отправили телефонограмму в райцентр, где Турусова ожидали на следующий день. А на следующий день убили Альбину. И, что самое страшное, на этом все не кончилось. Нет никакой гарантии, что не будет новых жертв, что Ксане и Турусову удастся сохранить свою общую тайну и что, выйдя на свет Божий, правда не покалечит их и чужие судьбы.

* * *

Виталий с ненавистью посмотрел на телефонную трубку, пиликающую противными короткими гудками, и швырнул ее в гнездо. Как смеет эта глупая слепая курица воротить от него нос! Ведь он рисковал жизнью, чтобы ее спасти. Впрочем... как раз об этом Марине ничего не известно. Виталий не стал посвящать ее в подробности, опасаясь, что она из чистоплюйства отвергнет его замечательный план. Дурак! Если бы он как следует ее припугнул, Марина, как пить дать, потеряла бы от страха голову и положила бы во всем на него. Как миленькая согласилась бы на все его предложения, и теперь не посмела бы обращаться с ним, как... как с говорящим куском дерьма.

«Когда-то мне казалось, что ты — человек думающий и чувствующий. Потом я поняла, что насчет чувств погорячилась, выдала желаемое за действительное. А теперь ты лишил меня последней иллюзии. После всего, что случилось, человек с зачатками интеллекта постарался бы сделать все возможное, чтобы я забыла о его существовании».

Идиотка! Резонерствующая идиотка. С какой радостью Виталий послушался бы ее надменного совета и посмотрел бы, как от нее останется мокрое место! Беда в том, что он не может позволить себе остаться в стороне. Потому что неделю назад сам потерял от страха голову и побежал за помощью к Вольской. Признался ей во всем, как последний лох. Теперь, если с Мариной что-нибудь случится, ему не жить.

На что он, спрашивается, надеялся, посвящая Вольскую в свою тайну? Почему решил, что она сумеет защитить и Маришку, и его? Маришку-то, может, и сумеет — вон как она перепугалась за свою крестницу, прямо с лица вся помертвела. А на Виталия ей глубоко наплевать. Какое Вольской дело, что он подставляет свою шею, пытаясь спасти девушку? Для Оксаны Яновны он, Виталий, — ноль, пустое место. И даже хуже. Она смотрела на него как солдат на вошь. Говорила, поджимая губы, чуть ли не кривясь:

— Позвоните еще раз, немедленно все отмените. Скажите, что передумали.

— Раскомандовалась, сука! Щас! Все брошу и побегу звонить, — бормотал Виталий себе под нос, возвращаясь от Вольской. — Спешу и падаю! Жду не дождусь, чтобы меня поскорее размазали по стенке!

Все они, все — и Вольская, и Альбина, и Турусов, и Марина — одним миром мазаны. Виталий для них — смерд, рвущийся в парадную господского дома, свиное рыло в калашном ряду, выскочка, парвеню. Какое право они имеют относиться к нему, как к навозной мухе? Он такой же человек, как они, а может, и получше. В его стремлении сделать карьеру, пробиться наверх, занять достойное положение среди богатых и знаменитых нет ничего зазорного. Разве его вина, что это достойное положение не обеспечено ему по праву рождения? Что ему приходится лезть из кожи вон и порой совершать не вполне красивые поступки ради своего будущего? И уж не им, самодовольным зажавшимся хозяевам жизни, его судить.

* * *

Он родился в самой обыкновенной советской семье. Отец — заводской инженер, мать — штамповщица. Бабушка, мамина мама, всю жизнь проработала подавальщицей в заводской столовой. Родители отца, люди деревенские, трудились в совхозе. И страшно гордились сыном, выбившимся в люди.

Лет до десяти Виталий разделял их гордость, хвастал отцом-инженером и собирался пойти по его стопам. Потом приятель-одноклассник просветил его, сказав, что инженеров сейчас как грязи, зарплата у них грошовая, и идут на нее одни неудачники. Виталий сгоряча врезал дружку в ухо, но после призадумался и понял, что правда в его словах есть.

Отец зарабатывал в полтора раза меньше матери и был каким-то очень уж тихим, незаметным, чтобы служить образцом для подражания. Верховодила в семье мать — крепкая, шумная, резкая на язык. Она частенько распекала отца за слюнтяйство и покладистость. Правда, быстро остывала, мягчала и говорила ласково, но как-то жалостливо: «Ладно уж, интеллигент! Пошли ужинать (пить чай, смотреть телевизор)». Получалось, что интеллигентность — вовсе не достоинство, а что-то вроде досадного, но простительного дефекта.

Однако идти в рабочие Виталий тоже не хотел. Мать возвращалась с завода усталая, раздраженная, кляла на чем свет стоит пьянчуг работяг и жаловалась на начальство: «Ведут себя, как баре, а сами — бездельники и неумехи. Поставь к станку — треть нормы не выполнят!»

Виталий начал приглядываться к соседям и знакомым, оценивать их благополучие и положение в обществе. И с удивлением убедился, что почти все вокруг живут тяжело и бедно. Учителя, инженеры, врачи, библиотекари, рабочие, дворники... Исключение составляли продавцы и завмаги, но народ их дружно ненавидел, обзывал ворьем, злорадствовал, если кого-то из «торгашей» сажали за растрату или спекуляцию. Еще процветали партийные деятели и городская власть. Но и они не пользовались общей любовью. А главное, Виталий совершенно не представлял, где можно получить профессию партийного работника и какой в ней, собственно, смысл.

Когда ему исполнилось четырнадцать, стало ясно, что смысла никакого. В стране начались пертурбации, и даже тот парадно-лицемерный почет, которым окружали «вождей»

средства массовой информации и карьеристы-прихлебатели, стремительно испарялся. Одновременно с этим процессом окончательно опустели магазинные прилавки, остановились заводы, людям перестали платить зарплату. Семья Виталия, прежде художественно сводившая концы с концами, теперь по-настоящему бедствовала. Если бы не папины родители, время от времени присылавшие с оказией сало, овощи, творог и сметану, в доме нечего было бы есть.

Самое неприятное, что на фоне всеобщего обнищания вдруг явили себя нувориши, выставляя напоказ свое богатство. Пышным цветом процветали кооперативщики, рэкетеры, проститутки и сутенеры. Новые «сливки общества» не могли похвастать ни талантами, ни безупречной репутацией, ни культурой, а зачастую даже средним образованием. Все прежние представления Виталия о достойном поприще оказались пшиком. Выходило, что чуть ли не самый верный путь к благополучию лежит через криминал и даже тюрьму. Многие ребята в классе Виталия записывались в буйно расплодившиеся секции дзюдо, каратэ, тэквандо. Виталик охотно последовал бы их примеру, но у родителей не хватало денег даже на еду и одежду.

Зато у него был друг — спившийся художник и по совместительству истопник. Он, разумеется, не принадлежал к сливкам общества, но обладал достаточно пронзительным умом и богатым жизненным опытом и дал хороший совет.

— Не грусти, брат, — сказал он, когда Виталик пожаловался ему на жизнь. — Вся эта шушера по большей части перестреляет друг друга. А оставшиеся пообтешутся и заведут цивилизованный бизнес. Поскольку с образованием у них неважно, им понадобятся профессионалы. Управляющие, экономисты, юристы, специалисты по рекламе, аналитики. Платить будут хорошие бабки. Так что давай, дружок, учись, пока за это денег не дерут. Все в твоих руках.

Виталий воспринял совет, как прямое руководство к действию. Приналег на учебу, вышел в отличники. Трезво оценивая свои возможности, он понимал, что в столичный вуз ему не проскочить, а в местный, Старградский — почему бы нет? Оказалось, и это непросто. На юридический факультет местного университета (а Виталий выбрал именно юридический) конкурс был выше шести человек на место. Как и следовало ожидать, он не прошел, загремел в армию. Чуть не загнулся там поначалу, но ничего, выдюжил. И за два года не растерял решимости выбиться в люди. После дембеля поступил на подготовительное отделение юрфака. Теперь баллы, набранные на вступительных экзаменах, для него не играли роли — лишь бы сдать, да и подготовительное помогло, и на этот раз Виталий легко поступил.

В день защиты диплома — после защиты — он был пьян как сапожник. Не столько от водки, сколько от восторга и гордости. Он сумел, он прорвался! Теперь весь мир у него в кармане!

Наив! Через полгода обивания порогов он наконец постиг печальную истину. Устроиться на приличное место без связей невозможно. Может, когда-то в стране и ощущалась нехватка юристов, но за девять лет их расплодилось достаточно.

В конце концов Виталий устроился в префектуру в отдел социальной защиты населения. Консультировал обиженных пенсионеров, многодетных мамаш, обманутых ушлыми фирмачами наемных работников. Зарплата была мизерной, но он полагал, что завяжет полезные знакомства, которые со временем обеспечат ему престижную высокооплачиваемую должность.

Тщетная надежда. Большие и даже средней руки начальники мелочевку вроде Виталия не замечали. На его попытки обратить на себя внимание досадливо морщились и держались подчеркнуто холодно. Нечего, дескать, всякой шушере лезть со своими амбициями к солидным людям. Виталий оставил свои смешные попытки и начал обдумывать другую стратегию проникновения в неприступную крепость городской элиты. Вскоре предстояли выборы губернатора, и он решил влиться в ряды волонтеров, помогавших кандидатам в проведении предвыборной кампании. Он долго сомневался, на кого поставить, и по размышлении выбрал Турусова, действующего губернатора. Хотя соперники у Турусова были серьезные, Виталий рассудил, что Виктор Палыч без дела всяко не останется. Даже если проиграет выборы, выторгует себе какую-нибудь хлебную должность. А не выторгует — тоже не страшно. За будущее хозяина кирпичного завода, завода пластмассовых изделий, лесопилки и еще полутора десятков предприятий помельче можно не беспокоиться. И место для лишнего юриста в его хозяйстве всегда отыщется.

С этими утешительными мыслями Виталий явился в губернаторскую штаб-квартиру предвыборной кампании. Здесь его ждало разочарование. С толпами добровольных помощников из населения общались какие-то мелкие клерки. Виталию вручили баллончик с клеем, рулон плакатов и план города с указанием мест, где эти плакаты следовало развесить. Буркнули ему что-то ободряюще-благодарное и переключились на следующего волонтера.

Две недели Виталий, скрипя зубами, клеил плакаты и распахивал по почтовым ящикам листовки. Потом его терпение лопнуло. В один прекрасный день он решительно потребовал у клерка, дающего ему очередное поручение, свидания с распорядителем более высокого ранга.

— Я — дипломированный юрист. Работаю в отделе социальной защиты населения и хорошо знаком с нуждами самого широкого слоя избирателей. У меня есть предложение по поводу предвыборной программы. Можно включить в нее два-три пункта по изменению местного законодательства, которые действительно будет легко выполнить. Это мелочь, но я уверен, что популярность Турусова заметно возрастет. Люди поймут, что он на деле вникает в их трудности.

— Интересно-интересно, — пробормотал клерк довольно безразличным тоном. — Но вы можете изложить свои предложения мне, а я передам их выше.

— Ну уж нет, — твердо сказал Виталий. — Я изложу их лично губернатору или кому-нибудь из его ближайших помощников. И вообще, мне кажется, что меня используют нерационально. Разносить листовки и расклеивать плакаты может любой безграмотный болван. А я хочу работать в креативной команде.

Парень заколебался. Спросил нет ли пунктов, подобных тем, что собирается предложить Виталий в программах других кандидатов. А потом все-таки отвел его к креативщикам.

Разумеется, к губернатору его не допустили. Виталий беседовал с одним из турусовских референтов. Предложение пришлось ко двору. Его повысили. Доверили писать тексты листовок. Не бог весть какое повышение, конечно, — тем же самым занимались минимум два десятка девиц и молодых людей из рекламных агентств. Еще с десятков пиарщиков компилировали из их текстов свои варианты, которые потом просматривали начальники, утверждавшие окончательную редакцию. Но, как бы то ни было, в креативную группу Виталий попал. И время от времени даже видел губернатора живьем. Правда, личной беседы не удостоился.

«Ничего, — успокаивал себя Виталий. — Подожду, пока мое лицо ему примелькается, изобрету еще какой-нибудь удачный ход и постараюсь, чтобы меня не затерли».

Таким удачным изобретением стал текст лозунга: «Кто не с нами, тот против ВАС!» Виталий намеренно не сказал никому о своей идее, а просто взял маркер, полосу бумаги, написал лозунг и быстро повесил на стену, когда губернатор ненадолго заглянул в штаб-квартиру.

Турусов плакат заметил и оценил.

— Молодцы! — сказал он, любуясь хлесткой надписью. — Кто автор-то?

Виталий скромно вышел вперед и удостоился отеческого похлопывания по плечу.

— Неплохо придумано. Надо будет, конечно, показать имиджмейкерам, но мне нравится. Ей-богу, нравится. Коротко и ясно. Звать-то тебя как?

Имиджмейкеры лозунг приняли, но на положении Виталия в группе это почти не сказалось. Он по-прежнему писал тексты листовок. Зато Турусов теперь благосклонно кивал ему при встрече, а один раз даже милостиво подал ручку.

Они победили. Турусова избрали на второй срок. В честь победы губернатор устроил грандиозный банкет-фуршет, куда пригласили всех волонтеров. Там, на банкете, Виталий впервые увидел Марину.

Она его поразила. И вовсе не сногсшибательным нарядом, не красотой. Его загнипнотизировало выражение ее лица — абсолютно бесстрастное, без следа каких-либо эмоций. Лицо сфинкса. Взгляд — не то чтобы невидящий, а как бы обращенный внутрь себя. Она улыбалась, пожимала руки, что-то говорила, что-то пила, но, наблюдая за девушкой, Виталий не мог отделаться от ощущения, что ее здесь нет, что она отправилась на это мероприятие пустую телесную оболочку, а сама осталась где-то далеко. Он подумал, что так должен вести себя человек, вынужденный непременно присутствовать на публичной встрече, несмотря на внезапно постигшее его несчастье, даже горе.

Виталий с трудом подавил желание подойти к ней, расспросить, утешить, предложить помощь. Неуместный порыв. Даже если не принимать во внимание условности вроде той, что они незнакомы, обстановка совершенно не располагала к личным разговорам. За спиной девушки маячили два суровых молодых человека, которых Виталий определил про себя, как «людей в штатском». В непосредственной близости от этой тройки нарезала круги капризного вида мадам — супруга губернатора. Она сверлила девушку и подходивших к ней гостей острым хищным взглядом.

Виталий принял решение не форсировать события. Девушка его заинтриговала, а то обстоятельство, что она, по-видимому, дочь губернатора, делало знакомство с ней более чем заманчивым. Но не зная броду, не суйся в воду. Разумнее сначала навести справки, узнать, что она собой представляет, чем занимается, где бывает, а потом подстроить «случайную» встречу.

Конечно, губернаторская дочь — завидная невеста, у нее должны быть орды поклонников. Однако интуиция подсказывала Виталию, что, несмотря на свой статус, девушка очень одинока. Ей нужен друг — бескорыстный, не строящий далеко идущих планов. Человек, с которым она могла бы просто поболтать. Может быть, выплакаться в жилетку.

Виталий пристроился в уголке и стал наблюдать за людьми, подходящими к незнакомке, прикидывая, к кому из них можно обратиться за информацией. Выбор пал на экзальтированную девицу, которая бросилась губернаторской дочке на шею, отступила,

снова бросилась на шею и оживленно что-то затараторила. Минуту спустя девица спохватилась, обернулась к своему спутнику, дернула его за рукав и вытолкнула вперед — должно быть, представила подруге. Молодой человек, неловко переминаясь с ноги на ногу, с явным трудом выдавливал из себя приличествующие случаю любезности. Губернаторская дочь наблюдала за его потугами с улыбкой, и Виталию показалось, что впервые за вечер ее глаза ожили.

И тут же снова помертвели. К компании подплыла губернаторша и бесцеремонно встряла в разговор. Шальная девица, натянуто улыбаясь, что-то отвечала, но, как только позволила пауза, мгновенно слиняла, утащив за собой спутника. Парочка остановилась у колонны неподалеку от наблюдательного поста Виталия.

— Сука! — громко прошипела девица. — Игореш, сходи, раздобудь выпивки. Меня всю трясет. И закуски прихвати, не то я пьяный скандал учиню.

Молодой человек удалился к столам с фуршетными яствами, а Виталий, воспользовавшись случаем, подошел к девице.

— Извините, мы незнакомы. Меня зовут Виталий. Если можно, я хотел бы у вас кое о чем спросить. Честное слово, мои намерения вполне невинны...

Девица посмотрела на него с сомнением, но представилась:

— Катя.

— Очень приятно. Знаете, Катя, я юрист, и в силу профессии меня очень интересуют характеры и взаимоотношения людей. Только что я стал случайным свидетелем сцены с вашим участием. Не могли бы вы объяснить мне, кто эта девушка, и какое отношение имеет к ней жена губернатора? И что, собственно произошло? Мне показалось, вы очень расстроились.

— Еще бы! Я... — девица вдруг замолчала и бросила на Виталия подозрительный взгляд. — А вы, часом, не журналист? Не репортер какой-нибудь желтой газетенки?

— Помилуйте, Катя! Разве я похож на папарацци? Хотите покажу вам пропуск? Видите: префектура, отдел социальной защиты, юрист-консультант. Здесь я потому, что помогал команде Турусова во время предвыборной кампании. Если хотите, можете справиться обо мне у помощников.

— Проехали! — Девица расслабилась. — Я догадываюсь, почему вас заинтересовала эта сцена. К Маринке хотите подкатиться, да? Что ж, в добрый путь. Я готова благословить любого охотника за приданым, лишь бы он вырвал ее из когтей этой гарпии. Только ничего у вас не выйдет, любезный. Альбина Николаевна стережет дочь, как не стерегут Алмазный фонд. — В эту минуту вернулся ее спутник с двумя фужерами и тарелкой. Катя повернулась к нему: — Игореш, не сметаешься за дополнительной порцией? Можешь особенно не торопиться, у нас тут конфиденциальный разговор.

Безропотный Игореш молча вручил ей бокал, другой бокал и тарелку отдал Виталию, изобразил что-то вроде кивка-поклона и удалился. Катя подняла бокал и с чувством произнесла:

— Чтоб Альбина сдохла! Желательно, в муках.

Виталий с сомнением посмотрел на свое шампанское.

— Довольно радикальный тост. Некоторые, знаете ли, считают, что мысль материальна.

— Ну и прекрасно, — жестко сказала Катя и залпом выпила шампанское. — Думаю, когда я вам все расскажу, вы ко мне присоединитесь. Слушайте же. Мой отец был заместителем Турусова еще в достославные советские времена. Когда мне было девять, его

перевели в Старград из района, и меня отдали в ту же школу, в тот же класс, где училась Маришка. Сначала она мне страшно не понравилась — холодная, спесивая, просто принцесса на горошине какая-то. Но наши мамы из кожи вон лезли, чтобы нас подружить. Таскали нас друг к другу в гости, водили в театр, на концерты, вывозили вместе на дачу. Наверное, будь мы родными сестрами, нам бы все равно не удалось проводить больше времени друг с другом. Тут уж, хочешь не хочешь, познакомишься ближе. И я постепенно поняла, что Маришка совсем не такая, какой кажется. Эта ее холодность — просто скафандр, защитный экран. На самом деле она ужасно добрая, ранимая и глубоко несчастная. Ей с младенчества твердили, что мама опасно больна и в любой момент может умереть, что ее нельзя огорчать, нельзя капризничать, нельзя настаивать на своем. Представляете, какой груз ответственности для маленького ребенка? Маришка чуть не с четырех лет научилась подавлять в себе все эмоции, которые могли расстроить ее маму. А расстроить маму могло что угодно: Альбина — баба непредсказуемая.

Однажды Маришка — ей тогда было восемь лет — подобрала бездомного щенка и уговорила гувернантку взять его домой. Альбина лежала в больнице, а Виктор Палыч дал слабину, пожалел дочку и разрешил оставить песика. Через два месяца эту сволочь выписали, и, явившись домой, она первым делом велела выбросить собаку на улицу. Маришка, за несколько лет не пролившая ни слезинки из страха огорчить любимую мамочку, на этот раз натурально не выдержала и расплакалась. Умоляла мерзавку, говорила, что Кузю любят все домашние, что прогонять его теперь, когда он привык, просто подло. Альбина Николаевна даже не сочла нужным ответить дочери. Рывкнула на домработницу: «Вы слышали, что я сказала?», обругала гувернантку, распустившую ей ребенка, и велела запереть Маришку в детской. Маришка все не могла успокоиться, рыдала так, что начала задыхаться. Тогда у домработницы не выдержали нервы, она проскользнула потихоньку в детскую и шепнула, что отвела Кузю к своей матери и Маришка сможет его навещать. В тот же вечер девушке отказали от места без объяснения причин. Маришка простодушно проговорила отцу, что Кузю отдали в хорошие руки.

Знаете, что она сказала мне, когда мы впервые поговорили по-человечески? «Катя, ты только не показывай моей маме, что мы подружились. По-моему, она не любит, когда мне хорошо». Ничего себе признанье из уст десятилетней девочки, да? Я, честно говоря, ей тогда не поверила. Альбина Николаевна меня в свой дом чуть ли не волоком затаскивала, сводила нас вместе, как только могла. Казалось, ничто не доставит ей большего удовольствия, чем наша с Маришкой дружба. Но Маришке я о своих сомнениях ничего не сказала. Постаралась выполнить ее просьбу. При взрослых сидела с надутым видом и изо всех сил изображала смертельную скуку. Маришка вела ту же линию. Смотрела хмуро, слова цедила как бы через силу, пока нас не оставляли вдвоем. Но чем-то мы все-таки себя выдали. Какие притворщицы из десятилетних соплячек? Альбина что-то заподозрила и не постеснялась нас подслушать. А может, не заподозрила, а подслушала просто так, для профилактики. И меня внезапно перестали приглашать в дом, а в школе рассадили нас с Маришкой по разным партам. Теперь мы могли общаться только на переменах, вне школы за ней надзирала гувернантка. Я бросилась к матери за объяснениями. Мама отвела глаза и пробормотала что-то о болезни Альбины Николаевны и о том, что тяжело больные люди не всегда отвечают за свои поступки. И я поняла, что Маришка была права: по какой-то причине ее мамаше делается дурно, когда дочь хоть немного радуется жизни.

После меня Маришке навязали общество одной совершенно омерзительной вздорной

девицы. Альбина Николаевна могла быть спокойна: с этой избалованной цацей Маришка не подружилась бы ни при каких обстоятельствах. А теперь Маришке точно так же подсовывают разных ублюдков в качестве кавалеров. Нормального парня к ней и близко не подпустят. У Альбины все под контролем. Но общество — это еще полбеда. Забота Альбины о дочери простирается гора-а-аздо дальше. Маришке навязывают все, к чему у нее не лежит душа. Еду, одежду, книжки, занятия... Она любит мясо — ее кормят рыбой, она предпочитает неброские тона — ее разряжают, как павлина, она интересуется химией и биологией, ее «поступают» на филологический. По сравнению с ней принцесса, заточенная в башню с драконом на входе, — просто счастливица. — Катя шумно перевела дух. — Ну что, поддержите теперь мой тост?

Виталий молча выпил шампанское.

— То-то же!

— Катя, а вам с Мариной по-прежнему запрещают общаться?

— Вы же видели! Запрещать не запрещают, а поговорить не дают. Разве что по разным партам теперь не рассаживают. Но на лекциях не больно-то пообщаешься. А в остальное время за ней постоянно топают эти два архангела. Собственно, они и на лекции заявляются. Только сидят сзади.

— Вы учитесь вместе?

— Угу. На одном факультете, правда, группы разные. А что?

— Катя, я так понял, что вы готовы поспособствовать моему знакомству с Мариной.

— Да я бы со всей душой, только что толку от моей готовности? Ну, представлю я вас Маришке, а через две минуты вас оттеснят, отведут в сторонку и вежливо попросят больше никогда к ней не приближаться. Говорю же: надзиратели с нее глаз не спускают.

— А письмо вы можете ей передать? Незаметно, чтобы никто не видел? Можно потихоньку засунуть в ее тетрадку на лекции.

— Ну, допустим, могу. Только зачем вам это нужно? Собираетесь заключить брак по переписке? Так его не признают действительным.

— Хотя бы затем, чтобы у Марины появилась своя тайна от Альбины Николаевны. Маленькая отдушина. То, что с ней делают, просто чудовищно. Так не обращаются с последними отморожками в зоне. А мне не нравится, когда страдают невинные.

— Лыцарь, значит? — усмехнулась Катя. — Да ладно, мне-то что до твоих мотивов? Пиши свое письмо. Передам.

— Если позволишь, не здесь и не сейчас. — Виталий выразительно обвел взглядом многолюдный зал. — Могу я попросить у тебя номер телефона?

Побудительные мотивы Виталия были не настолько кристальны, как он пытался представить. Конечно, Катин рассказ его потряс, вызвал негодование и желание хоть немного скрасить участь несчастной девушки, а заодно натянуть нос ее монструозной мамаше. Тут он не лукавил. Другое дело, что, не будь Марина губернаторской дочкой, благородный порыв Виталия, скорее всего, быстро сошел бы на нет. Однако положение девушки сулило в будущем серьезные выгоды ее друзьям. Это соображение в значительной мере подкрепило естественную, но не слишком стойкую склонность Виталия к милосердию и справедливости.

Письмо он сочинял три дня. Сложная это задача — расположить к себе незнакомого человека, заинтересовать, убедить в чистоте и искренности своих намерений. Чтобы подобрать верный тон и избежать банальностей, приходилось обдумывать буквально каждое

слово. Изрядная стопка бумаги полетела в корзину, прежде чем Виталия удовлетворил результат. Но игра стоила свеч. Марина ему ответила.

Первое ее письмо было довольно сдержанным. Она вежливо благодарила Виталия за участие, задавала какие-то вопросы о его занятиях, интересовалась литературными пристрастиями. Описала забавный случай из своей студенческой жизни. На проникновенные, полные сочувствия пассажи Виталия, касавшиеся ее семейных обстоятельств, Марина попросту не ответила. Таким же вежливо-безличным оказалось и второе ее послание. И третье. А потом тон писем начал меняться. Сквозь холодноватую любезность начали прорываться отдельные откровенные, полные чувства фразы. Потом — целые абзацы. И наконец условности были отброшены вовсе.

Они писали друг другу так, как могут писать только самые близкие, родные люди. И даже больше. Близким людям нет необходимости выплескивать все свои чувства на бумагу. Они имеют возможность встретиться и выразить себя иначе — жестами, интонацией, прикосновениями. Виталий и Марина, лишённые такой возможности, вкладывали в слова всю душу.

Они обменивались письмами почти каждый день, но и этого казалось мало. Они начали назначать друг другу свидания — не настоящие, разумеется. Просто Марина сообщала, если на завтра планировался ее выход на концерт, в салон красоты или в гости, а Виталий ждал ее где-нибудь поблизости, чтобы пройти мимо случайным прохожим и на секунду встретиться с ней взглядом. Большого они не могли себе позволить. Марину постоянно сопровождали ее «архангелы», а то и мать, и бурили всех вокруг подозрительными взглядами. Заговорщики и так сильно рисковали. Охранникам положено иметь профессиональную память на лица, и, хотя Виталий старался менять внешность, его все равно могли засечь.

Их необычная связь длилась уже полгода, когда Катя, их личный почтальон, предложила Марине (в письменном виде, разумеется) смелый план.

Турусов был не единственным хозяином Старграда. В городе, как водится, имелся свой криминальный авторитет, «курирующий» местные теньевые, да и не только теньевые структуры. А у авторитета имелся племянник — тупой, агрессивный неандерталец лет двадцати. Как нетрудно догадаться, парень входил в круг молодых людей, которых Альбина Николаевна благосклонно допускала в общество дочери. Криминальный дядюшка, подумывая о выгодах родственного союза с губернатором, всячески подталкивал племянника к ухаживаниям за Мариной. Племяннику же девушка совсем не нравилась, но из почтения к грозному родственнику несчастному неандертальцу приходилось приглашать губернаторскую дочь на свои сейшены. Суть Катиного плана заключалась в том, что на этих вечеринках охрану оставляли за дверью помещения, где происходило главное действо.

«Вообще-то, я страшно не люблю бывать у этого питекантропа, — писала Виталию Марина. — Он сам, его дружки и подружки вызывают у меня нервную дрожь. Наверное, потому-то мать и не возражает против моих визитов к ним, несмотря даже на то, что там моим бодигардам не позволяют ходить за мной по пятам. Что ж, хоть раз ее пакости принесут пользу. Катька, как и вся местная золотая молодежь, знакома с Питекантропом. Ей ничего не стоит получить приглашение на очередную пьянку и привести с собой кавалера, то есть тебя. А меня приглашают всегда».

Это был прорыв. Они увиделись! Они разговаривали! И даже танцевали. Они могли рассчитывать на новую встречу. Правда, злоупотреблять гостеприимством Питекантропа не стоило. Альбина Николаевна, прекрасно знавшая об отвращении дочери к племяннику

местного мафиози, безусловно, насторожилась бы, если бы Марина вдруг зачастила к нему в гости. Но время от времени любящая мать под тем предлогом, что неудобно постоянно игнорировать приглашения богатого наследника, сама выпихивала дочку в его вертеп. Эта нежная материнская забота гарантировала заговорщикам по меньшей мере одно свидание в два месяца. После мимолетных встреч на улицах им казалось роскошью часами видеть, слышать, касаться друг друга.

А потом разразилась катастрофа. Виталий так и не узнал, как Альбине удалось пронюхать о его встречах с Мариной. Они вели себя очень, очень осторожно. К Питекантропу Виталий всегда приходил только с Катей, усиленно за ней ухаживал, а если садился рядом с Мариной, то Катя обязательно сидела с другой стороны. Только очень наблюдательный человек мог заметить, что на самом деле Виталий приходит ради Марины. Среди оболтусов, прожигающих жизнь в компании Питекантропа, наблюдательных людей не наблюдалось. И тем не менее губернаторша дозналась до правды. Должно быть, от нее не ускользнули неуловимые перемены в поведении и настроении Марины, и, перебрав в уме все контакты дочери, Альбина Николаевна пришла к закономерному выводу, что вечеринки у Питекантропа — единственная возможная причина этих перемен. Только там она не могла контролировать дочь. Ну а дальнейшее — дело техники. Учинить «архангелам» Марины допрос с пристрастием, выведать, что одновременно с ней на пьянки Питекантропа всегда приходит Катя с кавалером, дознаться, что нигде больше Катя с этим кавалером не появляется, установить личность подозрительного субъекта... Да, должно быть, все было именно так. Иначе дальнейшие события не поддаются объяснению.

Однажды в кабинете Виталия появился личный шофер губернатора и тоном, не допускающим возражений, объявил, что Виктор Палыч немедленно хочет его видеть. По дороге в губернаторский офис сердце Виталия ухало вверх-вниз, как на американских горках. Первой пришла мысль, что Турусову понадобился свежий ум и он вспомнил о толковом юристе, выдвинувшем несколько удачных идей в предвыборную кампанию, — и душа замерла в сладостном предвкушении карьерного взлета. А в следующую минуту тоскливо сжалась от страха: вдруг Турусову доложили, что к его дочери подбивает клинья безродный выскочка, полное ничтожество... Нет, не может быть: о них с Мариной никто, кроме Кати, не знает. Да и не подбивал он клиньев, по большому-то счету... Просто пытался немного скрасить Маришкину жизнь. Турусов должен быть ему благодарен. Ведь он, в отличие от жены, искренне привязан к дочери. И страх снова сменялся радостным ожиданием.

Гадая, что понадобилось от него губернатору, Виталий перебрал в уме самые разные варианты, включая довольно фантастические. И все-таки оказался совершенно не готов к тому, что ждало его на самом деле.

Турусов встретил Виталия, как долгожданного гостя, — широко улыбнулся, встал из-за стола, протянул руку для рукопожатия. Но в глазах губернатора мелькнуло удивление, словно он не знал заранее, кого пригласил, и только теперь понял, что знаком с приглашенным. И еще одна странность поразила Виталия: за радушными манерами Виктора Палыча явно проглядывала нервозность. Это не лезло ни в какие ворота! Чтобы функционер, играющий в карьеристские игры со времен своей комсомольской юности, прожженный политик, прошедший огонь, воду и медные трубы, умеющий «держатъ лицо» в любых обстоятельствах, нервничал перед разговором с такой мелкой сошкой, как никому неведомый, захудалый, нищий юрист-консультант? Да что, в конце концов, происходит?

Турусов между тем не спешил рассеять недоумение Виталия. Усадил в кресло, велел секретарше принести кофе, вспомнил предвыборную кампанию, расспросил молодого человека о работе, о семье. Словно все не мог решиться на разговор, ради которого пригласил гостя. Но вот кофе был выпит, посторонние темы исчерпаны. Виктор Павлович встал, подошел к окну и, не глядя на Виталия, заговорил о жене. О ее болезни, сложном характере, странных капризах, которым он, Турусов, всегда старается потворствовать из любви и жалости к ней. И наконец перешел к сути.

— На этот раз моя супруга пожелала, чтобы вы, Виталий, стали ее личным помощником.

— Но... почему я? Ведь мы с Альбиной Николаевной даже не знакомы!

— Не знаю. Повторю, у моей жены временами бывают странные фантазии. Докопаться до рациональных причин ее поступков порой просто невозможно. Подозреваю, это как-то связано с ее болезнью. — Турусов повернулся к Виталию лицом. От его недавней нерешительности вдруг не осталось и следа. — Тебе-то не все равно, почему она тебя выбрала? — напористо спросил он, переходя на привычное для себя «ты». — Радоваться надо. Или ты не понимаешь, какие выгоды это сулит? Так я объясню. С сегодняшнего дня — в случае твоего согласия, конечно, — ты будешь зачислен в штат моей компании «Химиконт». Заместителем начальника юридического отдела. С окладом на порядок выше нынешнего. В свободное от поручений Альбины Николаевны время ознакомишься с работой отдела, изучишь всякие юридические тонкости и тому подобное. Позже, когда моей жене наскучит новая игрушка, приступишь к настоящей работе. Справишься, — а я уверен, что справишься, парень ты неглупый, — сделаю тебя начальником отдела и введу в совет директоров. Как тебе такая перспектива?

Виталий почувствовал странную слабость. Тело стало ватным, пульс стучал в висках молотом, мысли разбегались, как тараканы на свету. «Личный помощник... мальчик на побегушках? Постельная собачка?.. Как противно, как унижительно!.. И Маришка... поймет ли она? Простит ли? Но что со мной будет, если я откажусь? О карьере придется забыть... Хорошо, если Альбина не сживет меня со свету... С другой стороны, это мой шанс...»

Турусов заметил его смятение, но истолковал по-своему.

— Понимаю, о чем ты сейчас думаешь. Обещания можно дать какие угодно, а где гарантии, так? В другом случае я мог бы и обидеться. Я своему слову хозяин, это всем известно. Но тут ситуация деликатная. Ты можешь впасть у Альбины в немилость, и тогда мне будет трудно что-либо для тебя сделать. Давай договоримся так: я буду платить тебе десять тысяч долларов в месяц — это помимо оклада. А ты постарайся не настроить против себя мою супругу. Если вы расстанетесь более или менее мирно, ты вернешь эти деньги, а я выполню свое обещание. А если Альбина обозлится и захочет твоего скальпа, у тебя будет возможность уехать отсюда и открыть собственное дело. Юридическую консультацию, адвокатскую контору — что пожелаешь. Начальный капитал у тебя будет. Ну как, по рукам?

Виталий с усилием отлепил язык от неба и облизал сухие губы.

— А каков круг обязанностей у личного помощника Альбины Николаевны?

— Она сама тебе его обрисует, — усмехнулся Турусов.

Они помолчали.

— Вы позволите мне подумать? — спросил наконец Виталий.

— Что ж, думай. — Виктор Палыч развел руками. — Только помни, что вторая такая

возможность тебе вряд ли подвернется. Звони, когда надумаешь.

На следующий день Виталий передал с Катей письмо для Марины. Ответ Катерина принесла устный.

— Она сказала, чтобы ты решал сам. Но, если хочешь знать мое мнение, тебе следует послать Альбину к чертовой бабушке. Неужели не ясно: она хочет наказать вас с Маришкой, унижить, втоптать в грязь. Откажись. Помяни мое слово: ты горько пожалеешь, если согласишься.

Виталий раздумывал два дня. Легко сказать — откажись! Турусов прав: такая возможность подворачивается раз в жизни. Отказ от нее равносильен отказу от будущего. А как же планы, надежды, амбиции? Забыть о них? Смириться с нищетой, с убожеством собственного существования? Стоит ли хоть одна женщина такой жертвы? Не стоит, решил Виталий и позвонил Турусову.

Вспоминать о том, что последовало за его согласием, было неприятно. Опасения Виталия оправдались. Из него сделали и мальчика на побегушках, и мальчика для битья, и постельную собачку. И все это — на глазах у Марины, которая теперь смотрела на него, как на мебель, — равнодушно, без выражения. Дважды им выпала возможность побыть наедине, и Виталий пытался объяснить, но Марина виртуозно уходила от разговора.

Виталий начал подозревать, что совершил ошибку. Его патронесса чувствовала себя все хуже и хуже. Очередная пересаженная почка снова не прижилась, и никто не мог поручиться, что Альбина перенесет еще одну операцию. Если не перенесет, выходит, он свалил грандиозного дурака. Освободившись от матушки, Марина получит деньги, право распоряжаться собой и влияние на папу-губернатора. И тогда наверняка заставит Виталия пожалеть о выборе, сделанном в пользу ее мучительницы.

Альбину положили в больницу, удалили донорскую почку, подключили к искусственной. Виталий уныло ждал развязки. Он почти смирился с поражением. Ладно, пускай Турусов пойдет у дочери на поводу и выгонит его из «Химиконта». За полтора года холуйства Виталий скопил кругленькую сумму в сто пятьдесят тысяч долларов. С ними вполне можно начать новую жизнь где-нибудь подальше от Старграда.

И вот тут-то Альбина Николаевна ударила его под дых. Вызвала к себе в больницу и отдала приказ, от которого у Виталия в глазах потемнело. И выполнить нельзя, и послушаться невозможно. Он едва не спятил, пытаясь найти выход.

Но нашел-таки — и какой! Его элегантный, изящный план не имел практически ни единого изъяна. Прямо-таки гроссмейстерская комбинация, которая превратит почти неизбежный проигрыш в победу. Виталий выполнит приказ, спасется, а потом Альбина благополучно отправится к праотцам. Турусов узнает, что его дочь осталась жива благодаря ловкости Виталия, простит ему долг и обеспечит карьеру. Маришка поймет, как много он для нее сделал, чем ради нее рисковал, и забудет о маленьком недоразумении, произошедшем между ними. Виталий был так счастлив, когда его осенило, так гордился собой, разрабатывая детали!

И что же? Эта дура отвергла его замысел! Отвергла, хотя Виталий предусмотрительно не посвятил ее во все подробности, не желая пугать понапрасну и опасаясь, что Марина не согласится пожертвовать чужой жизнью. В глубине души Виталий сомневался, что ему удастся убедить девушку в необходимости этой жертвы, даже если он откроет ей всю правду. С точки зрения Марины, его план должен был выглядеть безгрешным и совершенным. Прямо-таки ответом на молитву Франсуа Вийона: «Господи, дай же Ты каждому, чего у него

нет». И все-таки она его отвергла. Почему? Ну почему?!

Услышав ее отказ, Виталий сначала расвирипел — столько сил, времени и денег растрачено зря! — а потом запаниковал. Он исполнил поручение Альбины, и часовой механизм бомбы уже начал обратный отсчет. Если Виталий не придумает, как его остановить, взрыв погребет под собой и его — вместе с честолюбивыми мечтами. Перетрусив до потери рассудка, он бросился к Вольской за советом и помощью.

Виталий надеялся, что Оксана Яновна убедит Марину принять его план или изобретет свой, не менее эффективный — такой, чтобы вывел из-под удара и Маришку, и его. Но замысел Виталия почему-то привел Вольскую в ярость, а его безопасность не волновала ее ни в малейшей степени. Она даже не пыталась сделать вид, что позаботится о нем. Велела позвонить связному, все отменить и выгнала взащей. Как нашкодившую собачонку.

Теперь ему предстояло позаботиться о себе самостоятельно. Виталий предпринял кое-что в этом направлении, только вот никакой уверенности в исходе не было.

После смерти Альбины Николаевны у него поначалу гора свалилась с плеч. Он спасен, кошмар кончился! Но вскоре ликование сменилось озабоченностью, а потом вернулся и страх. Ничего не кончилось, он по-прежнему в ловушке. Во-первых, его запоздалый звонок по связному телефону, по-видимому, не достиг цели. Ему не перезвонили. Возможно, если бы Виталий послушался Вольскую и позвонил сразу, все бы уладилось, но он боялся Альбину и тянул до последнего. А канал связи тем временем закрылся. Во-вторых, он по-прежнему не может вернуть Турусову долг. А значит, рассчитывать на престижную денежную работу не приходится. И от надежды открыть собственное дело теперь, когда он утратил солидную часть сбережений и боялся потерять все, почти ничего не осталось. В-третьих, убийство Турусовой наверняка поставит на уши всю милицию города, они будут землю рыть, чтобы найти виновника или того, кто подходит на эту роль. А он, Виталий, подходит как нельзя лучше. Молодой любовник убитой — без связей, без влиятельных родственников и могущественных покровителей. Так и просится в камеру. А если дурное обращение губернаторши с альфонсом покажется кому-то недостаточно веским мотивом для убийства, Вольская с удовольствием подкинет им другой, в высшей степени убедительный.

Виталий чуть ли не выл, проклиная себя за болтливость. Кретин, олух, зачем он пошел к Вольской?! Как теперь уговорить ее молчать?

Поколебавшись, он набрал номер Марины. Наверняка теперь, после смерти матери, она более свободна в своих передвижениях. Если он будет убедителен, она, наверное, согласится встретиться с ним. На этот раз Виталий откроет ей всю правду, и она не сможет его не простить. Ведь он пытался ее спасти! Теперь ее очередь. Пусть уговорит свою крестную держать язык за зубами.

Но высокомерная дрянь отказалась с ним разговаривать. Проще всего сквозь зубы короткую тираду насчет его ума и бросила трубку. У Виталия было такое ощущение, будто он только что поставил последние деньги на цвет, сектор и номер и наблюдает, как шарик, дрогнув, вкатывается на зеро.

* * *

После неудачного разговора с Оксаной Вольской Гуляев три дня работал как каторжный. Дал оперативникам поручение подробно опросить персонал клиники,

покопаться в биографиях, узнать, не пострадал ли кто-нибудь из подчиненных или пациентов Вольской по вине покойной губернаторши, а сам занялся окружением Турусовой. Вызвал повестками человек пятьдесят — бывшую и нынешнюю прислугу, секретарей и менеджеров кадрового агентства Альбины, преподавателей и администраторов ее колледжа. Сергей Владимирович часами задавал вопросы, выслушивал ответы, снова задавал вопросы и слушал, но так и не нашел ответа на мучившую его загадку: что приключилось с той, прежней Алькой, светлым эльфом, пушистым одуванчиком его детства и ранней юности? В конце концов ему стало казаться, что девочка, которую он знал когда-то, — миф, порождение воображения, никогда не существовавшее в действительности. Потому что женщина, о которой ему рассказывали, никак не могла быть следствием, прямым продолжением той Альки.

Зато у него постепенно сложилось представление о том, каким образом Альбина Николаевна превратилась из мало кому известной губернаторской супруги и домохозяйки в крупнейшую фигуру старградского бизнеса и политики. Десять лет назад изнемогающая от скуки болезненная дама обратилась к мужу с просьбой выделить ей кругленькую сумму, с тем чтобы она могла открыть собственное дело. Турусов, сдувавший с больной супруги пылинки, ясное дело, не отказал. Снабдил любимую не только деньгами, но и армией помощников во главе с бухгалтером и юристом, которые помогли Альбине Николаевне создать и зарегистрировать издательскую фирму «Антр ну», предназначенную для выпуска одноименного женского журнала. Через год и два месяца новая фирма благополучно почилла в бозе: журнал по провинциальным меркам был слишком дорог, и жительницы Старграда отдавали предпочтение чтиву попроще и подешевле — старой доброй «Бурде», «Лизе», воскресному приложению к «МК». Те же, кто побогаче, предпочли «Космополитен», «Вог» и «Харперс Базар». Детище Альбины, так и не нашедшее своей ниши, оказалось нежизнеспособным.

Первая деловая неудача разозлила Турусову, но отнюдь не отбила у нее охоту к предпринимательству. Она снова потребовала у мужа денег и основала новую фирму, на этот раз салон моды «Первая грация», где состоятельные клиентки могли заказать любую деталь туалета — от белья из кружев ручной выделки до эксклюзивных туфелек и сумочек всевозможных форм и расцветок. «Первая грация» просуществовала всего восемь месяцев, после чего ее постигла судьба «Антр ну». По той же причине — из-за отсутствия клиентуры. Жены не слишком крупных бизнесменов покупали себе готовую одежду и аксессуары в дорогих бутиках, а действительно состоятельные дамы одевались в европейских столицах у известных кутюрье.

Казалось бы, новый провал должен был окончательно отвадить Турусову от бизнеса, но Альбина Николаевна закусил удила. Теперь ее супругу пришлось инвестировать часть капитала в создание бизнес-колледжа, который, по замыслу Альбины, должен был готовить для работы в частных фирмах специалистов самого разного уровня — от секретарей-референтов и телохранителей до бухгалтеров, переводчиков-синхронистов и менеджеров высшего звена. Срок обучения в колледже в зависимости от специальности колебался от двух до четырех лет. Плата за обучение была достаточно высокой, но наступать в третий раз на одни и те же грабли Альбина поостереглась. Хорошо успевающим студентам предоставлялись скидки, а некоторые, самые способные, вообще учились в кредит, подписав контракт, по которому обязались первые три года работы перечислять колледжу половину зарплаты. Трудоустройством выпускников занималось агентство кадров, созданное при

колледже.

Никто в Старграде, в том числе и сам губернатор, субсидировавший новое детище супруги, не ожидал, что колледж окажется прибыльным предприятием. А напрасно. Скептикам следовало бы помнить лозунг самого удачливого из вождей соцреволюции: «Кадры решают все». Альбина Николаевна, пользуясь личным знакомством со многими бизнесменами города, а также широкими связями и влиянием мужа, пристроила всех своих первых выпускников в самые крупные фирмы Старграда. А потом, по примеру процитированного классика, занялась беззастенчивым разбоем (или, если угодно, экспроприацией экспроприаторов).

Выпестованные ею специалисты начали возвращать долги, не только перечисляя на счет колледжа часть зарплаты, но и поставляя его основательнице секретную служебную информацию. Пользуясь полученными сведениями, Альбина Николаевна брала дельцов за жабры и вынуждала безвозмездно передавать ей часть акций. Трепыхаться пытались только трое — самые первые жертвы. В результате один из них потерял многомиллионный заказ и добрую репутацию (фирма-заказчик получила по факсу весьма любопытные документы), второго поставила на грань банкротства внеплановая проверка налоговой полиции, а третий вообще попал в камеру предварительного заключения за попытку изнасилования и сексуальные домогательства в отношении подчиненных. В камере его как следует отметилили, и поумневший предприниматель наутро связался через адвоката с Турусовой, после чего все три истицы чудесным образом одумались и забрали из милиции свои заявления.

По непроверенным данным (читай — по слухам), были еще предприниматели, которые «трепыхались» неявно, а именно — пытались обратиться к своим «крышам». Но им объяснили, что у Турусовой слишком мощная поддержка и во властных структурах, и в криминальных кругах (Альбина Николаевна не считала зазорным делиться барышами с нужными людьми), а устраивать в городе криминальную войну с неизвестным результатом никто почему-то не захотел. Не исключено, что некоторые жертвы Турусовой пытались прибегнуть к услугам мокрушников-профессионалов, но на этот счет никаких данных, даже непроверенных, не имелось. До последнего времени ни прокуратура, ни милиция сведениями о покушениях на ее жизнь не располагали, значит, либо киллеры не получали такого заказа, либо почему-либо отказались его брать.

В общем, Альбина Николаевна оказалась совладелицей всех или практически всех крупных фирм города. По свидетельству слуг, губернатор не одобрял пиратские методы супруги и даже робко попытался обуздать ее аппетиты, но, поскольку выпускники колледжа работали и на его предприятиях, равно как и в губернаторском офисе, его быстро и грубо поставили на место.

Подведя итоги трехдневного труда, Гуляев был вынужден согласиться с Оксаной: мотивы для убийства Турусовой имелись у очень и очень многих. Кстати, Вольская оказалась единственным предпринимателем, которого Альбина не сумела, хотя и пыталась, прищучить. Застукав сосватанную ей Альбиной девицу администратора у своего открытого личного сейфа, Оксана без разговоров вышвырнула шпионку вон и впредь отказалась принимать на работу протеже Турусовой. Когда же Альбина Николаевна решила надавить на подругу, туманно намекнув на будущие неприятности, Вольская небрежно бросила: «Валяй», после чего покинула губернаторский дом, явно не собираясь когда-либо еще переступить его порог. Альбина Николаевна рвала и метала, несколько дней безжалостно шпыняла прислугу

и домохозяек, придираясь к каждой мелочи, словом, устроила в доме крошечный ад, но так и не рискнула «наехать» на Оксану. А через неделю накупила подарков и поехала мириться — может, не захотела рассориться навсегда с единственной подругой, а может, побоялась менять лечащего врача.

Эта часть показаний прислуги заметно подняла Сергею Владимировичу настроение, хотя он понимал, что они не означают отсутствия у Оксаны мотива убийства. Те же слуги — хотя нет, не те же, другие, нанятые позже, — рассказали об ужасном скандале, разразившемся в губернаторском доме два года назад. Причины скандала никто не знал, но скандалила Альбина не с кем-нибудь, а с Вольской. Грозил ей страшными карами и «визжала, как свинья недорезанная». После этого подруги не общались вплоть до того дня, когда Турусова снова легла в клинику Вольской.

Опять же нельзя было сбрасывать со счетов возможности Оксаны манипулировать работниками клиники. По сведениям, собранным оперативниками, никто из персонала от происков Альбины Николаевны не пострадал — для Турусовой они были слишком мелкой сошкой, и те немногие, кто знал ее лично, никогда вне стен клиники с ней не общались. Но исключать их причастность к преступлению преждевременно.

Не отказываясь окончательно от мысли о возможной виновности Вольской, в душе Гуляев в эту версию не верил. Точнее, не хотел верить. А если где-то в мозгу начинал шевелиться червячок сомнения, Сергей Владимирович умирал его прежними доводами: Вольская могла бы избавиться от Альбины гораздо более безопасным способом. Назначить не то лекарство или не ту дозу, сделать неточный надрез во время операции, внести инфекцию, перепутать кислород с веселящим газом — да мало ли роковых ошибок может совершить хирург и лечащий врач, если постарается! А чтобы червячок сомнения пореже его беспокоил, Сергей Владимирович вплотную занялся наиболее вероятными кандидатами в убийцы. Теми, кто имел пропуск в клинику и тесные личные контакты (а значит, и конфликты) с Альбиной Турусовой.

Начать Гуляев решил с самого губернатора. К чести Турусова, надо сказать, что он не выказал никакого недовольства тем, что его, чиновника столь высокого ранга, вызвали в прокуратуру повесткой, как самого заурядного обывателя. Мало того, он приехал точно в указанное время и даже попенял Сергею Владимировичу, что тот так долго тянул с вызовом.

— Я уже хотел звонить прокурору, узнать, почему моей персоной никто не интересуется. Как-никак мы с женой прожили вместе больше тридцати лет, я знал Альбину и ее дела лучше, чем кто бы то ни был, — сообщил Виктор Палыч с ноткой сдержанной печали в голосе.

Разглядывая скорбящего супруга, Гуляев решил, что губернатор ему нравится. Во-первых, разговаривает, не чинясь, не напоминая каждым жестом, взглядом и интонацией о разнице в их положении. А во-вторых, не разыгрывает безутешное горе. Сергей Владимирович повидал на своем веку достаточно вдов и вдовцов, чтобы сделать для себя вывод: истинное горе не голосит о себе, не выставляет себя напоказ. Человек, переживший трагедию, прячет боль от посторонних глаз, словно боится, что от демонстраций она обесценится, потеряет силу, и тогда умрет последнее чувство, а он останется — живым трупом.

Вместе с тем Сергей Владимирович понимал, что Турусов с его опытом публичных выступлений давно научился изображать искренность, благородство, демократичность и вообще любое качество, требуемое по сценарию. А значит, не стоит доверяться первому

впечатлению. С таким зубром от политики нужно держать ухо востро.

— Позвольте выразить вам соболезнования, — вежливо начал Гуляев и тут же кинул пробный камень: — Думаю, смерть Альбины Николаевны была для вас страшным ударом.

— Я бы так не сказал, — неожиданно возразил Турусов. — Видите ли, Альбина была больна. Давно и безнадежно. Ей несколько раз делали операцию по пересадке почки, но рано или поздно организм чужую почку отторгал, а операции с каждым разом проходили все хуже. Когда Альбину забрали в клинику в этот раз, все мы — я имею в виду близких — были морально готовы к смертельному исходу. Оксана Яновна, подруга Альбины, которая лечила ее раньше, и доктор Корзухин, последний лечащий врач, оценивали ее шансы как один к десяти. Это при операции. А без оперативного вмешательства Альбина была обречена. Ей оставалось от силы несколько месяцев. Поэтому я не могу сказать, что ее смерть была для меня потрясением. Хотя обстоятельства, при которых она наступила, меня... гм... да, ошеломили.

— Судя по затруднениям с подбором нужного слова, оно не вполне точное, я прав?

— Да нет, почему же? Ошеломили, привели в замешательство, оглушили... Вполне точно передает мои чувства.

— Как правило, мужья, говоря о чувствах, которые испытали, узнав об убийстве жены, используют другие выражения, я бы сказал, более сильные.

— Понимаю. Мне жаль, если я вас разочаровал. Ни потрясения, ни отчаяния, ни ярости, ни жажды мщения я не испытываю. Боль... может быть, горечь потери... «Может быть» — потому что на самом деле горечь потери я давно пережил. Видите ли, долгая хроническая болезнь меняет не только внешность, но и характер больного. Характер даже в большей степени. Альбина последних лет была совсем не той девушкой, на которой я когда-то женился. Та была неземным существом, ангелом во плоти. Если бы вы знали ее...

— Я знал, — неожиданно для себя перебил Сергей Владимирович. — Мы учились в одном классе.

Во взгляде Турусова впервые появился личный интерес к следователю, который вел дело об убийстве его супруги. Словно признание Гуляева переводило его из разряда абстрактных личностей, следящих за соблюдением закона, в разряд почти что приятелей Виктора Палыча.

— Тогда вы меня поймете. Разве можно представить себе, чтобы та девушка ради обретения власти шла по головам? Наслаждалась этой властью, унижая людей, попирая их волю, желания и чувства? Радовалась чужому несчастью? А моя жена в последние годы именно так и делала. Не скрою, я могу понять человека, который ее убил. Не оправдать его, нет. Убийство оправдать нельзя, во всяком случае, убийство больной, беспомощной женщины, исподтишка. Но понять убийцу — могу.

«Что они, сговорились, что ли? — с внезапной неприязнью подумал Гуляев. — У одной убили подругу, у другого — жену, а они прямо готовы нанять убийцу адвоката!»

— Скажите, а где вы находились, когда Альбина Николаевна умерла? — намеренно резко спросил он.

— Меня не было в городе, — ничуть не обидевшись, сообщил губернатор. — Время от времени приходится ездить по области, знаете ли. Проверять, правильно ли тратятся бюджетные средства, нет ли злоупотреблений, то да се...

— Как же вы уехали, зная, что жене предстоит операция с такими маленькими шансами на выздоровление?

— Я не знал, когда ей назначат операцию. Никто не знал. Для пересадки почки нужен донор... э... погибший человек со здоровыми почками. Мало того, у донора и реципиента должны совпадать группы крови и еще что-то... Они там делают какую-то проверку на совместимость тканей, не знаю точно какую. Словом, операцию могли провести еще не скоро, а мои обязанности никто не отменял. Я попросил Оксану, чтобы меня вызвали, если донор э... появится. Господи, как это ужасно звучит! Вам не кажется, что в самой идее трансплантации жизненно важных органов есть нечто глубоко циничное? С нетерпением ждать смерти здорового и нестарого человека, не сделавшего лично вам ничего плохого, более того — незнакомого, разве это не порочно?

— Не знаю. По счастью, у меня никогда не было причин задумываться над такими вопросами. Если позволите, вернемся к кончине вашей супруги. Часто ли вы навещали Альбину Николаевну до своего отъезда в область?

— Практически ежедневно.

— Тогда, вероятно, вам доводилось общаться с теми, кто за ней ухаживал. Как, по-вашему, у кого-нибудь из персонала клиники могли быть причины желать вашей супруге смерти?

Турусов усмехнулся.

— Несмотря на учебу в одном классе, вы не очень-то представляете себе характер женщины, смерть которой расследуете. Смешно думать, будто Альбина подпустила бы к себе человека, имеющего основания желать ей смерти. Все, кто имел право входить к ней в палату, от лечащего врача и до последней уборщицы, были тщательнейшим образом проверены на предмет связи с людьми, интересы которых когда-либо пересекались с интересами моей жены. У Альбины Николаевны была собственная служба безопасности, они ни за что не допустили бы такой промашки.

— Вот как? — Сергей Владимирович приподнял бровь. — Тогда почему же эта служба не озаботилась надлежащей охраной? Разве может один человек, да еще поставленный за дверь, обеспечить безопасность прикованной к постели женщины?

— Вы забываете о сиделке, которая дежурила в палате круглосуточно. О кнопке срочного вызова, установленной над кроватью Альбины. Ей достаточно было протянуть руку, чтобы поставить на ноги весь этаж. Охранник за дверью тоже мог поднять тревогу одним движением ноги. У него под столом — кнопка сигнализации. Нет, их трудно винить в том, что не уберегли Альбину. Разве можно предугадать такую цепь совпадений? Внезапный приступ у охранника, отлучка сиделки, сон Альбины... Преступнику невероятно повезло.

— Может быть, может быть, — задумчиво пробормотал Гуляев. — А среди работников клиники, не имевших доступа в палату вашей жены, были ее враги?

— Трудно сказать. Что-что, а наживать врагов Альбина умела. Правда, работники клиники — не ее уровень. Недруги Альбины, как правило, занимали более высокое положение. Конечно, с простыми людьми, например с прислугой, у нее тоже бывали конфликты, иногда довольно серьезные, но мне почему-то кажется, что причина этого убийства должна быть более весомой, чем бытовая склока. Разве что в клинике работает кто-то из друзей или родственников тех, кому моя жена навредила по-крупному.

— И вы можете назвать имена? Я имею в виду имена тех, кому Альбина Николаевна крупно навредила?

На лице губернатора отразилось удовлетворение. Судя по всему, разговор наконец принял то направление, которого он ожидал. Следующие полчаса Виктор Павлович

подробно и со вкусом рассказывал о пиратских выходках покойной супруги. В отличие от Оксаны, он, видимо, нисколько не стеснялся поставить в неловкое положение своих знакомых. А может, будучи реалистом, понимал, что следователь и сам без труда соберет эти сведения.

Но благодушие губернатора мгновенно испарилось, когда Гуляев задал ему вопрос о взаимоотношениях покойной с дочерью.

— А вот это вам совершенно ни к чему, уважаемый, — заявил Виктор Палыч, обладающий следователя арктическим холодом. — Марина не имела даже теоретической возможности убить мать или поручить это убийство третьим лицам. Она постоянно — слышите? — постоянно находилась под присмотром телохранителей, которые работали на Альбину. Жена очень боялась, что девочка свяжется с неподходящей компанией, и санкционировала самое бесцеремонное вмешательство в личную жизнь Марины вплоть до прослушивания ее телефонных разговоров и перлюстрации писем. — Перехватив изумленно-брезгливый взгляд Сергея Владимировича, Турусов несколько смутился, и температура в помещении сразу поползла вверх. — Я возражал, но... Альбина — мать. Предполагалось, что она лучше знает, как надо заботиться о девочке. Во всяком случае, уж один-то добрый плод ее воспитательная политика принесла. Были у Марины причины ненавидеть мать или нет, подозревать девочку в убийстве вы точно не можете.

— Вероятно, вы правы, — миролюбиво сказал Гуляев. — Но, надеюсь, у вас не возникнет возражений, если я захочу побеседовать с Мариной? Мать могла делиться с ней какими-нибудь женскими секретами, которые от вас держались в тайне.

Турусов явно собирался оспорить предположение следователя, но воздержался, сообразив, что это бессмысленно.

— Дерзайте, — буркнул он не слишком любезно. — Вы — профессионал. Вам виднее.

* * *

Допрос Марины Турусовой Гуляева обескуражил и даже подорвал его веру в собственный профессионализм. На своем следовательском веку Сергей Владимирович повидал всяких свидетелей, в том числе и хитрых, и изворотливых, и замкнутых, и молчаливых. Но такую... непрозрачную особу встретил впервые. Губернатор Турусов, прошедший почти полвека в высшей лиге партийных ролевых игр, по сравнению со своей двадцатилетней дочерью, этой невинной домашней девочкой, мог сойти за большой кусок горного хрусталя.

Марина не уваливала от ответов, не отмалчивалась и, по-видимому, не лгала. Но поручиться за последнее Гуляев не мог, потому что ему ни разу не удалось заставить ее проявить хоть какое-то чувство. Он несколько раз менял тактику допроса, прибегал то к отеческой ласке, то к холодной суровости, то к прямой грубости, то к лести, но ни мытьем, ни катаньем не добился от девушки нормальной человеческой реакции. Она не волновалась, не пугалась, не выходила из себя, не возмущалась, не плакала, не улыбалась, не злорадствовала, не напрягалась... Вообще ничего. Даже ее глаза, темно-серые, в Виктора Павловича, казались Гуляеву матовыми. А голос — низкий, глуховатый, и в общем-то приятный — боже, как он бесил Сергея Владимировича своей невыразительностью!

— Какие взаимоотношения были у вас с матерью?

— Никаких. Она отдавала приказы, я исполняла. Вот и вся суть наших отношений.

— Но при этом вы испытывали друг к другу какие-то чувства?

— Я не могла позволить себе такой роскоши. А она... Полагаю, я ее раздражала.

— Почему?

— Почему полагаю или почему раздражала?

— Почему не могли позволить себе такой роскоши, почему полагаете, почему раздражала?

— Если бы я испытывала к маме какие-то чувства, то могла бы их ненароком проявить, и маме они могли не понравиться, а она была женщиной нездоровой, врачи не рекомендовали ее волновать. На мысль о том, что я вызываю у нее раздражение, меня неоднократно наталкивали ее тон и характерное выражение лица, а также выбор слов, когда она делала мне замечания. А раздражала я маму, видимо, из-за того, что не отвечала ее ожиданиям.

— А чего она от вас ожидала?

— Не знаю. Ее заявления на этот счет были довольно противоречивыми.

— М-да, Марина, похоже, вам жилось не очень сладко.

— Я привыкла.

— Виктор Павлович признался мне, что матушка держала вас под постоянным контролем, совершенно игнорируя ваше право на неприкосновенность личной жизни.

— Да, это правда.

— И вы ни разу не пробовали восстать?

— Нет. Это ничего бы не изменило. Мама легко подавила бы любой мой бунт. У нее хватало рычагов воздействия.

— Стало быть, ее смерть принесла вам облегчение?

— Можно сказать и так.

— Но можно и по-другому?

— Знаете, все же она была моей матерью. А смерть матери трудно считать личным благом, даже если для этого есть основания.

— Понимаю. Теплые воспоминания о поре безмятежного детства, мамины руки, губы, смех...

— ...

— Нет?

— Простите, Сергей Владимирович, мне кажется, наш разговор зашел куда-то не туда.

— Почему же не туда, Марина? Я всего лишь пытаюсь понять ваше отношение к маме.

— По-моему, я достаточно определенно высказалась на эту тему.

— И тем не менее я ничего не понял. Не могу найти аналогов среди известных мне примеров.

— В наборе известных вам примеров наверняка есть случаи, с которыми вы когда-то столкнулись впервые.

— Да, но в последний раз это случилось давным-давно. Хотя... как говорит народная мудрость, век живи — век учись. Хорошо, давайте перейдем непосредственно к делу. Альбина Николаевна когда-нибудь делилась с вами своими проблемами, переживаниями?

— Нет.

— Вы не знаете, у нее были враги?

— Насколько я представляю, были. Но ничего определенного мне не известно. Иногда

долетали какие-то слухи, точнее, обрывки фраз, но в моем присутствии все разговоры такого рода сразу прекращались.

— А какие отношения связывали вашу мать и Оксану Вольскую?

— Они дружили. Много лет. А потом поссорились. Уже давно, года два назад. Но когда маме стало плохо, она позвонила именно Вольской. И тетя Ксана тут же прислала за ней машину из своей клиники. Думаю, что бы между ними ни произошло, мама тете Ксане доверяла. И Оксана Яновна никогда бы не обманула ее доверия. Не такой она человек, чтобы пойти на предательство.

— Вы хорошо ее знаете?

— Да. Тетя Ксана помогла мне появиться на свет. Пожалуй, ближе ее у меня никого нет.

— А отец?

— Ну, вы же знаете, как он загружен работой. Наверное, если сложить все время, которое мы провели вместе, едва ли набежит больше месяца.

— С мамой он общался так же редко?

— С мамой чаще.

— Они ладили?

— Насколько это от него зависело. С мамой временами бывало трудно, но отец понимал, что она больна, и проявлял чудеса терпения.

— А как ко всему этому относились прислуга?

— Изо всех сил блюла нейтралитет. Тем, кто имел глупость проявить хоть какое-то отношение, быстро отказывали от места.

— Могли уволенные затаить обиду на Альбину Николаевну?

— Вероятно, да. Но из-за таких обид не убивают.

— Вы часто навещали мать в клинике?

— Каждый день.

— И наверное, успели познакомиться с кем-нибудь из персонала?

— Я несколько раз разговаривала с Михаилом Вадимовичем, лечащим врачом мамы. Здоровалась с сиделкой, но это вряд ли можно считать знакомством. А нескольких докторов и медсестер, давних друзей Оксаны, я знаю еще с детства.

— Кого именно?

— Нину Ароновну Гольдберг, заведующую гинекологическим отделением, Игоря Сергеевича Костенко, ортохирурга, Елену Романовну Малееву, анестезиолога, Галину Николаевну Белан и Аллу Ильмаровну Назарову, хирургических сестер. Они работают с Вольской всю жизнь. Во всяком случае, сколько я помню.

— Кто-нибудь из них знал вашу мать?

— Должно быть, все. Через Оксану.

— Но вы не уверены?

— Нет.

— То есть вы никогда не слышали, чтобы Альбина Николаевна высказывалась о ком-нибудь из них или они — о ней?

— Нет.

— О чем вы разговаривали с вашей матерью, когда ее навещали?

— В общем-то, ни о чем. Я спрашивала, как она себя чувствует. Она иногда начинала жаловаться, но чаще говорила: «Не дождетесь!» и пыталась меня обидеть. Когда она выдыхалась, я доставала книги, которые приносила для нее, предлагала ей почитать. Если

мама соглашалась — такое тоже бывало, — мы читали и потом довольно мирно расставались. Если швыряла книги на пол и гнала меня вон, я, естественно, быстро уходила.

— А на следующий день возвращались? Зачем же?

— Маме не понравилось бы, если бы я не пришла. Она бы сочла меня неблагодарной тварью. Гнев мог плохо сказаться на ее самочувствии.

— Знаете, Марина Викторовна, по-моему, вы морочите мне голову! Если мать вела себя по отношению к вам так, как вы рассказываете, вы обязаны были ее ненавидеть. А значит, сейчас вы должны ликовать. Поскольку никаких признаков ликования я не вижу, мне остается сделать вывод, что вы — лицемерка, способная на любое вероломство вплоть до организации убийства собственной матушки. Именно из этого предположения я собираюсь исходить дальше в своем расследовании. Вы меня поняли?

— Да.

— Хотите что-нибудь возразить?

— Нет.

— То есть вы подтверждаете, что организовали убийство Альбины Николаевны?

— Нет.

В конце концов Сергей Владимирович не выдержал и просто наорал на девчонку, а потом и выгнал ее взащей, подумав при этом, что начинает понимать, почему Альбина так скверно обращалась с дочерью. «На эту говорящую куклу никакого терпения не хватит, — бормотал он, вытирая платком вспотевший лоб. — Надо поинтересоваться у Оксаны, не сумасшедшая ли ее крестница».

Впрочем, сумасшедшая Марина или нет, а убить мать или даже подтолкнуть кого-то к убийству она не могла. Морозов и Зарифуллин, ее телохранители, точнее надзиратели, полностью подтвердили слова Турусова. До гибели Альбины Николаевны за Мариной следили настолько плотно, что ее участие в каком-либо преступлении или тайном сговоре полностью исключалось. Правда, оставалась еще возможность сговора девчонки с телохранителями. Но показания прислуги делали его, мягко говоря, маловероятным.

«Альбина Николаевна строго следила, чтобы телохранители дочери не позволяли себе никаких вольностей. В прошлом году ей показалось, что один из молодых людей, которые в то время охраняли девочку, оказывает Марине знаки внимания. Так оно было или нет, не знаю, но вскоре оба парня оказались на улице, и хозяйка постаралась, чтобы ни одно охранное агентство не взяло их на работу. Нынешние бодигарды об этом знали и боялись лишний раз даже заговорить со своей подопечной, а Мариночка так и вовсе в их сторону не смотрела, словно и не ходят они за ней по пятам. Иной раз даже жутко делалось от того, насколько она их не замечала. И главное ведь, не притворялась — и вправду не замечала. Точно слепая».

А если не было сговора с Мариной, то версия причастности телохранителей к убийству Турусовой выглядела неубедительно. Морозов и Зарифуллин работали на Альбину Николаевну меньше года, получали очень прилично и ни в какие конфликты с работодательницей не вступали. Служба безопасности Турусовой гарантировала, что никто из бодигардов никоим образом не связан с жертвами разбойничьей деятельности Альбины. Собственноручно ни Морозов, ни Зарифуллин убить не могли, их алиби подтверждали прислуга и сама Марина. В день убийства неразлучная тройца побывала в больнице, но сразу после визита вернулась домой и с полудня губернаторский особняк не покидала.

Между тем прорезались оперативники, брошенные на работу в клинику. Они

установили, что два пациента стационара в свое время пострадали от Турусовой. Андрей Тимофеевич Богомолов, шестидесятишестилетний диабетик и гипертоник, два года назад был вынужден объявить о банкротстве. Перед тем он отказался от заманчивого предложения Альбины Николаевны о слиянии двух родственных фирм (его и ее) в одну (понятно чью). Александр Пичугин, сердечник, поэт и журналист, три месяца назад был изгнан из газеты «Старградский курьер» за умеренно острый очерк «Власти и напасти», обошедшийся руководству газеты в кругленькую сумму, выплаченную Альбине Николаевне за отказ от судебного иска на сумму еще более кругленькую.

По мнению сыщиков, Богомолов и его семейство на роль мстителей не подходили. И жена, и дети экс-предпринимателя едва не плясали от радости, когда супруг и отец был вынужден отойти от дел и смог наконец вплотную заняться своим серьезно пошатнувшимся здоровьем.

«Вы не поверите, но я тогда за здоровье Альбины свечку в храме поставила, — рассказывала Богомолова. — До банкротства Андрюша мой выглядел — краше в гроб кладут. Лицо отечное, кожа серая, в глазах — кровяные прожилки. А все туда же — на работу уходил с петухами, возвращался за полночь. Если возвращался. Я ему говорила: „Ну зачем ты себя загоняешь? Не молоденький ведь уже! Всех денег не заработаешь“. А он только отмахивался или, того хуже, орать начинал. Я под конец уже начала телефонных звонков бояться, в ночных кошмарах видела, как мне по телефону о его смерти сообщают. И тут это банкротство. Андрюша, конечно, страшно переживал поначалу, но потом его подлечили, и он буквально преобразился. Стал молодец молодцом. Читает, гуляет, собой занимается, внуком. Раз в год для профилактики ложится в клинику, проходит курс лечения. Доктора очень довольны его состоянием. И сам Андрей рад безмерно. Друзья-бизнесмены часто зовут его в помощники, но он только руками машет. Я, говорит, свое отпахал, теперь пожить хочу».

Знакомые подтвердили, что захватническая акция Турусовой обернулась для Богомоловых неожиданным благом. Андрей Тимофеевич не только не вынашивал планов мести, но даже шутил, вспоминая русскую сказку: прибрала, дескать, баба к рукам мою фирму и горе-злосчастье в придачу. Пусть теперь не жалуется, если к ней перешли по наследству мои гипертонические кризы.

Иначе воспринял перемену участи Александр Пичугин. Увольнение из газеты лишило его основного источника дохода и поставило семью в тяжелые условия. Жена Пичугина недавно родила вторую дочь и в настоящее время не работала. Александр бился как рыба об лед, хватаясь за любую халтуру, сулившую хоть какой-нибудь заработок, — стряпал рекламные объявления для мелких дельцов, пытался натаскивать безграмотных оболтусов по русскому языку, писал на заказ поздравительные вирши для юбилеев, переводил с английского инструкции для местных фирм, торгующих корейской бытовой техникой. В конце концов непомерная нагрузка, беспросветное будущее и бессильная ненависть к Турусовой надорвали его сердце. Журналист заработал инфаркт. Сердобольные знакомые и бывшие коллеги собрали денег и перевели его из городской больницы, где бесплатное лечение сводило «тяжелых» пациентов в могилу не хуже эпидемии чумы, в частную клинику Вольской, где таких пациентов, как правило, ставили на ноги.

С точки зрения сыщиков, кандидатура Пичугина на роль убийцы Турусовой смотрелась совсем неплохо. Несчастливого журналиста буквально душила злоба, когда при нем упоминали о губернаторше. Он неоднократно и при свидетелях желал ей подохнуть и достаточно окреп

для того, чтобы подняться на один этаж, дойти до палаты Альбины Николаевны и проделать манипуляции с капельницей. Но в этой приятной версии были нестыковки. Во-первых, на каждом этаже клиники дежурил вахтер, который, по идее, должен был проверять пропуска и следить, чтобы посетители пациентов, скажем, со второго этажа, не крутились на третьем. Во-вторых, ни Пичугина, ни его домочадцев на третьем этаже никто не видел. И в-третьих, если все-таки допустить, что преступник — Пичугин, то выходило, что действовал он по наитию и ему невероятно повезло. А значит, доказать его вину практически невозможно. Эти же соображения, кстати, относились и к Богомолу, который тоже лежал на втором этаже.

Обдумав все это, Гуляев решил, что ни Пичугин, ни Богомол ему не подходят. Просто невозможно поверить, будто кто-то из них, поддавшись внезапному порыву, встал с больничной койки, поднялся по лестнице, прошмыгнул мимо зазевавшегося вахтера, никем не замеченный дошел до VIP-бокса, обнаружил, к своей радости, что охранник лежит без сознания, прокрался в палату, которую по счастливому стечению обстоятельств именно в эту минуту покинула сиделка, и расправился с обидчицей, по столь же счастливому стечению обстоятельств мирно уснувшей за несколько минут до его появления. Такого нагромождения «счастливых» случайностей не проглотит ни один суд.

Нет, человек, которого искал Гуляев, знал все о распорядке дня Турусовой, о системе ее охраны, более или менее разбирался в медицине, был, скорее всего, знаком с охранником Альбины Николаевны и имел право находиться на третьем этаже клиники.

«Что опять приводит нас к персоналу клиники или посетителям Альбины», — вздохнув, подытожил Сергей Владимирович. Вывод его не обрадовал. Из пяти человек, имевших допуск к Турусовой, четверо представили надежное алиби. Если окажется, что оно есть и у пятого, то придется искать убийцу среди работников клиники. И если ни у кого из них не обнаружится мотива, подозрение в организации убийства неизбежно падет на Оксану Вольскую.

* * *

Однако допрос Виталия Желнина развеял мрачные предчувствия следователя и породил надежду на скорое и успешное завершение запутанного дела.

Парень явно нервничал, на вопросы отвечал уклончиво и вообще вел себя подозрительно, хотя по образованию был юристом и не должен был испытывать обывательского страха перед работниками прокуратуры.

— Какие обязанности вы исполняли в качестве личного помощника Турусовой?

— Разные. Все больше по мелочам. С кем-то созванивался, рассылал приглашения, сопровождал на светские рауты...

— И сколько же вам платили за эту необременительную работку? — с усмешкой поинтересовался Гуляев.

— Я бы не сказал, что она была необременительной, — обиделся Виталий. — У меня почти не было свободного времени, постоянно приходилось быть начеку... И вообще, какое отношение к делу имеет моя зарплата?

— Пока не знаю. Спрашиваю, чтобы иметь представление о вашем статусе в доме. Вы были на положении прислуги?

— Ну, в каком-то смысле... Хотя, думаю, мой ранг все-таки был повыше. Во всяком случае, ел я в столовой с членами семьи, а не на кухне.

— Ваши отношения с Альбиной Николаевной были чисто деловыми?

— Ну... трудно сказать. Когда люди проводят много времени вместе, отношения редко остаются чисто деловыми... Грань, так сказать, несколько расплывается... Вы начинаете обсуждать посторонние материи... Спектакль, который недавно видели, поведение известного лица на недавнем приеме... Такие вот э... вещи.

— Вы пытаетесь сказать, что постепенно ваши отношения с Турусовой перешли в фазу приятельских?

— Э... нет. Что вы! Альбина Николаевна не имела обыкновения приятельствовать с теми, кто на нее работал. Она никогда не упускала случая подчеркнуть дистанцию... э... разницу в положении.

— Иными словами, у вас были типичные отношения работника и работодателя?

— Ну... Даже не знаю. Наверное, так.

— По моим сведениям, значительную часть своих рабочих обязанностей вы исполняли в спальне Турусовой.

Желнин покраснел. Даже, скорее, помалиновел. Минуту-другую он сражался со смущением, потом проглотил скрытое оскорбление и сказал не без вызова:

— Это не значит, что я лгу. Многие боссы нанимают секретарш, в обязанности которых входит... словом, вы понимаете. Конечно, мужчин в моем положении принято презирать, но... у меня достаточно развит инстинкт самосохранения, чтобы наплевать на гордость.

— Правильно ли я понял, что Альбина Николаевна угрожала вам, если вы откажетесь исполнить некоторые ее прихоти?

— Ей не было нужды угрожать. Я и сам хорошо понимал, что будет, если я отклоню ее э... притязания.

— Как вы познакомились?

Желнин напрягся.

— Точно не помню. Кажется, на каком-то приеме... По-моему, по случаю победы Турусова на губернаторских выборах. Видите ли, я помогал Виктору Павловичу во время избирательной кампании... Да, там мы впервые и встретились с Альбиной Николаевной.

— И она была настолько сражена вашими достоинствами, что сразу попросила вас стать ее личным помощником?

— Э... почему сразу? Нет. Спустя какое-то время.

— После других встреч?

— Наверное. Не помню. Это было так давно...

— Как давно?

— Даже не соображу... Больше года назад.

— Да-а, год — это, конечно, срок, — насмешливо протянул Гуляев. — За такое время вполне естественно забыть обстоятельства знакомства с первой леди города. Скажите, а как Виктор Палыч относился к вашей э... работе на его супругу?

— Нормально. Он даже обещал, что возьмет меня в юридический отдел своей компании, когда Альбина меня э... отпустит.

Гуляев приподнял бровь.

— Вы хотите сказать, что губернатор потворствовал сомнительным забавам супруги?

— Не так грубо. Губернатор хотел, чтобы она была довольна и не хотел знать, чем она

занимается, если это не угрожало его положению и репутации. На мою скромность он мог положиться. А что касается оскорбления супружеских чувств... Мне кажется, их супружество давно стало фикцией.

— В самом деле? А как воспринимала ваши э... обязанности дочь Турусовых?

Желнин побледнел до синевы и облизал пересохшие губы. Руки его тряслись так, что он вынужден был сжать их коленями.

— Я... не знаю...

— Что с вами? Вам нехорошо?

— Да... что-то с сердцем... наверное. Или с давлением.

— Валидолу? Вызвать врача?

— Валидол... если можно... Врача не надо... Сейчас пройдет.

Сергей Владимирович по природе не был садистом, поэтому решил не дожимать парня и отпустил его. Пусть очухается, подумает немного. Рано или поздно сознается, никуда не денется. Чай, не матерый рецидивист, в молчанку играть не станет. Вон как нервишки шалят. Расколется, голубчик, как миленький. Не сегодня, так завтра. Какая разница?

Оксана Яновна вытряхнула пепельницу в ведро, открыла форточку и закружила по кухне, пытаясь настроиться на предстоящие дела, но мысли упрямо возвращались к проблеме, решить которую было не в ее силах. За последние дни тревога изгрызла ее душу, точно жук-древоточец старую дешевую мебель. Оксана осунулась, похудела и подурнела. Знакомые бросали на нее сочувственные взгляды, полагая, что она так тяжело переживает смерть подруги детства. Но друзья, имеющие более-менее верное представление о ее отношениях с Альбиной, поглядывали на Ксану с недоумением и беспокойством. Она боялась, что рано или поздно кто-нибудь не выдержит и спросит напрямик, в чем дело. И этот вопрос ни к чему хорошему не приведет, потому что врать и изворачиваться она до сих пор толком не научилась.

Оксана вернулась к своему посту у окна и закурила несчетную сигарету. Ожидание становилось невыносимым. Наконец глаза, прикованные к подворотне напротив, различили в глубине движение массивного объекта. Секунду спустя вынырнувший из темного зева губернаторский «шевроле» свернул на дорожку, опоясывающую двор по периметру, и снова скрылся из виду, приблизившись к ее дому.

Оксана знала, что процедура выгрузки и доставки по назначению драгоценной губернаторской особы займет несколько минут. Сначала из машины вылезет один телохранитель и внимательно осмотрит двор, обследует подъезд на предмет присутствия подозрительных личностей. Не обнаружив таковых, свяжется по рации с коллегой, и только после этого Турусова извлекут из безопасного нутра пуленепробиваемого «шеви», возьмут под белы ручки и отэскортируют в ее квартиру. Но все равно Оксана быстро затушила сигарету и бросилась в прихожую.

Звонок раздался, когда она, совершенно потеряв терпение, собиралась выскочить на лестничную клетку и убедиться, что приезд губернатора ей не померещился. Оксана открыла в ту же секунду. Телохранитель, первым скользнувший в квартиру, окинул хозяйку с ног до головы беглым профессиональным взглядом.

— Здравствуйте. Вы не возражаете, если...

— Оставь, Жора! — решительно оборвал его показавшийся в дверях Турусов. — Мы с Оксаной Яновной — старые друзья. В ее доме мне ничто не угрожает. Вы с Валерой

подождете меня за дверью.

— Виктор Палыч, наша обязанность...

— Все, Жора, это приказ. Можешь наябедничать на меня Кочету. А сейчас иди отсюда!

Насупившийся телохранитель заглянул-таки в ближайшую комнату, подозрительно покосился в сторону кухни, обогнул босса, недовольно бормоча что-то себе под нос, и скрылся за дверью. Турусов закрыл за ним и повернулся к Оксане:

— Здравствуй, дорогая. Чаем напоишь?

Страх и тревога, терзавшие Ксану последние несколько суток, настолько истощили ее терпение, что ей стоило огромного труда не накинуться на Виктора с вопросами тут же, в прихожей. Однако, сообразив, что здесь их могут подслушать турусовские добры молодцы, она кивнула:

— Проходи в комнату, я сейчас.

Вскоре Оксана присоединилась к гостю. Виктор Павлович галантно встал ей навстречу, отобрал поднос, утвердил приборы на столе, взял хозяйку за руку, подвел к окну и отдернул штору.

— Ну-ка, ну-ка, дай на тебя взглянуть! Боже мой, девонька, что ты с собой сотворила! Разве так можно? Я же обещал, что все утрясу.

— Ну и как, утряс? — хрипло спросила Ксана, высвобождая руку.

— Эх, Ксюша, Ксюша, — грустно сказал Турусов, покачивая головой. — Ну чем, объясни, пожалуйста, я заслужил твою неприязнь? И недоверие. Разве я хоть раз тебя обманул?

— Виктор, прошу тебя...

— Хорошо-хорошо, больше никаких лирических отступлений. Да, все улажено. Оказалось не так уж сложно. Ты умница, номер запомнила правильно. Сначала я думал прокачать его через милицейские базы данных, потом сообразил, что это ничего, кроме вреда, не принесет, и позвонил. Надиктовал на автоответчик номер телефона, по которому со мной можно связаться. Позавчера мне перезвонили. Я выдал текст, который мы с тобой составили. Мне назначили встречу. Ночью, на окраине городского парка, у реки. Я решил, что будет неразумно приехать туда в компании Валеры с Жорой, а одного меня никто бы не отпустил, поэтому поехал Валера. Но ты не беспокойся, я ему полностью доверяю. К тому же я мазнул внутреннюю упаковку спецсоставом, а когда он вернулся, позвал его в солярий, где принимал кварцевую ванну. Могу поклясться, что он передал сверток по назначению, не вскрывая.

— Он разговаривал с... этим человеком?

— Нет. Просто передал пакет. Разговаривал я — по телефону. Не беспокойся, он принял наше предложение. Потому и назначил встречу.

— Ты уверен?

— Разумеется. Все будет хорошо, Ксана.

Казалось бы, она должна была почувствовать облегчение, но с уходом напряжения, не отпуская ее уже больше недели, на Оксану навалилась такая усталость и слабость, что у нее подкосились ноги. Она шагнула к креслу и буквально упала в него, закрыв лицо руками.

— Ну что ты, что ты... — Турусов неуверенно погладил ее по плечу, потом суетливо бросился к столу, чем-то звякнул, что-то налил.

— Не беспокойся, Виктор, со мной все в порядке, — сказала она, подняв голову. — Просто наступила реакция...

— Все равно, вышей-ка, — ответил он, протягивая ей чашку. — Ну вот, сейчас полегчает.

Несколько глотков горячего крепкого чая с добавкой коньяка действительно взбодрили Оксану и она и улыбнулась.

— Спасибо, Витя. Уже полегчало. Ты себе-то налей. — И, подождав, пока он себя обслужит, спросила: — Ты уже был у следователя?

— Был. Оказывается, он знал Альбину.

— Да, мы вместе учились.

— Ах да, я и забыл, что вы с ней одноклассницы. Значит, он — твой старый знакомый? Это хорошо. Может, поменьше будет жилы тянуть.

— Из тебя тянул?

— Да нет, не очень. Как узнал, что меня в тот день не было в городе и подтвердить это могут сотни свидетелей, сразу утратил ко мне интерес.

— Я бы на твоём месте не расслаблялась. Рыжик всегда был въедливым малым. У меня тоже стопроцентное алиби, но на него это не произвело впечатления. По-моему, он подозревает, что кто-то из близких Альбины подкупил мой персонал.

— Чепуха! Твой персонал достаточно квалифицирован, чтобы избавиться от пациентки, не привлекая внимания милиции и прокуратуры. И потом, почему он должен подозревать близких, если Альбина нажила столько врагов?

— Наверное, работа в прокуратуре позволяет достаточно быстро усвоить истину: злейшего врага ищи в ближайшем окружении.

— погоди, Оксана... Уж не думаешь ли ты, что я в самом деле приложил руку к Алиной смерти?!

— Честно говоря, я стараюсь не задумываться над вопросом, кто это сделал. Меня гораздо больше беспокоит другое. Если мы ничего не предпримем, наш с тобой скелет вот-вот выпадет из шкафа...

— Ты имеешь в виду этого мерзкого проныру... как его... Виталия? Ну, это не проблема! Я найду на него укорот. Он должен мне кучу денег, которую, судя по его же признанию, не может вернуть. И ему не поздоровится, если станет известно, куда они ушли. Помяни мое слово: этот типчик будет молчать как миленький.

— Не уверена. Видишь ли, у следователя достаточно оснований подозревать его в убийстве Альбины. Она ведь не только не прилагала усилий, чтобы держать их связь в тайне, а чуть ли не афишировала ее. Зная характер Альбины, я не сомневаюсь, что она обращалась со своим жиголо немногим лучше, чем с собакой. И конечно, найдутся свидетели, готовые это подтвердить. У Виталия был пропуск и в клинику, и в палату Альбины. Если у него не окажется надежного алиби, Рыжик, то есть Гуляев, возьмет его в оборот. У нашего героя нервишки так себе, поэтому я бы не стала полагаться на его сдержанность.

— Но если он распустит язык, то повредит гораздо больше себе, чем нам. Пускай даже закон квалифицирует наше деяние как преступление...

— Мое деяние, Виктор, не твоё.

— Не важно. В любом случае срок давности истек. Самое большое, что ты можешь потерять, — это должность главврача в областной больнице. Ну и черт с ней! Клинику у тебя никто не отнимет, а тянуть два таких воза значит работать на износ. Посмотри, как ты себя загнала, Ксана. Ты ведь не девочка уже, пора и о себе позаботиться.

— Господи, какой же ты тугодум, Виктор Палыч! По-твоему, я боюсь лишиться статуса?

Смешно! Меня скручивает от ужаса, когда я представляю себе, как буду смотреть в глаза Маришке, Ольге... Они никогда не простят мне моего «благоденствия». И тебе тоже.

— Ксана... я давно хотел тебя спросить... Я понимаю, это звучит глупо, но... Ты не... Может, произошла какая-то ошибка? Да нет, я понимаю, что несу чушь, только... Маришка с каждым годом все больше похожа на мою мать. Прямо мистика какая-то!

Оксана Яновна изумленно посмотрела на губернатора, потом неожиданно расхохоталась.

— Ты... ох, не могу! Ты все эти годы думал... ха-ха-ха!.. что я тебя бессовестно надула, да? Тянула из тебя деньги, принимала дары в виде материальных благ и должностей за то... о, боже!.. что позволила тебе растить собственную дочь? Ну, Виктор Палыч, ну насмешил!

Турусов смутился.

— Извини. Действительно смешно. Уж кого-кого, а тебя я знаю. Ты и врать-то никогда не умела. Ладно, прости уж старого дурака! И забудь. А насчет Виталия не переживай, я с ним разберусь.

Веселость Оксаны немедленно улетучилась.

— Разберись, Виктор, разберись. Иначе, боюсь, может произойти трагедия.

Теперь пришел черед губернатора изумленно смотреть на Вольскую.

— Трагедия? А ты не преувеличиваешь?

— Бог мой, Виктор, ты же неглупый мужик! Ну так подумай немного! Напряги воображение и попытайся представить *все* последствия, к которым приведет разоблачение нашей с тобой тайны.

Турусов нахмурился и несколько минут напряженно раздумывал. Потом покачал головой.

— Нет, не могу понять, на что ты намекаешь. Не хочешь уточнить?

— Не хочу. Я даже думать об этом лишний раз боюсь, а уж озвучивать свои страхи вслух... Ты уж как-нибудь сам. Или просто поверь мне на слово: Виталия необходимо нейтрализовать. Пригрози ему, подкупи, отправь на ПМЖ в Австралию — как хочешь, но заткни ему рот.

После похода в прокуратуру нервы Виталия пришли в совершенно плачевное состояние. Чтобы хоть как-то расслабиться, он напился, но легче не стало. Водка лишь подхлестнула воображение и высвободила страхи, которые до того худо-бедно удавалось держать под контролем. Ближе к полуночи Виталий решил, что спятит, сидя дома, и отправился бродить по улицам.

Мерная ходьба постепенно протрезвила его и немного успокоила нервы. Мысли тоже мало-помалу упорядочились, паника сменилась меланхолией. Виталий вдруг вспомнил свой последний разговор с Иосифом, его старшим другом-художником, погибшим по пьяни восемь лет назад. Недели за две до Оськиной смерти Виталий поступил на юрфак и по этому поводу пришел к другу с бутылкой отметить радостное событие. Оська, приняв на грудь двести грамм, как всегда, впал в философическое настроение.

— Завидую я тебе, Виталька. В тебе есть целеустремленность, которая позволяет надеяться, что ты проживешь свою жизнь, не слишком часто сбиваясь с пути. Совсем без этого, конечно, не бывает, но человек целеустремленный, как правило, быстро замечает, что бредет не в ту степь, и выбирается на верную дорогу. Некоторые будут говорить тебе, что твоя цель ничтожна, недостойна настоящего человека. Не слушай их. Если человек жаждет

признания и положения в обществе, но позволяет убедить себя в том, что должен стремиться к духовному просветлению, ничего хорошего из этого не выйдет. Духовное просветление — штука стоящая, но попытки обрести его прежде, чем этого запросит душа, ведут в прямо противоположном направлении. Всему свой черед. Когда достигнешь признания и процветания, неизбежно узришь новую цель. За ней — следующую и так далее. В конце концов дойдет дело и до духовных исканий. И тогда ты будешь уже достаточно хорошо для них оснащен. А пока не бери в голову. Следуй своим курсом. Изменять себе — самое распоследнее дело.

— Я и следую. — Виталий ухмыльнулся. — По-моему, в ближайшие годы можно не беспокоиться о том, что я заплутаю. Сейчас главное — закончить юрфак, а там будет видно, куда шагать. Кстати, а существует какой-нибудь признак, позволяющий определить, что ты сбился с курса?

— Существует, и очень простой. Представь себе, что переходишь дорогу на красный свет. Даже если ты слеп, сразу поймешь, что происходит неладное. Завизжат тормоза, что-то чувствительно ударит тебя по бедру, ты упадешь, захлопают дверцы, тебя обложат матюгами. В общем, если свернешь не туда, жизнь тебя вразумит. Может быть, не сразу. На красный свет тоже можно перейти без последствий глухой ночью или на пустынной улице. Но достаточно быстро. Как посыпятся на тебя удары судьбы или появятся страхи, постоянное чувство тревоги, знай: ты выбрал неправильное направление.

«Интересно, в какой момент я свернул не туда? — размышлял Виталий, переходя пустынную улицу без светофора. — Когда набрал тот проклятый телефонный номер? Когда принял постыдное предложение Альбины, сделанное через Турусова? Когда „запал“ на Марину? Наверное, когда „запал“, ведь в двух других случаях меня уже подталкивал страх. Сначала боялся, что Турусовы сломают мне карьеру, если я откажусь ублажать Альбину Николаевну. Потом — за свою жизнь...»

Виталий отчетливо помнил тот черный день, когда Альбина поставила его перед невозможным выбором.

«Какой кретин сказал, что безвыходных положений не бывает? — тоскливо думал он тогда, подавляя желание стукнуться лбом о стенку. — Его бы сейчас в мою шкуру! Пусть бы выкручивался...»

Собственно, выходов у него было целых два. Либо выполнить поручение проклятой бабы, либо не выполнять. В первом случае ему, возможно, даже удастся сохранить себе жизнь. Если только комбинация Альбины Николаевны не предполагает двойную жертву. Что, в общем-то, вполне вероятно. Зачем Альбине живой свидетель ее немислимой низости? Даже если этот свидетель — ее соучастник и никогда не посмеет поделиться с кем-либо своей осведомленностью. Простое сознание того, что на свете живет человек, знающий ее с самой темной, самой безобразной стороны, не может не породить искушения избавиться от такого человека. Надеяться на привязанность Альбины к молодому любовнику глупо. Виталий с самого начала знал: эта жуткая баба заинтересовалась им исключительно потому, что он имел неосторожность проявить внимание к Марине, а Марина имела еще большую неосторожность его внимание принять. Как они ни таились, обвести Альбину вокруг пальца не удалось. Вот и вся причина ее внезапной страсти. Если Виталий поможет этой ведьме погубить дочь, Альбина не задумываясь отправит его прямиком к дьяволу.

И все же, если Виталий выполнит приказ, какой-то призрачный шанс у него останется.

В противном случае она точно сотрет его в порошок. Что он может предпринять? Пойти в милицию? Обратиться к Турусову? Смешно! Одна половина городской милиции пляшет под дудку губернатора, вторая — под дудку его жены. Турусов, жалкий подкаблучник, просто не поверит Виталию. Пожалуй что, лично вышибет мозги. Предупредить Маринку? Но как она себя защитит, если вся ее охрана — люди той же Альбины? Попросит у отца других телохранителей? Тогда ей придется представить какое-то объяснение. Правде Турусов не поверит, а ложь легко разоблачит, проведя самое поверхностное разбирательство. Альбина узнает, что любовник ее предал, и сколько ему тогда останется трепыхаться?

Может, ничего не предпринимать, просто податься в бега? Альбина дала ему две недели, за это время можно далеко убежать. А потом... до него ли будет старой больной тетке, прикованной к постели? Виталий словно воочию увидел бледное отечное лицо с ярытыми глазами и понял: нет, бегства Альбина ему тоже не спустит. Эта безумная баба на одном заряде злобы способна держаться столько, сколько понадобится, чтобы свести с предателем счеты. Тем более что сводить их она будет не лично. У нее хватит денег и влияния на целую наемную армию.

Какой-то пьянчужка на противоположной стороне улицы окликнул Виталия: «Эй, друг!» и двинулся к нему по замысловатой синусоиде.

— Закурить не найдется, браток?

Виталий молча достал из кармана пачку «Парламента».

— Ух ты! — пьянчужка присвистнул. — Богато живешь! А че смурной такой? Эт ты зря, братан! Жизнь — она хитрая штука. То усы в вине, то батогом по спине. А раскисать нельзя, не то вовсе затопчет. Так что держись. Можно я еще штучку возьму — про запас? Мне до утра тут колобродить — моя половина совсем из ума выжила, домой не пускает. Нет, ты скажи: где эт видано, чтоб законного мужа, как последнего забулдыгу, под забор спроваживать? Ох, бабы! Погибель наша. Ты, небось, тоже из-за какой-нибудь лахудры маешься? Брось! Пошли ее на... и все дела. Им дай волю, так они всю кровь из нас высосут. Так-то вот. Ну, бывай! Мерси за угощение.

Блудный муж нетвердым шагом отправился дальше, Виталий тоже продолжил свой путь. «Как это ни смешно, но ты прав, приятель, — мысленно ответил он на сентенцию пьянчуги. — В моих бедах действительно виновата баба, хотя едва ли эту нечисть можно назвать женщиной. От души надеюсь, что ее прибрал к себе дьявол и черти сейчас подбрасывают угольки под ее котел. Впрочем, если черти и котлы существуют, иначе и быть не может. Помнится, Шиллер что-то писал на тему братоубийства. Дескать, есть только один грех страшнее — отцеубийство. А по-моему, детоубийство куда отвратительнее, это уже натуральный беспредел. Тут не только человеческие, тут биологические законы попираются...»

Он снова мысленно перенесся в недавнее прошлое, когда Турусова вызвала его в больницу и дала чудовищное поручение.

— Позвонишь по номеру... — Она дважды повторила цифры. — Запомнил? Записывать не нужно. Это связной телефон. Попросишь Ивана Сергеевича. Оставишь номер своего мобильного. Тебе перезвонят и назначат встречу. Скорее всего, предложат сесть в машину, припаркованную в определенном месте. Лица собеседника ты не увидишь, он об этом позаботится. Скажешь ему, что в течение двух недель губернаторская дочь должна попасть в автомобильную катастрофу и получить тяжелую травму черепа. Только черепа! Важно,

чтобы до больницы ее довели живой, но шансов на спасение не должно быть никаких. Судьба шофера и охранников меня не интересует. Аванс отдашь из своих сбережений. Я потом с тобой расплачусь. Все понял?

До Виталия, поначалу не поверившего собственным ушам, наконец дошло, что Альбина не шутит. Он помертвел.

— Но... она же твоя дочь! За что ты ее так ненавидишь? Что она тебе сделала?

Губернаторша смерила его презрительным взглядом и зло усмехнулась:

— Любопытствуешь? Или, может, мораль мне собрался прочесть? Ладно, получай. Да она моя дочь. Ради ее появления на свет я рисковала жизнью и погубила здоровье. А вместо любящего ребенка получила безжизненную куклу, мороженую рыбину. Она ни разу, с самого младенчества, не соизволила мне обрадоваться, броситься навстречу, обнять, рассмеяться. А если я наклонялась к ней, вся подбиралась, точно дикий звереныш. Мне никогда не удавалось ее растормошить и даже вывести из себя — хотя, видит бог, я старалась. И как старалась! Но все зря. В мертвой деревяшке и то больше чувства. Какая злая ирония — заплатить своей молодостью, здоровьем, огромным куском жизни за рождение механической куклы, ты не находишь? Но теперь ей пришло время отдавать долги. Лучшего донора, чем родная дочь, мне не найти. Группа крови у нас совпадает. Значит, пересадка возможна и отторжения, скорее всего, не будет. Я выздоровлю, сделаю пластическую операцию и еще успею пожить в свое удовольствие. Верну себе все, что по глупости потеряла двадцать лет назад. С твоей помощью, дорогой. — Альбина ядовито улыбнулась. — Ты ведь не откажешь любимой женщине в такой пустячной просьбе? Я бы не советовала. Это может плохо сказаться на твоём будущем. Кстати, надеюсь, тебе не нужно объяснять, что наша беседа сугубо конфиденциальна? Если я узнаю об утечке информации, тебе лучше застрелиться. Повтори номер, который я тебе назвала.

Господи, как он измучился тогда, пытаясь найти выход! Все его нутро сопротивлялось мысли о необходимости выполнить это мерзкое задание. Но ведь и не выполнить невозможно. Неизвестно, рискнула бы Альбина обратиться к другому посреднику, чтобы «заказать» дочь, но уж напустить киллера на него, на Виталия, точно не постеснялась бы. Да какой там киллер! Подрядила бы на мокрое дело первого же холуя, который попался бы ей на глаза. Дешево и сердито. Он ведь не донор, чего с ним особо цацкаться?

Бежать? Бессмысленно. Уж что-что, а выслеживать беглецов люди из службы безопасности Турусовой умеют — за время «работы» на Альбину Николаевну Виталий имел возможность в этом убедиться. Накропать разоблачительные письма и рассовать их по разным углам в надежде, что это охладит охотничий пыл Альбины? Наивно! У Турусовых весь город в кармане, они могут замять любой скандал, пресечь любые слухи. Разве что в генпрокуратуру обратиться? Но где доказательства преступных намерений Турусовой? И даже его смерть вряд ли кого-нибудь убедила бы — ему наверняка подстроили бы несчастный случай.

С другой стороны, послушаться Альбину было все равно, что сунуть голову в петлю. При желании она запросто могла бы сделать из него козла отпущения. Подняла бы вой, что это он, подлый змей, на груди пригретый, погубил ее кровинушку. А что? С киллером договаривался он, деньги платил свои, даже мотив у него имелся, о чем Катерина, Маринина подруга, непременно сообщила бы кому следует. Вполне вероятно, что именно это и планировала Альбина Николаевна — подставить своего любовника-сообщника. А чтобы не

болтал лишнего, можно убрать его «при попытке к бегству». Или при оказании сопротивления милиции. Хотя не исключено, что его бесхитростно забили бы до смерти на каком-нибудь пустыре пьяные отморозки. Приятный, а главное, вполне заслуженный конец.

Тогда, как и теперь, мысли тоже бежали и бежали по кругу, а во рту то и дело пересыхало от страха. Казалось, ему никогда не вырваться из безумного хоровода, не сойти с круга. Однако потом его посетила удачная, как ему мнилось, идея, которая в итоге помогла найти выход. Только вот выход оказался обманным. Бросившись в него очертя голову, он попал в еще худшее положение. Страх, терзающий его прежде, не шел ни в какое сравнение с нынешним. Раньше он боялся только Альбины, а теперь разве что от собственной тени не шарахается. Но скоро начнет. Его как будто обложили со всех сторон.

Во-первых, с большой вероятностью убийство Турусовой повесят на него. К очевидным преимуществам его кандидатуры на почетную роль убийцы — любовной связи с Альбиной, ее дурному обращению с альфонсом, отсутствию у него алиби и высоких покровителей — добавилось еще его подозрительное поведение на допросе. Следовательно явно учуял, что Виталий темнит, и теперь не отцепится, пока не узнает причины. А открыть ему причину никак нельзя. Потому что тогда Виталия упекут за сообщничество в покушении на убийство. Или за организацию убийства, если киллер все-таки выполнит заказ. Что вполне может произойти, потому что во второй раз Виталию так и не удалось переговорить с ним лично. По связному телефону включался автоответчик. Он оставил уже три сообщения с просьбой отменить заказ и перезвонить, но звонка так и не дождался.

Но тюрьма — еще не самое страшное из того, что ему угрожает. Виталию становилось дурно от одной мысли, что предпримет Турусов, если узнает, что он — на турусовские, между прочим, деньги — нанял киллера для убийства единственной дочери Виктор Палыча. А узнать он может запросто — от Вольской. Почему бы ей его не выдать? С Турусовым она в дружеских отношениях, связать себя обещанием не позволила, и симпатии Виталий у нее не вызвал. Съездить к ней еще раз, упасть в ноги, умоляя сохранить тайну? А смысл? Рассчитывать на успех можно только в том случае, если ему самому удастся устранить угрозу Маришке, а он понятия не имеет, как это сделать.

Он кружил по городу несколько часов. Ночной сумрак сменился рассветом, за ним последовал восход. Машин на улицах прибавилось, появились первые троллейбусы, прохожие. Виталий чувствовал себя усталым и разбитым и в какой-то момент понял, что с трудом волочит ноги. А решение так и не найдено. Разве что страх отступил. Виталий просто-напросто изнурил себя до полного безразличия.

Он побрел в сторону дома. Голова казалась чугуновой. «Ладно, один выход у меня точно есть, — успокаивал он себя, свернув на аллею, которая вела в его двор. — Наплевать на подписку о невыезде и бежать из Старграда. Слава богу, кое-что из турусовских денег осталось, на первое время хватит. Можно раздобыть новые документы и раствориться в Москве. Интересно, сколько запросят за паспорт и диплом юриста?»

Виталий доковылял до конца липовой аллеи и вдруг замер. Потом попятился. У его подъезда стоял губернаторский «шевроле». В следующую минуту дверь подъезда открылась, и на крыльце появился личный шофер Турусова. Он с недовольным видом огляделся по сторонам (Виталий вжался в ствол липы) и неторопливо пошел к машине.

Когда «шевроле», заложив крутой вираж, скрылся за углом, Виталий отлепился от дерева и внезапно почувствовал себя так, словно ему вкололи лошадиную дозу тонизирующего. Усталость вдруг улетучилась, мозги заработали четко и быстро, как на

экзамене.

Первой, естественно, пришла мысль, что Вольская настучала на него Турусову и Виктор Палыч прислал холуя по его, Виталия, душу. Но если с ним собирались расправиться, глупо было высылать машину, известную любому обывателю. Конечно, Турусов полномостный хозяин Старграда, но в открытую отправлять своих подчиненных на расправу с неугодными — чересчур большая наглость со стороны официального лица. Он же, в конце концов, всего лишь губернатор, а не вор в законе.

Значит, с Виталием, скорее всего, собираются вступить в переговоры. Причем в переговоры мирные — во всяком случае, предполагалось, что после беседы с губернатором Виталий вернется домой живым и невредимым. Теперь спрашивается: что может заставить большого начальника, узнавшего о готовящемся покушении на его дочь, вступить в мирные переговоры с подонком, который приложил руку к организации этого покушения? Надежда предотвратить покушение? Вряд ли. Виталий честно признался Вольской, что не знает о наемнике ничего, кроме контактного телефона, и этот номер он ей сообщил. Может, они тоже не смогли связаться с киллером и решили, что Виталий неправильно запомнил номер? Может быть. Только в этом случае за ним не стали бы присылать шофера. К нему пожаловали бы специалисты из губернаторской службы безопасности, которые владеют приемами, позволяющими человеку вспомнить забытое. Шофер и машина означают, что Турусов собирался разговаривать с ним лично.

Зачем губернатору нужен личный разговор с персоной нон грата? Выразить ему свое негодование? Виталий слишком мелкая сошка для этого. Таких либо давят без разговоров, либо отдают кому следует распоряжение отравить негодяю жизнь и больше не вспоминают. Турусов мог прислать за ним машину только в одном случае: если ему от Виталия что-то нужно, причем он не хочет, чтобы об этом кто-либо знал. Как в том случае, с Альбиной.

Но это же нонсенс! Что губернатору может понадобиться от Виталия, если в его распоряжении лучшие специалисты в какой угодно области? В тот раз Виталия выбрала Альбина Николаевна, и то лишь потому, что он посмел связаться с ее дочерью. А теперь? Может быть, Виктор Палыч думает, что Виталию стали известны какие-нибудь важные секреты покойной губернаторши? Нет, ерунда! Турусов прекрасно знал, как жена относилась к своему «личному помощнику». Тут что-то другое. Но что?!

Виталий закрыл глаза и начал перебирать в уме события последних дней, которые могли бы дать ключ к разгадке. Допрос в прокуратуре? Про Турусова они почти не говорили, следовательно только спросил, знал ли Виктор Палыч об отношениях Виталия с Альбиной. Тут никакой тайны нет. Многократные попытки Виталия дозвониться до Марины, его последний разговор с ней? Не то, явно не то. Беседа с Вольской? Вроде бы там тоже не было ничего такого... Она разговаривала с ним очень резко, как с врагом, и побелела до синевы, но это понятно — смертельно перепугалась за Маришку... Или не только за Маришку? Может быть, ее испугало признание Виталия, что он за ней следил? В тот самый день, когда Альбина приказала ему нанять киллера...

* * *

Счастливая мысль, посетившая его после мучительных поисков выхода, относилась к Вольской. Виталий решил обратиться к ней за помощью.

Он не был лично знаком с Оксаной Яновной, но знал, что она с детства дружила с Альбиной и пользовалась покровительством губернатора. Маришка упоминала в письмах о Вольской как о добром гении их семьи. Вольская дважды спасала губернаторше жизнь и на правах ближайшей подруги не боялась критиковать воспитательные методы Альбины. Она единственная заступалась за Маришку и осмеливалась говорить ее матушке правду в глаза. В конце концов это привело к разрыву между подругами, но не сказалось на положении Вольской в городской табели о рангах. Она по-прежнему имела влияние на местных столоначальников и была на короткой ноге с Турусовым, который уважал ее и прислушивался к ее мнению. Если Виталию удастся убедить Оксану Яновну в своей искренности, она обязательно придумает выход.

Он торопливо оделся, выбежал на улицу и устремился к остановке. На бегу сообразил, что сначала следовало бы позвонить, выяснить, где можно найти Вольскую, но увидел троллейбус и решил не возвращаться. До клиники ехать всего четыре остановки, а там ему подскажут, как связаться с Оксаной Яновной.

Но спрашивать Виталию не пришлось. Выйдя из троллейбуса, он сразу наткнулся на Вольскую взглядом. Она стояла неподалеку от остановки и пыталась поймать машину. Пока Виталий раздумывал, как к ней обратиться, рядом с Оксаной Яновной затормозила «Волга», она нырнула в салон и укатила. Виталий, бросившись к машине, только и успел, что услышать короткий приказ: «В аэропорт! Быстрее, пожалуйста».

На минуту он растерялся. Как некстати! У него такое срочное дело, а она куда-то сорвалась. И неизвестно, когда вернется. Виталий похлопал себя по карманам и с облегчением убедился, что деньги и паспорт у него при себе. Он поднял руку. Через минуту остановилась «девятка».

— В аэропорт, — повторил за Вольской Виталий. — Десять баксов сверх таксы, если довезешь меньше чем за сорок минут.

Он приехал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Оксана Яновна берет билет на московский рейс и бежит к стойке регистратора. На его счастье, билеты и время еще оставались. Виталий надеялся поговорить с Вольской в самолете, но тут ему не повезло. Во-первых, Оксана Яновна встретила знакомого, который немедленно устроился рядом с ней и принялся болтать. Во-вторых, минут через двадцать после взлета Виталий, сидевший в следующем ряду, услышал, как Вольская попросила соседа заткнуться. Сослалась на усталость и сказала, что хочет поспать. Спала она (или делала вид) до самого захода на посадку. А потом знакомый снова вцепился в нее клещом и уже не выпустил. Они сели в одно такси. Виталию ничего не оставалось, как побыстрее прыгнуть в следующее и склонить водителя к погоне в духе дурацких детективов. Водитель понимающе ухмыльнулся и назвал цену, сравнимую с ценой билета на самолет. Виталий судорожно пересчитал деньги, тяжело вздохнул и согласился.

Поездка длилась часа два. Когда доехали до Маяковки, первое такси остановилось, и спутник Вольской покинул салон, но Оксана Яновна поехала дальше. По Садовому Кольцу до Красных Ворот, потом дальше, к площади трех вокзалов, по Красносельской, Стромынке, Щелковскому шоссе... Водитель Виталия уже начал намекать, что первоначальная такса слишком скромна для такой экскурсии, когда передняя машина остановилось у аптеки. Оксана Яновна не отпустила такси, поэтому Виталий остался ждать снаружи. Но когда ожидание затянулось, не стерпел — подошел к шоферу и спросил, куда тот собирается везти пассажирку.

— В аэропорт Домодедово, — охотно поделился информацией седой мужик в мохнатых усах. — Чудная какая-то дамочка. Вроде только прилетела, съездила вот в аптеку и уже назад собирается. Неужто у них там, в провинции, лекарств не хватает? И куда только торгаши смотрят? А главное, я не понимаю, зачем ей через весь город тащиться-то было! Этих аптек и в Домодедово полно, а уж в Москве — у каждого столба! Может, редкое какое лекарство, только в одной этой аптеке и есть?

Виталия настолько заинтриговали сведения шофера, что он решил заглянуть в эту особенную аптеку, посмотреть, чем там занимается Оксана Яновна. Тем более что в редкое лекарство он не верил. Положение Вольской в Старграде позволяло ей заказать любое лекарство в любой стране мира с доставкой на дом. И наверняка это обошлось бы дешевле, чем самолет до Москвы и обратно плюс четырехчасовая поездка на мафиозном такси.

Он поднялся на крыльцо, потянул на себя дверь и оказался в тесном закутке со второй дверью. Едва Виталий взялся за ручку, дверь толкнули, и Вольская стремительно проскочила мимо него на улицу. Он на миг замешкался, решая, броситься ли следом или все-таки войти и выяснить, что делала в аптеке Оксана Яновна. Любопытство победило. Сказав себе, что упустить Вольскую он не может, поскольку знает, куда она едет, Виталий вошел в помещение аптеки.

И тут же забыл и о Вольской, и о такси, и обо всем на свете. Перед ним ярким солнечным светом засиял выход из безнадежного тупика. Он со всей очевидностью понял, что надо делать, чтобы спасти свою и Маришкину жизнь.

Тогда он был настолько возбужден, а потом настолько погружен в хлопоты, необходимые для претворения замысла в жизнь, что ему не пришло в голову снова задуматься над странностью поведения Вольской. А потом Маришка отвергла его план, он запаниковал, и ему было уже не до чужих тайн. И только сейчас Виталию открылось то, что должно было броситься в глаза с самого начала: загадочный визит Оксаны Яновны в Москву, ее встреча с девушкой, которая навела его на решение проблемы, именно в тот момент, когда Виталий отчаянно это решение искал, не могли быть случайным совпадением.

Что, если Вольская как-то узнала о планах Альбины сделать из дочери донора и придумала тот же план спасения Маришки? Или даже осуществила его? Эта гипотеза открывала такие возможности, что у Виталия голова пошла кругом.

«Похоже, у меня мозги перегрелись. Нужно выпить кофе. Если я правильно понимаю, дома мне ничто не угрожает. Турусовский водила вряд ли скоро вернется. А если вернется, я просто не открою. Не будет же он выламывать дверь».

С этой утешительной мыслью Виталий пошел к дому. Он без приключений дождался лифта, поднялся на шестой этаж и попытался вставить ключ в замочную скважину. Ключ почему-то не вставился. Виталий вертел его так и этак, но ничего не получалось. Вытащив ключ, он склонился к замочной скважине посмотреть, что мешает. Шагов за спиной он не услышал. Только слабое движение воздуха в последнее мгновение заставило его дернуться. Но шипучая струя какой-то гадости все равно угодила в лицо. Сознание померкло почти мгновенно.

Часть вторая

Она с детства остро ощущала свою непохожесть на других людей. Все люди как люди, а Марьяна — словно два человека, каким-то чудом поместившиеся в одном теле. Когда ей было десять, она увидела передачу о двух сиамских близнецах, Кате и Даше, живущих в общем теле с двумя головами. Марьяна тогда решила, что она такая же, только у нее вторая голова спрятана внутри первой. Она даже имена дала обеим близняшкам — Маша и Яна. Маша — ужасно правильная и здравомыслящая особа, примерная девочка, послушная дочь и отличница. Яна — маленький клон Остапа Бендера в женском обличье — азартная, веселая, озорная авантюристка с крайне легкомысленным отношением к жизни. Маша, по всей видимости, старшая. Именно она чаще брала верх, призывала Яну к порядку, одергивала, делала внушение. И Яна почти всегда ее слушалась. Но иногда Маша уставала или отвлекалась на свои мысли, и тогда Яна разворачивалась вовсю. Разрисовывала обои в квартире немислимыми цветами, дегустировала напитки из домашнего бара, кидала с балкона воздушные шарики с водой под ноги ничего не подозревающим прохожим, срывала уроки — словом, куролесила по полной программе.

В двенадцать лет Марьяна прочитала в медицинском справочнике про шизофрению и перепугалась настолько, что бросилась к матери и впервые открыла ей свой секрет. Мама внимательно ее выслушала, улыбнулась и погладила по голове.

— Всего только две девочки? Да ты счастливая! Знаешь, я как-то насчитала в себе целых пять личностей. Причем две из них жутко не нравятся трем остальным. Мне тоже было не по себе, но психологи считают, что это совершенно нормально. Я принесу тебе книжку, сама убедишься.

Книга, написанная двумя авторитетными психологами, успокоила Марьяну, хотя в глубине души у нее все же осталось подозрение, что ее случай — особый. Слишком остро она ощущала в себе присутствие двух совершенно непохожих девиц. Однако мысль о шизофрении ее больше не тревожила. К тому же Яна внезапно утомилась и полностью уступила главенство Маше. Маша с блеском окончила школу, поступила в медучилище, выучилась на фармацевта. Когда знакомые удивлялись, почему Марьяна не пошла сразу в институт, Маша здраво объясняла им, что пока не на сто процентов уверена, правильно ли выбрала профессию, а переучиваться после института психологически труднее — будет жаль потраченных усилий и времени.

Пока Маша училась, Яна апатично предавалась философским размышлениям о жизни. «В чем-то Шекспир прав, — рассуждала она. — Весь мир и впрямь театр. Но только театр кукольный. Люди делятся на марионеток и кукловодов. Те, кто это понимает, конечно, кукловоды. И я в том числе. Хорошо это или плохо? Пожалуй, в театре, где репертуар состоит сплошь из бытовых пьес, одинаково скучно быть и куклой, и кукловодом. Персонажи просыпаются, умываются, завтракают, трясутся в автобусах, в вагонах метро, исполняют скучные обязанности на работе, снова погружаются в транспорт, едут на свидания, женятся, рожают детей... Помереть от тоски. Никакого интереса дергать за ниточки ради мелких страстишек, копеечного азарта, микроскопических взлетов и падений. Вот там, где обитают сильные мира сего, где крутятся большие деньги и правят бал нешуточные страсти, — там кукловодам действительно раздолье. Эх, попасть бы сейчас в мир дворцовых интриг времен Елизаветы Английской, или мадам Помпадур, или Екатерины

Второй! Там бы я развернулась. Нынешние королевские дома — бледное подобие прежних. Судьбы мира теперь вершатся на биржах и в скучных парламентах. Но даже туда такой мелюзге, как я, не пробиться. Одна надежда — на дикую удачу, на шальной случай. А раз так, то и нечего суетиться. Пусть все идет, как идет, а мы будем спокойно ждать своего выигрышного билета».

Маша между тем закончила училище и устроилась в аптеку помощником провизора. Кому-то ее работа показалась бы однообразной рутинной, но Маша с ее аккуратностью, любовью к порядку и пристрастием все раскладывать по полочкам была здесь в своей стихии. А Яна свернулась в клубочек и впала в спячку — до поры до времени.

И вот ее час настал. Все началось с внезапного появления Оксаны Яновны, старинной маминой знакомой. Она ворвалась в аптеку, как будто за ней по пятам гнались черти.

— Тетя Ксана?! — Марьяна собиралась засыпать ее вопросами, но Оксана Яновна остановила девушку властным жестом:

— погоди, Марьяша, не теперь. У меня к тебе очень серьезный разговор, а время поджимает. Скажи, ты не могла бы выйти со мной минут на пятнадцать?

— Ох, боюсь, что нет. Я сейчас одна. Нина Арнольдovна уехала в управление. А мы не можем поговорить здесь? Я закрою дверь и повешу табличку «Технический перерыв».

— Что ж, можно и так, — согласилась Оксана. Она подождала, пока Марьяна повесит табличку и задвинет засов, а потом заговорила, глядя в сторону: — Прежде всего хочу попросить тебя, Марьяша: не говори ничего маме о моем сегодняшнем визите и о нашем разговоре. К сожалению, я не могу объяснить тебе причину своей просьбы — это не моя тайна. Вернее, не только моя. Просто поверь мне: мама очень расстроится, если узнает, с чем я приехала. Могу я на тебя положиться?

— Думаю, да. Но прежде чем что-то обещать, хотелось бы узнать, о чем будет разговор, — сказала осторожная Маша.

— Разумно. — Оксана усмехнулась. — Только, боюсь, разговор будет странным. Скажи, к тебе в последнее время никто не обращался с каким-нибудь необычным предложением? Сменить работу, сняться в кино, съездить отдохнуть?

Марьяна покачала головой.

— Может быть, у тебя недавно появился знакомый или знакомая, которые могли бы предложить что-либо подобное?

— Нет. Кажется, за последние полгода у меня вообще не было новых знакомств. Таких, о каких стоило бы упоминать.

— А о каких упоминать не стоит?

— Ну, знаете, из разряда: «Девушка, можно с вами познакомиться? Меня зовут Вася, а вас? Ой, какая сердитая девушка!»

— А из таких «знакомых» не был ли кто-нибудь чрезмерно навязчив?

— Да как тут определишь меру? Если не отстал через пять минут — это чрезмерно навязчивый или как?

— Я имею в виду тех, кто предпринимал неоднократные попытки.

— Таких вроде не было. Нет, точно не было.

Оксана Яновна достала из кармана сигареты, повертела в руках, посмотрела по сотронам, передумала и сунула пачку обратно.

— Спасибо, Марьяша.

— За что?

— За то, что не требуешь объяснений.

— Вы же предупредили: это не ваша тайна. Думаю, все, что мне следует знать, вы скажете сами, не дожидаясь моих вопросов.

— Умница. В общем, так: в ближайшее время не вступай ни в какие разговоры с незнакомыми людьми. Не принимай никаких предложений, выходящих за рамки твоих обязанностей по работе. Будь осторожна. Постарайся не ходить одна в безлюдных местах, особенно в темноте. — Оксана открыла сумочку и достала баллончик спрея. — Вот, возьми для самозащиты. Держи всегда под рукой. Если кто-то попытается куда-нибудь затащить тебя силой, применяй не раздумывая. Только дыхание задержи и сразу же убегай как можно быстрее. У тебя есть близкий человек, которому можно довериться? Кто-то, с кем ты видишься каждый день? Мама не в счет.

— Есть. Лена Купцова. Живет этажом ниже. Мы вместе учились. Хорошая девушка, надежная. Вообще-то мы не каждый день видимся, но при желании можно и каждый.

— Отлично. Хорошо бы даже дважды в день. Не обязательно встречаться, можно созваниваться. Если в один прекрасный день ты не появишься и не позвонишь, пусть твоя Лена немедленно свяжется со мной. Вот визитка, тут все телефоны, по которым меня можно застать. А если к тебе кто-нибудь подкатит с необычным предложением или просто произойдет что-нибудь экстраординарное, звони мне сама. Ты, главное, не бойся. Я совершенно не уверена, что произойдет что-нибудь этакое. И даже сильно сомневаюсь. Просто хочу соломки подстелить. Скорее всего, впустую. Как бы то ни было, твоей жизни и здоровью ничто не грозит. Только не соглашайся ни на какие сомнительные предложения, и все будет в порядке.

Оксана потрепала Марьяну по плечу, взглянула на часы, охнула, кинулась к двери, крикнула на бегу: «Пока! Созвонимся!», отодвинула засов и была такова. Марьяна вернулась за конторку и погрузилась в задумчивость.

Покупатели входили и уходили, она выдавала им лекарства и рекомендации, выбивала чеки, отсчитывала сдачу, но при этом почти не соображала, что делает. Мысли были целиком поглощены странным набегом Оксаны Яновны и ее более чем странным предостережением. Вся сцена с момента ее появления до поспешного ухода выглядела настолько нереальной, настолько киношной, что поневоле закрадывалось подозрение, уж не разыгрыв ли это. С другой стороны, из всех знакомых Марьяны Вольская — последняя, кого можно заподозрить в пристрастии к глупым шуткам. Солидная дама, хирург, главврач, в высшей степени ответственная и уравновешенная особа... Если она бросила дела, пациентов и полетела в Москву ради разговора с дочерью давней знакомой, можно не сомневаться: мотив был серьезный. И по всему выходит, что мотив этот — страх за нее, Марьяну. По какой-то неизвестной причине Вольская боится, что девушку похитят.

Но это же абсурд! В жизни Марьяны нет и не было ничего такого, что представляло бы хоть какой-то интерес для похитителей, — ни богатых или влиятельных родителей, ни страшных тайн, ни даже сногсшибательной внешности. Кому она могла понадобиться? И откуда Вольская, которой удавалось вырваться в Москву раз в два года и буквально на пару дней, узнала, что Марьяну, москвичку, никогда не бывавшую в Старграде, собираются похитить?

Марьяна с трудом дождалась возвращения заведующей и под предлогом неважного самочувствия отпросилась домой. Видимо, выглядела она и впрямь бледно, поскольку Нина Арнольдовна, женщина суровая и малочувствительная, отпустила помощницу без звука, и

даже предложила растворить для нее таблетку аспирина.

Домой Марьяна поехала не сразу, сначала пошла в парк. Ей всегда легче думалось на ходу, и, попадая в затруднительное положение, она всякий раз отправлялась погулять в одиночестве. Однако на этот раз прогулка не помогла. Произошедшее настолько не укладывалось в рамки жизненного опыта, что ни Маша, с ее редкостным здравомыслием, ни Яна, с ее нешаблонным мышлением, так и не сумели правдоподобно объяснить странное поведение Вольской. Впервые в жизни Марьяна нуждалась в совете. По некотором размышлении она решила обратиться за ним к Лене Купцовой, тем более что все равно обещала Оксане Яновне заручиться Ленкиной поддержкой.

По причине существования Маши и Яны у Марьяны не было близких подруг. С одной стороны, она в них не нуждалась, ведь ни одна из составляющих ее личностей никогда не чувствовала себя одинокой, с другой — близкая подруга могла углядеть в Марьяне какую-нибудь ненормальность, а то и выведать тайну «двойняшек», и кто поручился бы, что дело не кончится Белыми Столбами? Но если бы Марьяна все же решила обзавестись такой подругой, она выбрала бы Купцову, и никого другого.

Ленка вызывала у нее искреннее уважение и даже восхищение. Она была умна, немногословна, скупа на проявление чувств и удивительно самодостаточна. Ни в ком не нуждаясь, тем не менее поддерживала со всеми ровные приятельские отношения и никогда никого не осуждала. Она вообще обладала редким свойством спокойно принимать мир таким, какой он есть. Потерпев неудачу, не сетовала на неблагоприятные обстоятельства, не искала виноватых; об успехах своих не кричала на каждом углу. Не суежилась, не распахивала ближних локтями в попытке ухватить от жизни лакомый кусок. И пряники, и пинки судьбы принимала с изрядной долей пофигизма. Еще Ленка была удивительно естественной. Марьяна не помнила, чтобы она хоть раз встала в позу, попыталась что-нибудь из себя изобразить или получше себя подать. Комплексом неполноценности она не страдала. Внешне ничуть не похожая на англичанку — маленькая, плотная, темноволосая, — Ленка в полной мере обладала хрестоматийным английским чувством собственного достоинства. И чувством юмора. А главное — сдержанностью и надежностью.

— Хм! — Купцова задумчиво погладила пальцем переносицу. — Если бы я видела в этом хоть какой-нибудь смысл, решила бы, что ты меня разыгрываешь.

— Нет, честное слово.

— Сама понимаю, что нет. Ну, допустим, не позвонишь ты мне завтра. И дома тебя не окажется. Я сообщу об этом твоей Вольской. И дальше что? Кто будет надирать животики, потешаясь над моей доверчивой глупостью? Ты, что ли? Так ты вроде не идиотка. Может, у этой врачихи крыша поехала?

— Ни с того ни с сего? Вряд ли.

— Почему ни с того ни с сего? Переутомление, неприятности на работе, телесные недуги, облом на личном фронте — мало ли причин, по которым одинокая женщина в годах может повредиться рассудком? Она ведь тебе о своей жизни не докладывает.

— Хорошо, предположим, она тронулась. Но я-то тут при чем? Неужели она не могла найти себе объект беспокойства где-нибудь поближе? Я ей вообще никто. Мы и виделись-то от силы раз десять.

Купцова пожала плечами, собираясь, видимо, сказать, что поступки психов подчиняются извращенной логике и нормальным людям о них не судить, но, бросив

внимательный взгляд на озабоченное лицо Марьяны, передумала и спросила:

— А твоя мама? Что их вообще связывает?

— Вольская когда-то здорово помогла маме. Можно сказать, даже спасла. Именно благодаря ей мама стала тем, кем стала. Не говоря уже обо мне. Ты знаешь, что мама родила меня, когда ей было шестнадцать?

— Не знала, но всегда удивлялась, как молодо она у тебя выглядит. Продолжай.

— Это довольно длинная история. Мамин отец погиб, когда ей было пять лет. Ее мать начала пить, а потом вышла замуж, тоже за пьяницу. Обстановка дома была такая, что мама старалась бывать там как можно реже. После школы шла в библиотеку и до закрытия просиживала над книгами. Друзей у нее не было, — она очень стеснялась своей ветхой одежки, синяков, боялась разговоров о выходках пьяной матери и отчима. В общем, несчастный, брошенный ребенок. Когда она закончила восьмилетку, дома стало совсем невыносимо. Мама никогда открыто не говорила, но по кое-каким ее обмолвкам я поняла, что отчим начал к ней приставать. В смысле домогаться. Она сбежала в областной центр, Старград, и поступила в училище при швейной фабрике. И там нарвалась на моего папашу, донжуана местного разлива. Он учился в ПТУ на жестянщика и обитал в соседнем общежитии. Мама была просто сражена, когда он начал ее обхаживать — ведь ей, бедняжке, до тех пор никто ласкового слова не сказал. А тут — комплименты, мороженое, кино... Разумеется, она тут же отдала соблазнителю душу. Ну и тело заодно, поскольку ее душа папашу мало интересовала. Банальный случай. По неопытности мама не сразу поняла, что беременна. А когда поняла, я уже вовсю сучила у нее в животе ножками, и думать об аборте было поздно. Папаша к тому времени успел сменить еще пару девиц, так что о женитьбе речи даже не заходило. Представляешь себе положеньице? Ни мужа, ни родни, ни друзей, ни жилья, ни профессии, ни денег, и ребенок на подходе. Словом, мрак полный. Мама перестала есть и спать и в результате загремела в больницу, где и познакомилась с Оксаной Яновной. Вольская тогда была заведующей гинекологическим отделением...

— Ты же говорила, она — хирург.

— Хирург. А что тебя удивляет? В гинекологии половину болезней лечат хирургическим путем, не говоря уже об абортах и кесаревых сечениях.

— Ну да, понятно. И чем же она помогла твоей маме?

— Всем. Во-первых, разговорилась и вывела из депрессии. Во-вторых, дала денег и отправила в Москву, к своей подруге, бывшей однокурснице. Эта подруга, тетя Галя, тоже переживала тяжелые времена. Пока она ждала ребенка — а беременность у нее протекала очень тяжело, все больше по больницам — козел-муж завел себе любовницу. Добрые соседи открыли Галине глаза, и она, ясное дело, выставила мужа за дверь. Ну и осталась при пиковом интересе. Маленький ребенок, копеечные алименты, настроение хоть волком вой. Правда, друзей у нее много. И все помогали, чем могли. Вели ободряющие разговоры, оставались с малышом, подбрасывали денег. Только тетя Галя человек гордый, и необходимость принимать помощь страшно ее угнетала. Она предпочитает давать, а не брать. В общем, они с мамой чудесно подошли друг другу. Мама поселилась у нее и приглядывала за обоими детьми, за мной и Димкой, а Галя вышла на работу. Позже мама поступила в вечернюю школу, и они друг друга подменяли. До тех пор пока мама не поступила в университет, а мы с Димкой не доросли до детского сада. Мы и сейчас дружим домами.

— И с Вольской дружите?

— Пожалуй, да, только не так близко. Сама понимаешь, если человек приезжает раз в два года на несколько дней и за эти несколько дней умудряется проверить массу дел, сходить в два-три театра, на концерт и навестить с десятков-другой бывших соучеников, на общение с благодарными пациентами у него, точнее, у нее остается совсем немного времени. Но тетя Ксана и мама регулярно обмениваются поздравительными открытками, иногда созваниваются и, в общем, держат друг друга в курсе своих дел.

— Значит, Ольга Васильевна в принципе может иметь какое-то представление о том, что заставило Вольскую примчаться в Москву и обратиться к тебе со странными речами?

— Не знаю, Ленка. Не уверена. Что-то ей, наверно, известно, иначе Ксана не подчеркнула бы, что я не должна рассказывать маме о ее визите. Хотя... Как она выразилась? «Мама очень расстроится, если узнает, с чем я приехала». В общем-то, отсюда ничего не следует. Любая мать расстроится, если ей скажут, что ее дочь собираются похитить.

— Ты не права, Агапова. Из этой фразы, как и вообще из вашего разговора, многое можно извлечь. Не проси меня, пожалуйста, привести логическое обоснование, ибо оно будет длинным, пуганым и нестройным, но если тебя интересуют сами выводы, могу поделиться.

— Конечно, интересуют.

— Значит, так. Вольскую, Ольгу Васильевну и некоего неизвестного нам человека (или людей) связывают какие-то прошлые дела, видимо, не слишком приятные. Может быть, даже тайна. Тайне этой больше двадцати лет от роду, точнее, двадцать один — двадцать два года, и место ее рождения — Старград. До недавних пор все ее обладатели о ней помалкивали. Потом кто-то проговорился или пригрозил, что откроет ее. Возможно (но не наверняка), отступницей оказалась твоя мама. А неизвестный нам человек решил воздействовать на нее через тебя, о чем стало известно Вольской. Это только один из вариантов. Отступницей может быть и Вольская, и даже тот третий. Или тайна открылась случайно. И теперь это угрожает интересам третьего, и он зависит от твоей мамы... Тут можно долго фантазировать. Но основное насчет тайны, по-моему, верно. Или мои мозги можно сдавать в утиль.

— Не надо логического обоснования, — сказала Марьяна, подумав. — Ход мысли мне примерно понятен. Но буду очень благодарна тебе, если ты еще немного пофантазируешь. Что это за тайна, по-твоему?

Купцова пожала плечами.

— Какой смысл гадать, если нет возможности проверить догадку? На твоём месте я бы поговорила с мамой.

— Не могу. Я дала слово. Прощу тебя, Ленка! Ну что тебе стоит?

— Да ради бога. Итак, догадка номер один. На самом деле твой отец — не любвеобильный жестянщик, а высокопоставленный чинуша. Он прибегнул к посредничеству Вольской, чтобы та уговорила твою маму помалкивать о его отцовстве и устроила ее жизнь. Недавно он пролез в Госдуму или в кабинет министров, твоя мама увидела его по телевизору и...

— Исключено, — перебила подругу Марьяна. — Я знакома со своим папашей. Он теперь живет в Подмосковье и зарабатывает на жизнь извозом. Пять лет назад маму угораздило сесть к нему в машину, он ее узнал и начал подбивать клинья. Мама его отбрила, но номер телефона взяла на случай, если я захочу с ним встретиться. Я сдуру захотела. И что

бы мне не довольствоваться придуманным образом? Папаша оказался мерзким типчиком, таким, знаешь, смазливо-сальным недоумком. Я бы многое отдала, чтобы сказать, будто нисколько на него не похожа, но, к сожалению, не могу. Нижняя часть лица у меня явно от него. Та же форма губ, подбородка. Словом, фамильное сходство налицо.

— Хорошо, отбрасываем версию. Догадка номер два. Двадцать с лишним лет назад твоя мать стала свидетелем какого-то преступления. Преступник с помощью Вольской заручился ее молчанием и от греха подальше отправил в Москву. Возможно, твоя мама по невинности не понимала, чему стала свидетелем. Но с годами она поумнела, сопоставила какие-то факты со своими воспоминаниями и догадалась, что же тогда произошло. Если преступление было серьезным, скажем, тот человек убил или поломал кому-то жизнь, твоя мама не могла не терзаться муками совести. Может быть, она предприняла какие-то шаги, чтобы восстановить справедливость. Преступнику это, естественно, не понравилось, и он решил включить в игру тебя — в качестве своей козырной карты.

— М-мм... Да, наверное, такое возможно. Во всяком случае, явных изъянов в этой версии я не вижу. И что же мне делать?

— Ну, если ты категорически отказываешься поговорить с матерью, ничего не остается, кроме как следовать указаниям Вольской. Избегай темных подворотен и безлюдных улиц, не принимай приглашений от незнакомцев, держи ушки на макушке и вообще — бди! Ежедневно забегай ко мне или звони. Правда, я не всегда ночую дома... Может, мне тебе звонить? Нет, лучше по-другому. У тебя найдется долларов двести? Давай прямо сейчас сходим к метро, купим пару дешевых мобильных. Номера никому сообщать не будем, используем только для связи друг с другом. Занесешь мой номер в память и, если у тебя произойдет что-нибудь экстраординарное, просто нажми два раза на кнопку. Даже если не сможешь говорить. Я пойму, что тебе нужна помощь, возможно, даже сумею подслушать что-нибудь полезное. И сразу же свяжусь с твоей Оксаной Яновной. Надеюсь, у нее есть управа на потенциальных похитителей.

* * *

За следующие два дня ничего примечательного с Марьяной не произошло, а на третий курьер экспресс-почты принес в аптеку заказное письмо на ее имя. Вместо обратного адреса на конверте стоял штамп старградского бизнес-колледжа. В конверт были вложены железнодорожный билет до неведомой станции Ковыли, пятьсот долларов и распечатанное на принтере письмо:

Уважаемая Марьяна Алексеевна!

Пусть Вас не смущает официальный вид моего послания. На самом деле я хочу обратиться к Вам с сугубо личной, более того, конфиденциальной просьбой. К сожалению, я не могу представиться, поскольку действую по поручению и от имени особы, которая очень обеспокоена сохранением тайны — по крайней мере, до тех пор, пока Вы не согласитесь принять ее предложение, — а по моему имени заинтересованные лица легко могут вычислить, о какой особе идет речь. Вам же оно так или иначе ничего не скажет. Боюсь, все это звучит довольно странно и даже подозрительно, но, поверьте, дело, которое заставило меня к Вам

обратиться, крайне деликатно, и раскрыть сейчас больше, чем это необходимо, я не вправе.

Теперь объясню, в чем же состоит моя просьба. Не могли бы Вы взять на работе кратковременный отпуск и совершить небольшую поездку? Билет и деньги на расходы прилагаются. Если Вы согласны, то по прибытии на станцию назначения Вам следует поселиться в гостинице «Пионер» (она расположена за вокзальной площадью), где для Вас будет заказан номер. В течение двух-трех часов после Вашего приезда за Вами будет прислана машина. Она доставит Вас к той особе, по поручению которой я действую. Дальнейшее будет зависеть от того, примете ли Вы ее предложение. Его суть я пока изложить не могу, но должен отметить, что в нем нет ничего бесчестного или оскорбительного для Вас, а вознаграждение Ваше будет чрезвычайно щедрым. И речь идет не только о деньгах. Особа, которая надеется на Вашу помощь, располагает возможностью обеспечить Вам блестящую карьеру в любой области, какую бы Вы ни выбрали.

Но Вы совершенно вольны как принять, так и отклонить ее предложение. В последнем случае Вам заплатят тысячу долларов в компенсацию за возможные издержки и позаботятся, чтобы Вы со всеми удобствами вернулись домой. Если же по какой-либо причине Вы не сможете или не захотите совершить предложенную поездку, о возвращении денег и билета не беспокойтесь. Единственная просьба: уничтожьте письмо вместе с конвертом и никому о нем не рассказывайте. В противном случае Вы можете причинить непоправимый вред ни в чем не повинным людям.

С уважением,

Посредник.

Именно по прочтении этого письма Яна окончательно очнулась от спячки и впервые в жизни схватилась с Машей за лидерство.

«Неужели этот придурок всерьез рассчитывает, что я клюну на его „соблазнительную“ приманку? — возмутилась Маша. — Его наживка смердит за версту».

«И тем не менее мы ее заглотим, дорогая», — подала голос Яна.

«Ты спятила?» — холодно поинтересовалась «старшая».

«Ничуть. Это ты, видно, оскудела рассудком, — парировала „младшая“. — Попробуй задействовать элементарную логику, Мэри Поппинс. Существуют два взаимоисключающих предположения. Первое: автор данного письма искренен. Второе: его писанина — заведомая ложь. У нас есть основания считать, что второе предположение более вероятно, чем первое. Прекрасно. Начнем с него. Как ты предлагаешь поступить? Выбросить эти бумажки в мусорную корзину и забыть о них? Позвонить тете Ксане?»

«Ну да, позвонить и выбросить. А что тебе не нравится?»

«Твоя глупость. Ты обратила внимание, что автор письма с легкостью готов выбросить на ветер полкуска, не говоря уже о стоимости билета в спальный, между прочим, вагон? За эти деньги запросто можно нанять мелкого урку, который среди бела дня огреет тебя пыльным мешком по башке, запихнет в машину и доставит, куда ему велят. И заметь, если бы события развивались по этому сценарию, тебе не дали бы ни малейшего шанса навредить похитителям, выдав доверенную тебе конфиденциальную информацию. Почему же они не

пошли простым путем?»

«Ну, и почему? Может быть, он не так уж и прост?»

«Ерунда! Спорим, я тебе за эти пятьсот баксов в полчаса организую похищение Нины Арнольдовны прямо из аптеки? Нет, дело не в трудностях. По-моему, кому-то очень важно договориться с нами по-хорошему. А получив пыльным мешком по голове, мы можем стать менее сговорчивыми. Вот они и разводят церемонии. Только, боюсь, проигнорировав это любезное приглашение, мы ничего, кроме пыльного мешка, не получим. Словом, ты как хочешь, а я предпочитаю спальный вагон».

«Ну и дура! Достаточно позвонить тете Ксане, и выбирать между пыльным мешком и спальным вагоном не придется».

«Да? Ты уверена? А не придется ли ей самой вкусить прелестей мешка? Или чего-нибудь похлеще. Кроме того, если ей удастся разрулить ситуацию, мы никогда не разгадаем тайну, а на это я не согласна. Похоже, тут замешана какая-то важная птица, и это мой единственный шанс попасть в высшую лигу».

«Ага, в небожители, к херувимам и серафимам».

«Туда мы всегда успеем, а вот случай прибиться к сливкам общества может больше не представиться. Я понимаю, тебя это мало колышет, приземленная ты моя. Но у меня есть еще один довод. Существует вероятность — пускай ничтожная, но существует, — что человек, приславший письмо, написал правду. Кто-то действительно нуждается в нашей помощи и готов щедро за нее вознаградить. А ты предлагаешь остаться глухой к чужим мольбам, отказаться от награды, да еще „нанести непоправимый вред ни в чем не повинным людям“, разгласив секрет, который тебе доверили. Не знаю, не знаю, как после этого херувимы и серафимы отнесутся к нашему обществу».

Изнурительный внутренний диалог длился целый день, и наконец Яна одержала верх. После этого у Марьяны остались почти сутки на необходимые приготовления — договориться со сменщицей, написать заявление о недельном отпуске за свой счет, придумать легенду для мамы и предупредить Купцову. Говорить подруге о письме она не стала — та бы ее просто не поняла. Объяснение для Купцовой звучало так: Марьяна страшно перенервничала в ожидании развития событий, перестала спать по ночам, начала вздрагивать от каждого резкого звука, все валится у нее из рук, включая дорогие препараты. Дальше так продолжаться не может, поэтому она едет в Старград и попытается самостоятельно выяснить, кто и что стоит за предостережением Вольской.

Купцова посмотрела на нее так, словно хотела повертеть пальцем у виска, однако от жеста воздержалась. Только спросила:

— Прямиком в волчье логово? Ну-ну! Желаю удачи. Надеюсь, ты не забудешь звонить мне с ежедневными докладами?

И Марьяна с благодарностью подумала, что выбрала идеальную сообщницу. Другая на Ленкином месте подняла бы крик, переполошила бы всех вплоть до мамы, лишь бы воспрепятствовать Марьянину отъезду. Или, наоборот, благополучно выкинула бы Марьяну с ее проблемами из головы. Купцова же, свято уважая чужую свободу воли, никогда не подведет доверившегося ей человека. Можно не сомневаться: если связь с Марьяной оборвется, Ленка сделает все, чтобы выручить ее из беды.

На станции Ковыли поезд стоял одну минуту. Марьяна еще в Москве, в железнодорожной справочной выяснила, что это ближайший к Старграду населенный пункт, где останавливаются скорые поезда. За что Ковылям выпала такая честь, было неясно. Обшарпанные одноэтажные строения барачного типа, грунтовые дороги, покрытые густым, по щиколотку, слоем пыли, многочисленные куры и козы, пасущиеся в виду вокзальной площади, свидетельствовали, что это скорее рабочий поселок, чем город. Причем поселок исключительно грязный и необустроенный. Единственное двухэтажное здание, попавшее в поле зрения Марьяны, когда она вышла из дощатой хибары с гордой надписью «Вокзал», как раз и оказалось гостиницей «Пионер». Судя по виду отеля, удобства, которые он предоставлял своим постояльцам, вряд ли устроили бы человека, привычного к европейскому комфорту.

— Ладно, будем надеяться, что я застряну здесь не дольше чем на три часа, — подбодрила себя Марьяна и решительно потянула на себя дверь неприглядного заведения.

Внутри оно выглядело немного получше, чем снаружи. Буйные заросли искусственной зелени удачно камуфлировали засиженные мухами стены, светло-серые, под мрамор, истертые плиты пола носили явные следы недавней влажной уборки. Немолодая крашенная блондинка за стойкой регистратуры сияла приветливой златозубой улыбкой.

— Добрый день. Желаете снять номер? Двухместный? Одноместный? Люкс?

— Не знаю, — сказала Марьяна, выкладывая на стойку паспорт. — Мне обещали, что номер забронирован.

— Ага, — пробормотала регистраторша, водружая на нос очки, свисавшие с позолоченной цепочки на чахлую грудь. — Марьяна Алексеевна... — Золотая улыбка заметно увеличилась в объеме. — Все правильно. Для вас заказан люкс. Оплачен на ближайшие сутки. — Дама цапнула тонкими когтистыми пальчиками шариковую ручку и проворно вписала данные Марьяны в графы регистрационного журнала. — Второй этаж. Номер двести три. Отдельная ванная. Правда, горячую воду дадут только после шести. Что поделаешь, провинция, — добавила она извиняющимся тоном. — Но, если угодно, я распоряжусь установить нагреватель. Это совсем недорого, всего пятьдесят рублей в сутки, зато ванну можно будет принять в любое удобное время.

— Будьте так любезны. — Марьяна выложила на стойку купюру.

— Если хотите, можете оставить рюкзачок, — предложила дама, скользнув взглядом по скудному багажу постоялицы. — Вам его принесут буквально через минуту.

— Спасибо, не стоит, он не тяжелый. — Марьяна забрала паспорт и ключ и двинулась к лестнице.

Какие-то представления о европейском комфорте у ковылян все же имелись. Номер был чисто вымыт. В углу у зашторенного окна стоял современный телевизор с дистанционным управлением; пульт лежал на столике перед двуспальной кроватью. В холодильнике, приткнувшемся в другом углу, нашлась даже бутылка местной минералки, довольно забористой.

Едва Марьяна напилась и убрала рюкзачок в шкаф, как в дверь постучали. Явился гостиничный бой с нагревателем. После ухода боя Марьяна с наслаждением встала под душ. Но спокойно помыться ей не дали. Минут через пять в комнате зазвонил телефон. Кутаясь в полотенце, она выскочила из ванны и едва не переломала себе конечности, поскользнувшись на мокром кафеле, но в последний миг успела схватиться за бортик ванны и отделалась легким испугом. Пережитое потрясение плохо отразилось на нервах. Сорвав трубку, Марьяна

таким тоном рявкнула: «Алло!», что перепуганная регистраторша утратила дар речи.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— П-прошу прощения, — выдала она после заметной паузы. — К вам тут пришли. Госпожа Иванова, Маргарита Павловна. Она говорит, что вы ее ждете.

— Пусть поднимется, — разрешила Марьяна.

«Началось!» — подумала она, вихрем бросилась к шкафу, схватила рюкзак и скрылась в ванной. Одежда плохо натягивалась на влажное тело, поэтому Марьяна была еще наполовину раздетой, когда в дверь номера постучали.

— Войдите! — крикнула она, путаясь в рукавах кофточки. — Подождите минуточку, я сейчас.

— Не торопитесь, — ответил ей дребезжащий старческий голосок. — У нас еще есть время.

Марьяна, раздумывающая, не засунуть ли ей за пояс джинсов газовый баллончик Оксаны Вольской, услышав голос, бросила баллончик в рюкзак и прищелкнула глазом к дверной щели.

Посетительница выглядела настолько безобидно, что Марьяна едва не рассмеялась. Миниатюрная старушка с лицом доброй феи, обрамленным белыми кудряшками, с любопытством оглядела комнату и присела на краешек стула, чинно сложив на коленях натруженные, но изящной формы ручки.

— Добрый день, — поздоровалась Марьяна, выходя из ванной. — Извините, что заставила себя ждать.

— Что вы, деточка! — всплеснула руками старушка. — Какие пустяки. Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Маргарита Павловна. А вас, я знаю, — Марьяна. Сейчас мы с вами пойдем ко мне домой, и я немного поколдую над вашим лицом... Вас ведь предупредили? — с беспокойством спросила она, видя, что девушка нахмурилась.

— Не совсем, — призналась Марьяна. — Мне сказали, что я получу подробные указания на месте. Вы не могли бы объяснить подробнее?

— Если вы не против, по дороге. Через час уже может прийти машина, а я не знаю точно, сколько времени мне потребуется.

По дороге к дому Маргарита Павловна успела изложить Марьяне свою биографию. Родом она была из здешних мест, но в молодости переехала в Ленинград, вышла там замуж, родила двух дочерей. Когда семье дали квартиру в новостройке, ушла с завода, выучилась на гримера и до пенсии проработала в театре. Потом дочери обзавелись собственными семьями, в квартире стало тесно, и, когда муж Маргариты Павловны умер, она вернулась в родные края, благо родители оставили ей домик. В Ковылях ее пенсии, по питерским меркам крохотной, вполне хватает на жизнь, хотя, конечно, приходится огородничать, что в ее возрасте да при ее ревматизме довольно тяжело. Но даже при солидных урожаях собственной картошки и моркови Маргарита Павловна не может позволить себе деликатесы, которые так и дразнят ее с витрин местных магазинчиков. А иногда так хочется себя побаловать! Поэтому она с радостью согласилась на предложение тряхнуть стариной и загримировать одну девушку так, чтобы она была похожа на фотографию другой. Молодой человек, обратившийся к ней с этой просьбой, заплатил щедрый аванс и пообещал, что еще столько же Маргарита Павловна получит после работы.

— А он объяснил, зачем ему это нужно? — спросила Марьяна.

— О, он рассказал очень романтическую историю. Его любимую девушку охраняют, как

сокровища короны, и он хочет под видом кого-то из прислуги отправить к ней другую девушку в качестве своей посыльной. — Старушка бросила на Марьяну неожиданно острый взгляд и добавила довольно сухо: — Не думайте, я не настолько выжила из ума, чтобы поверить этой сказке. Но деньги на дороге не валяются. Молодой человек уже заплатил в пять раз больше, чем стоят мои профессиональные услуги. Если условия сделки подразумевают, что я должна изображать дурочку... что ж, мне не жалко. Надеюсь, вы не натворите больших бед. Тем более что ни он, ни вы не похожи на преступников.

— За себя могу поручиться, — заверила ее Марьяна с нервным смешком. — Но я, как и вы, играю в темную. Меня попросили приехать, чтобы встретиться с некой таинственной особой, которая хочет сделать мне очень выгодное предложение. Что за особа и что за предложение — понятия не имею. Но обещаю, что не приму его, если оно покажется мне сомнительным. Только не знаю, как они отнесутся к моему отказу... Можно попросить вас, чтобы вы меня подстраховали? Если я вдруг не вернусь до завтра...

— Я поняла. Договорились. Можете не волноваться, я подниму на ноги всю местную милицию. Только вы, уж пожалуйста, не забудьте заглянуть ко мне вечером, если все обойдется.

— Хорошо, спасибо. А что вы говорили насчет машины? Куда она приедет? К вам или к гостинице?

— Ко мне. Ох, времени-то уже почти не осталось. Ну ничего, загримировать для сходства с фотографией — дело несложное. Не то что под живого человека. Мигом управлюсь. Вообще-то мне велели взять такси, но у нас его разве найдешь! И дорого это. Ты уж меня не выдавай, ладно?

Старушка оказалась мастером своего дела. Через пятнадцать минут после начала работы из зеркала в старой деревянной раме на Марьяну смотрела вылитая незнакомка с фотоснимка. Маргарита Павловна наносила последние штрихи, когда за окном остановилась и трижды просигналила машина.

— Идем, идем, — проворчала гримерша и сняла накидку, брошенную Марьяне на плечи. — Ну, с богом, деточка! Не беспокойся, я все сделаю, как договорились. Если до завтра здесь не появишься, пойду в милицию.

Марьяна благодарно сжала ей руку и вышла на крыльцо. За невысоким заборчиком стояли серые «Жигули»-шестерка, а перед ними — ничем не примечательный парень в светлой ветровке и больших солнцезащитных очках. Очки и надвинутая на лоб бейсболка почти полностью скрывали верхнюю часть его лица, но Марьяна решила, что физиономия у него довольно приятная, во всяком случае, не злодейская. Однако машинально перехватила рюкзачок и провела по нему рукой, нащупывая баллончик.

Водитель «шестерки» молча отвесил Марьяне что-то вроде полупоклона и предупредительно открыл перед ней дверцу, но, когда она, скользнув на переднее сиденье, игриво поинтересовалась: «Куда едем?», парень в ответ пробормотал что-то неразборчивое. Марьяна поняла, что поддерживать беседу он не намерен, и за неимением лучшего занятия устала в окно.

Ехали больше часа. Пейзажи за окном глаз не радовали. Унылые черные поля с редкой, только что пробившейся из земли зеленой порослью, пыльные деревни с чахлыми деревцами вдоль дороги, маленькие заросшие пруды с неперемной грязной живностью по берегам. И только ближе к концу пути машина свернула на асфальтированное шоссе, проехала через открытые решетчатые ворота и нырнула под ярко-зеленый шатер чистой, ухоженной дубово-

кленовой рощи. Проехав ее насквозь, они остановились неподалеку от чугунной решетки забора, за которым открывался вид на сказочно пригожий городок, удивительно милый и уютный — с дорожками, выложенными разноцветной плиткой и обсаженными фигурными кустами, с пестрыми клумбами, нежно-зелеными газонами, веселыми фонтанчиками и симпатичными коттеджами.

Залюбовавшись на всю эту красоту, Марьяна не заметила, как к машине подошла девушка, и опомнилась только когда она, открыв дверцу, ужом скользнула в салон. Минуты две они ошарашено разглядывали друг друга, потом девица рассмеялась:

— Вот это да! Здорово они тебя подретушировали. Моя родная мама нас с десяти метров не отличит.

Только тогда Марьяна сообразила, кого так поразительно напоминает ей девушка — незнакомку, которая смотрела на нее из старенького зеркала Маргариты Павловны. Девушка между тем сняла с себя белый халат с пластиковым бейджиком и протянула Марьяне.

— Одевайся. Значит, так: ты массажистка, полчаса назад тебя вызвали к клиентке в тридцать первый. Видишь коттедж из розового кирпича с флюгером-корабликом на крыше? Тебе туда. Лучше пройти вон по той дорожке, а после корта свернуть направо. Ты, главное, держись увереннее. Физиономия у тебя — один в один с моей фоткой, никто ничего не должен заподозрить. Встретишь кого, кивни на всякий случай и иди с уверенным видом дальше — дескать, некогда тебе, клиентка ждет. Да вряд ли ты на кого из наших нарвешься, что им сейчас тут делать? Дойдешь до коттеджа, позвонишь в дверь. Когда откроют, сделай каменную рожу и спроси: «Массажиста вызывали?» И все дела. После этого тебя отведут к клиентке, вы поговорите, и ты вернешься. Я буду ждать здесь. Только не затягивайте разговор. Стандартный сеанс массажа — полчаса, если ты через сорок минут не выйдешь, они могут к вам сунуться.

— Кто — они?

— Гориллы. Ну, бодигарды, охрана. Мы же ради них весь этот маскарад устраиваем, нет? Вот, держи еще, тут мои массажистские прибабасы, масла всякие, рукавицы...

Девушка протянула Марьяне чемоданчик. Марьяна с сомнением посмотрела на свой рюкзачок.

— Оставьте, — жестко сказал водитель, у которого неожиданно прорезался голос. — Вы же не хотите провалить всю затею? Даю вам слово: ничего с вашими вещами не случится. Вон, Таня за мной присмотрит. Она уж точно до вашего возвращения никуда не уйдет.

— Что я, больная? Меня ж из пансионата пинком под зад выкинут, если эта афера раскроется. Где я потом такое хлебное местечко найду? Не бойсь, сестренка, я тебя дождусь и с твоего барахлишка глаз не спущу. Иди, иди! Время!

Марьяна неохотно вылезла из машины и пошла к калитке. При виде охранника в прозрачной будке у нее затряслись поджилки, но тот даже не поднял глаз от газеты, которую читал. Не встретив больше ни одной живой души, она дошагала до тридцать первого коттеджа и позвонила в дверь. Ей открыл могучий атлет, стриженный «ежиком». На вопрос «Массаж заказывали?» он ответил противным цепким взглядом, от которого у Марьяны екнуло сердце, и молча посторонился, пропуская ее в холл.

— Откройте! — приказал этот хмырь, показывая на чемоданчик.

Марьяна подчинилась, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в руках. Но на этом неприятности не кончились. Осмотрев содержимое чемодана, хмырь протянул лапы к

Марьяне. Она едва удержалась, чтобы не съездить ему по роже, когда он нарочито неторопливо обшаривал ее тело, якобы выискивая оружие. И только после этой гнусной процедуры провел Марьяну в глубь дома, через комнату, где перед шахматной доской сидел его напарник, такой же бритый и накачанный, и кивнул на широкую деревянную дверь.

Марьяна толкнула ее и попала в выложенную розовой плиткой комнату с небольшим бассейном посередине. Но ни в бассейне, ни на «берегу» никого не было. Осмотревшись, она увидела ширму, скрывающую еще одну дверь. Марьяна зашла за ширму и постучала.

— Кто? — донеслось из-за двери.

— Массажист.

— Входите.

Марьяна толкнула дверь и очутилась в маленьком и очень теплом помещении, от пола до потолка обшитом деревом — видимо, это был предбанник, место, где можно посидеть в промежутках между сеансами сауны. На деревянной скамье полулежала завернутая в простыню девушка. Когда Марьяна вошла, девушка повернула голову, и из груди Марьяны вырвалось сдавленное «ох!». Чемоданчик выскользнул из рук и грохнул на пол.

— Что, неужели так похожа? — спросила девушка, слабо улыбнувшись. Онемевшая Марьяна только кивнула. Ей показалось, что она бредит. Девушка, лежавшая, вернее, уже сидевшая на лавке, была точной копией отражения, которое Марьяна видела в зеркале каждый день. Теперь она поняла, что почувствовала массажистка, увидев в машине Марьяну. Но массажистка была готова к встрече с двойником и, присмотревшись, могла различить следы грима, да и сходство было не таким разительным. А для Марьяны свидание с собственным двойником стало полной неожиданностью — как обухом по голове. О гриме не могло идти и речи — девушка явно только что вылезла из-под душа или из бассейна — мокрые волосы, лицо без всяких признаков косметики...

Сходство между тем было потрясающим. Те же серые широко поставленные глаза необычной треугольной формы, серпики бровей, густых и широких у переносицы и утончающихся в ниточку к вискам, не по-девичьи массивный, слегка раздвоенный на конце нос — причина горьких подростковых переживаний Марьяны, тонкие губы причудливого рисунка — наследство ветреного папаша. Разглядывая их в зеркале, она почему-то всегда вспоминала строчку из «Старицкого воеводы» поэта Толстого: «Державные уста змеились улыбкой». Вот только шрамик-лунка, оставшийся на щеке в память о детской ветрянке, оказался у девушки не под правым глазом, а под левым. «Но у меня он тоже должен быть под левым, просто я привыкла видеть его в зеркале», — ошеломленно подумала Марьяна и дотронулась пальцем до отметины.

— Откуда у вас это? — тихо спросила она.

Незнакомка — впрочем, можно ли так назвать человека, чье лицо знаешь не хуже собственного? — повторила ее жест и нервно рассмеялась.

— Неудачно выдавила прыщ. — Смущенная улыбка сменилась озабоченным выражением. — Присаживайтесь, пожалуйста. — Она похлопала ладонью по лавке.

Увидев две такие знакомые вертикальные складочки между бровей девушки, Марьяна окончательно поняла, что у нее сносит крышу. Она плюхнулась на лавку и завороченно уставилась на свою визави.

— Извините, как вас зовут? — спросило наваждение.

«Ничего себе у них конспирация! Этот тип ей даже имени моего не сообщил», — вяло удивилась Марьяна и неожиданно для себя назвалась Яной. Она сама испугалась, когда

поняла, что сказала, но тут же себя одернула: «Перестань трястись, дура! Ты вольна называть себя как угодно. Никто не догадывается о твоей шизофрении». Но мистический страх, вцепившийся острыми зубками в нутро Марьяны, как только она увидела девушку, поднял безобразную мордочку и насмешливо прошипел: «Почему ты так думаешь? Может быть, эта девица знает о тебе все? Может быть, она — это ты?» Марьяна покачала головой, прогоняя морок, и только тогда поняла, что незнакомка что-то ей говорит.

— ...Мало времени, поэтому давайте я попробую в двух словах объяснить, почему вы здесь. Я — дочь местного губернатора и безнадежно больной женщины, которая, по-видимому, на почве своей безнадежной болезни подвинулась рассудком. Или из-за тяжелых родов. Во всяком случае, все ее старые знакомые уверяют, будто до моего рождения она была ангелом во плоти. Не знаю, я этого счастливого времени не застала. Сколько себя помню, она всегда обращалась со мной, как садист-надзиратель с отпетым уголовником. Вы обратили внимание на двух бульдогов, стерегущих вход в мою темницу?

Марьяна, сообразив, что речь идет о телохранителе, обыскавшем ее при входе, и его напарнике, сидевшем за шахматной доской, кивнула.

— Меня сторожат днем и ночью, пресекая всякие попытки заняться чем-нибудь недозволенным. Как вы понимаете, недозволенным не с точки зрения закона или морали (девушка невесело усмехнулась), а с точки зрения моей драгоценной маменьки. Они обо всем доносят ей, и маменька тут же накладывает запрет на мое новое занятие. В общем, можете себе представить, на что похожа моя жизнь. — Дождавшись Марьяниного кивка, она вдруг резко переменяла тему: — Яна, вы знакомы с Виталием?

— С Виталием? С каким Виталием? — растерялась Марьяна.

— С молодым человеком, который вас сюда привез.

— Нет. Сегодня я увидела его впервые. Впрочем, «увидела» — это некоторое преувеличение. Он хорошо замаскировался — темные очки, козырек, натянутый на лоб...

Губернаторская дочь впилась в Марьяну напряженным взглядом, словно надеялась найти на ее лице ответ на мучительный и жизненно важный вопрос.

— Именно он нашел вас и придумал весь этот безумный план. По его замыслу, вы должны временно подменить меня, устроить мне, так сказать, небольшой отпуск. Он готов хорошо заплатить вам за эту услугу.

— Но... Это же невозможно! — Голова у Марьяны вконец пошла кругом. — Мы здорово похожи, это правда. — Увидев вас, я сама в первую минуту подумала, что гляжу в зеркало. Но внешнее сходство — даже такое фантастическое — не обманет людей, которые хорошо вас знают. Жесты, голос, манера речи... Их не скопируешь. Не говоря уже о том, что я просто не знаю людей из вашего окружения и вполне могу попасть впросак при встрече с ними.

Девушка еще какое-то время смотрела на нее странным пристальным взглядом, а потом вдруг улыбнулась и кивнула — не Марьяне, а словно бы самой себе.

— Похоже, мне повезло, — пробормотала она. — Они действительно не посвятили вас в свои планы. Значит, вы можете сыграть на моей стороне.

— Простите, боюсь, я не расслышала, как вас зовут...

— Марина.

Марьяна вздрогнула, но девушка была настолько погружена в свои мысли, что не заметила ее странной реакции на свое имя.

— Кто это — они, Марина? О ком вы говорите?

— Они — это моя мать и Виталий. Когда-то я считала его своим другом, а потом он стал любовником матери — даже не любовником, а так, холопом с доступом к господскому ложу — и включился в травлю. Единожды предавший, кто тебе поверит? Понимаете, Яна, меня безумно соблазняет мысль вырваться на свободу — хоть на неделю, хоть на пару дней! — но я слишком осторожна, чтобы принимать дары данайцев. Шестое чувство, а может, предубеждение против предателя подсказывает мне, что его внезапное великодушие для меня опасно. Она — в смысле мать — как-то очень странно смотрит на меня в последние дни, а он весь извертелся на пупе, умоляя меня принять его план... Мне сразу стало ясно: тут что-то нечисто. И все же я согласилась встретиться с вами. Отчасти из любопытства, отчасти потому, что у меня была шальная надежда: а вдруг вы не желаете мне зла? Вдруг вы — просто слепое орудие в их руках? Тогда мне, может быть, удастся переманить вас на свою сторону... Своих денег, как вы понимаете, у меня нет. В отличие от Виталия, я не грею маменькину постель и не получаю баснословную зарплату. Но я могла бы сделать вид, что принимаю его план, а вы потребуйте с него половину гонорара вперед. И хорошенько поторгуйтесь, ладно?

— Да запросто! — улыбнулась Марьяна. — А что я должна сделать по вашему сценарию?

— Вы сейчас попросите Виталия отвезти вас к Кате. Она единственный человек, которому я могу полностью довериться. Правда, нам практически не разрешают общаться, но мы были и остаемся подругами. Виталию вы скажете, что Катя должна ознакомить вас с подробностями моей жизни — дескать, это необходимо для того, чтобы вы меня подменили. Если Виталий с моей матерью придумали все это, чтобы навредить мне, он наверняка станет возражать, ведь Катя может сорвать аферу или разоблачить их... потом. Не знаю, как он объяснит свое нежелание сводить вас с Катей, но вы передайте ему, что я настаиваю. Дескать, Катя может рассказать обо мне и моем семействе такие вещи, о которых он понятия не имеет, а вам очень важно знать как можно больше деталей, чтобы уменьшить вероятность разоблачения. Чтобы успокоить его, пообещайте, что не станете посвящать ее в суть нашего заговора, а сама она ни о чем не догадается, поскольку вы поедете к ней в гриме. Еще скажите ему, что я позвоню Кате, но только затем, чтобы предупредить ее о вашем визите и попросить о содействии вам. Так я, кстати, и сделаю. Объясняться с ней вам придется самой, — боюсь, мои телефонные разговоры подслушивают.

— А нетелефонные? Нас сейчас не могут слышать? — осторожно спросила Марьяна.

— Нет. Я поехала в пансионат неожиданно для домашних. Никто не знал заранее, в каком коттедже меня поселят. Мы приехали два часа назад, и я сразу же отправилась в сауну. Бульдоги сюда не заходили и просто не имели возможности распахать по углам своих «насекомых». А одежду я оставила там. — Марина махнула рукой на дверь комнаты с бассейном, — и воду пустила, чтобы шум нас заглушал.

— Ловко! — одобрила Марьяна. — Итак, что я должна сказать Кате? Передать содержание нашего разговора?

— Да. У нее есть друг, который занимается системами безопасности. Вероятно, он сумеет подсунуть Виталию «жучка» и организовать слежку. Мне важно выяснить, что они с моей матерью затеяли. Признаться, меня пугают их маневры. Когда у Кати появится какая-нибудь информация, пусть позвонит мне якобы поболтать. Я на следующий же день приеду сюда и снова закажу массажистку. Вы снова подмените ее и все мне расскажете. Как вам мое предложение?

— Подходяще, — ответила Марьяна после недолгого раздумья. — Откровенно говоря, услуга настолько пустяковая, что мне неловко брать деньги...

— Не вздумайте деликатничать! — возмутилась Марина. — Обязательно сдержите с этого мерзавца как можно больше. Я буду просто счастлива, если вы его хорошенько растрясете.

— Договорились, — улыбнулась Марьяна, потом посмотрела на часы. — Ну вот, полчаса уже прошли. Мне пора. Но напоследок... у меня к вам тоже есть просьба.

— Все, что смогу. Правда, могу я не слишком много. — Губернаторская дочка грустно усмехнулась.

— Вы не вызовете массажистку на завтра? Я не знаю, будет ли у меня к этому времени какая-то информация, — скорее всего, нет, — но мне хотелось бы... просто поговорить с вами. Не знаю, как объяснить, но наше сходство...

— Понимаю, — сказала Марина. — У меня, конечно, не было возможности его как следует оценить, но, думаю, если бы я увидела свою копию, меня тоже мучило бы любопытство. Да, конечно, мне не составит труда выполнить вашу просьбу. Только вот... — Она нахмурилась. — Бульдоги обязательно доложат матери о моем переселении в пансионат, и она может отправить меня обратно домой. Но мы что-нибудь придумаем. Матушка сейчас лежит в больнице и не в состоянии плотно меня опекать. Думаю, я смогу отпроситься у отца. Да, скорее всего. Ну что же, спасибо вам и до завтра. Да, вот еще что: раз уж мы составили заговор и стали сообщницами, может быть, перейдем на «ты»?

* * *

— Ну что? — нетерпеливо спросил Виталий, когда массажистка, натянув свой халат и подхватив чемоданчик, покинула салон и отошла от машины. — Поговорили?

— Поговорили. Все в порядке, — успокоила его Марьяна. — Кстати, Марина раскрыла мне ваше инкогнито, так что можете снять эту дурацкую кепку и очки.

Виталий с видимым облегчением стянул с головы бейсболку, вытер со лба пот, но очки не снял.

— Солнце, — объяснил он, угадав насмешку во взгляде Марьяны. — А я за рулем. Значит, Марина согласна?

— А почему вы не спрашиваете, согласна ли я? — изобразила обиду Марьяна. — Насколько я понимаю, главная роль в вашем спектакле отводится именно мне!

— Да-да, конечно! Разумеется! — с преувеличенным энтузиазмом подтвердил Виталий. — Без вас вся затея просто рухнет. Однако без согласия Марины она не имеет смысла, нэ сэ па?

Марьяна (точнее, Яна, потому что Маша давно и наотрез отказалась от участия в безумной афере) наморщила нос, все больше входя в роль капризной примадонны.

— У вас чудовищный прононс. Буду очень признательна, если вы избавите меня от вашего французского. Что касается Марины, то окончательного решения она еще не приняла. Ей, конечно, до чертиков хочется хотя бы временно вырваться на свободу, но она боится провала. Вы представляете, что учинит ее мамаша, если меня разоблачат?

У Виталия вытянулась физиономия.

— Но...

— Подождите, я еще не закончила, — нахально перебила его Яна. — Несмотря на риск, Марина согласна попробовать, при условии, что я как следует подготовлюсь к рокировке. Сейчас вы отвезете меня к ее подруге Кате...

— Что?! — Предложение поехать к Кате настолько потрясло Виталия, что он напрочь забыл о приличиях и необходимости быть любезным с претенденткой на главную роль в его постановке. — Вы с ума сошли? Никто, абсолютно никто не должен даже догадываться о предстоящей подмене. Иначе вас точно ждет провал!

«Ишь, как возбуждился! — мысленно отметила Яна. — А Марина-то права! Этот субчик определенно затевает какую-то пакость». Она состроила удивленную мину и спросила, наивно распахнув глаза:

— Почему? Марина сказала, что доверяет Кате, как самой себе!

— Вы не знаете Катерину! — горячо заговорил Виталий. — Это экзальтированная, до неприличия болтливая особа. Ради красного словца не пожалеет и отца. Она действительно тепло относится к Марине, но хранить секреты не умеет. И даже если попытается, ее будет так распирать, что любой мало-мальски наблюдательный знакомый сразу почует запах скандала и без труда расколет эту сороку. Разумеется, она возьмет с конфидента честное слово, что он будет нем как могила, но вы же понимаете, какова цена таким обещаниям! Не пройдет и двух дней, как весь город будет обсуждать эксцентричную затею губернаторской дочки.

— Хорошо, давай не будем посвящать Катю в суть плана. Я в гриме, поэтому сама она ни о чем не догадается. Мало ли для чего Марине нужно, чтобы я знала подробности ее жизни и историю семейства! Может, она хочет, чтобы я написала о ней биографический роман.

— Нет! — уперся Виталий. — Если Катерина расскажет кому-то, что Маришка прислала к ней девицу, которая интересуется семейством Турусовых, и это дойдет до ушей Альбины или губернатора, на тебя натравят службу безопасности...

— Придется рискнуть, — отрезала Яна. — Я предпочитаю познакомиться с работой губернаторской службой безопасности до того, как подменю дочь губернатора, а не после. Это, знаешь ли, менее опасно для моей любимой шкурки.

— Ты не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь! Для того чтобы убедительно сыграть роль, я должна знать о Марине все. Сама она подготовить меня не может, потому что на это нужно время, а у нас с ней на все про все максимум полчаса в день. Значит, кто-то должен нам помочь. Марина убеждена, что Катя — лучшая кандидатура. Катя — ее подруга, они знакомы с детства и доверяют друг другу. У Кати есть домашние видеофильмы с Мариной, и мне необходимо их просмотреть, чтобы научиться говорить и двигаться, как Марина, узнать ее характерные жесты, — импровизировала Яна. — И если ты считаешь, что к Кате обращаться нельзя, я отказываюсь участвовать. Провал, знаешь ли, слишком дорого мне обойдется!

— Успокойся, пожалуйста. — Ее угроза явно напугала Виталия, и теперь он лихорадочно пытался придумать выход из положения. — Давай не будем рубить сплеча. Обсудим все спокойно, без эмоций...

Но Яна не собиралась заключать перемирие, тем более что противник дрогнул. Нужно было дожать его, пока он не собрался с силами для новой атаки.

— Не буду я ничего обсуждать! Или мы едем к Кате, или я немедленно возвращаюсь в Москву. Кстати, Марина собиралась позвонить ей и предупредить о моем приезде. Если я не

появлюсь, Кате станет любопытно почему, она начнет названивать подруге, спрашивать, в чем дело. И сторожевые псы, приставленные к Марине, могут заинтересоваться моей персоной. Они доложат своей хозяйке, та поставит на уши свою службу безопасности, и результат будет ничуть не утешительнее, чем если бы Катя разболтала всем о Марининых планах.

После минутной паузы Виталий признал свое поражение.

— Ладно, поехали к Кате. — Он повернул ключ зажигания. — Только ты уж постарайся, чтобы она ни о чем не догадалась, хорошо? Кстати, у тебя грим не потечет? Сейчас довольно жарко.

— Не потечет. Маргарита Павловна сказала, что он на какой-то специальной основе. Даже под софитами не плавится. Слушай, мы что, перешли на «ты»?

— Ну да. Разница в возрасте вроде позволяет. А теперь мы еще повязаны общей тайной. Надеюсь, ты не против?

— Раньше надо было спрашивать. Теперь будет глупо, если мы вдруг опять начнем выкать. Короче, проехали. Ответь мне на один вопрос, дорогой. Почему ты написал мне — это ведь ты писал? — что моя поездка будет короткой? Мне понадобится не меньше двух недель, чтобы вжиться в образ, а потом я должна буду какое-то время подменять Марину. Кстати, как долго? Неделю? Месяц? Ведь не стоило городить огород ради пары-тройки дней.

— Нет, конечно. Я надеялся, что ты освободишь ее хотя бы на две-три недели. А насчет короткой поездки написал, чтобы тебя не отпугнуть. Мало кто решится уехать неведомо куда неведомо зачем надолго. И потом, у меня ведь не было уверенности, что вы с Мариной примете мой план. Если бы любая из вас отказалась, твое путешествие действительно продлилось бы не больше двух-трех дней. А почему ты думаешь, что на вживание в образ тебе потребуется две недели? По-моему, нескольких дней хватит выше крыши.

Виталий старался говорить небрежно, но Яна почувствовала, что вопрос длительности ее подготовки всерьез его тревожит. «Ага, голубчик! Стало быть, тебе позарез необходимо повернуть свою пакость как можно скорее. Что ж, это неплохо. Тебе придется действовать, и действовать срочно. А значит, у меня есть шанс быстро выяснить, что ты затеваешь».

Она злонамеренно сделала вид, что любит мелькающим за окном пейзажем, а вопрос Виталия пропустила мимо ушей. Через минуту он заерзал на своем сиденье и напомнил о себе покашливанием.

— Так что скажешь, Марьяна?

— А? Ты о чем?

— Я говорил, что тебе не нужно долго готовиться. Внешне вы с Мариной неотличимы. У тебя такая же фигура, походка, тембр голоса, даже манера смотреть немного исподлобья. Если ты избавишься от своего чудовищного московского «аканья» и вообще будешь поменьше тянуть гласные, ни одна собака не догадается, что ты ее подменила.

— Собака как раз догадается. Учует.

— Может быть, но Турусовы не держат собак. Тебе нечего опасаться.

— В самом деле? А друзья дома, знакомые? Хорошо я буду выглядеть, если ко мне обратится неизвестная личность и начнет расспрашивать, как здоровье какой-нибудь Анны Ивановны и куда подевался неведомый Николай Андреевич! Или вдруг свалится мне на голову Маринин друг детства, перебравшийся на ПМЖ в Америку, и захочет узнать, куда раскидало общих знакомых. Или мой предполагаемый папенька ударится в сентиментальные воспоминания и решит выяснить, что мне запомнилось из поездки в Карловы Вары

десятилетней давности.

— Все это крайне маловероятно. Марина — не совсем обычный человек. Мать всю жизнь держала ее в строгой изоляции. Если Альбина замечала, что дочь к кому-то тянется, этого человека тут же изымали из обращения. В результате Марина выросла очень замкнутой и немногословной. Поэтому никто не полезет к тебе с задушевными разговорами и не удивится, если ты не захочешь предаваться воспоминаниям о детстве. Единственное, что тебе действительно стоит освоить, так это вежливо-отчужденную манеру держаться и умение молчать. Знаешь, есть люди, которые чувствуют себя неуютно, когда в разговоре возникает пауза, и изо всех сил стараются ее заполнить. Так вот, Марина к этой категории не относится. Она открывает рот только тогда, когда к ней обращаются с прямым вопросом, и даже в этом случае частенько отделяется каким-нибудь неопределенным междометием.

— Странно, я ничего такого не заметила.

— Ты встретила с ней при таких обстоятельствах, когда она просто вынуждена была разговаривать. Причем объяснить нужно было многое, а времени было мало. Неудивительно, если ты сочла ее болтушкой.

— Нет, болтушкой она мне не показалась, — улыбнулась Яна. Тут течение ее мыслей необъяснимым образом поменяло направление, и она вспомнила о своем обещании вытрясти из Виталия жирный гонорар. — Да, мы же еще не обсудили условия моего участия в твоём грандиозном проекте. Будем считать, что ты ангажировал меня на месяц. Я хочу получить за работу десять тысяч баксов.

— А не жирно будет? — покосился на нее Виталий.

— В самый раз, — отрезала Яна. — У меня ответственное и опасное задание. Если во мне распознают самозванку, вам с Мариной сильно не поздоровится, а с меня так вообще снимут шкуру. Или упекут за решетку на неопределенный срок. Мне придется постоянно быть настороже, и неизвестно еще, как такое напряжение скажется на моей психике. Только мысль о достойном вознаграждении способна укрепить мой дух и дать силы продержаться до конца.

— Ну ты даешь! — усмехнулся Виталий. — Долго речь-то репетировала? Ладно, убедила. Получишь свои десять тысяч.

— Половину вперед.

— Что? Да ты, я гляжу, совсем зарвалась! Нет, об этом не может быть и речи! Какие у меня гарантии, что ты не свинтишь завтра же в свою Москву, прикарманив мои денежки?

— Партнерам нужно доверять. Я же не спрашиваю, какие у меня гарантии, что ты честно со мной рассчитаешься после того, как я выполню свои обязательства!

— Если я тебя кину, ты можешь наступать на меня Турусову или его жене. Они найдут способ со мной по квитаться!

— Это не поможет мне получить деньги. Ты тоже можешь за пару сотен нанять каких-нибудь алкашей, чтобы они меня как следует отдубасили. Или даже заняться этим приятным делом лично.

— А если Марина в конце концов откажется? Если что-нибудь случится, и подмена станет неосуществимой?

— Тогда я верну тебе половину аванса. Ты же в любом случае предлагал мне тысячу — только за одну беседу с Мариной. Посему полторы тысячи за мои старания и переживания не должны показаться тебе слишком большой суммой. Впрочем, не хочу на тебя давить. Решай сам: или я сегодня же получаю свои пять штук, или мы завтра расстаемся друзьями.

Виталий мрачно молчал.

«Странно, — подумала Яна. — Как легко он согласился на десять тысяч, и как взвился, когда я потребовала половину сейчас. Уж не означает ли это, что он не собирался платить вовсе? Но ведь я действительно могу доставить ему кучу неприятностей... Да, но только в том случае, если останусь в живых. Ох, Марина, похоже, чутье тебя не обмануло! Этот Иуда явно затевает первосортную мерзость».

— Ладно, — буркнул Виталий. — Договорились. Только на себе я таких денег не ношу. До завтра дело терпит?

— Терпит, — покладисто согласилась Яна. — Только не вздумай кормить меня «завтраками» каждый день. Твое дело заплатить, а о своем питании я позабочусь самостоятельно.

Тем временем сельский пейзаж за окном уступил место городскому. Город понравился Яне куда больше, чем унылая пыльная равнина, которая его окружала. Зеленые газоны с цветочными клумбами и плакучими ивами, тенистые липовые аллеи, разномастные дома — от частных избышек и старых двух-трехэтажных домиков до типовых панельных многоэтажек — свежоштукатурены, тротуары выложены плиткой — пусть и не разноцветной, как в пансионате, а скромной серой, но тоже с узором.

— Что это за город?

— Старград, — сухо бросил Виталий, еще не оправившийся после недавнего поражения. — Мы почти приехали. Кстати, нужно позвонить Катерине. Вдруг Марина ей не дозвонилась. Или ее нет дома. — Виталий вытащил из кармана ветровки мобильник, пробежался пальцами по кнопкам и протянул Яне. — Нажми на о'кей.

— Может, ты сам позвонишь? Мне неловко, мы незнакомы...

— Меня Катерина на дух не выносит. Может не дослушать, трубку бросить.

— Тем не менее ты ее номер телефона на память знаешь?

— Он записан в памяти мобильного. Одно время нам часто приходилось общаться. Ну, звони, чего ты жмешься?

— А что я скажу?

— Позовешь Катю, скажешь, что ты от Марины. Спросишь, не может ли она сейчас с тобой встретиться. Да что я тебя учу! У самой язык подвешен — дай Бог каждому.

Яна с сомнением на него посмотрела и неохотно нажала на кнопку «о'кей». Через несколько секунд молодой женский голос произнес:

— Алло?

— Добрый день. Могу я попросить к телефону Катю?

— Я слушаю.

— Катя, я... меня прислала Марина. Она вам не звонила?

— Вы — Яна? Я вас жду. Запишите адрес.

На первый взгляд Марьяне показалось, что Катя, маленькая подвижная шатенка с живыми черными глазами, в точности соответствует характеристике, данной Виталием: жизнерадостная экзальтированная болтушка, патологически не способная хранить чужие секреты. Но очень скоро выяснилось, что впечатление это ложно. Жизнерадостная — да, экзальтированная — возможно, болтушка — очень может быть, но уж что-что, а тайны она хранить умела.

— Яна? Счастлива с вами познакомиться. (Марьяна испугалась, что эта темпераментная малютка сейчас заключит ее в пламенные объятия, но малютка в последнее мгновение

одумалась и решила ограничиться крепким дружеским рукопожатием.) Я, как вы понимаете, Катя. Проходите в мою берлогу. Сейчас дома никого нет, но скоро вернется баба Ньюша и непременно начнет вертеться под ногами.

Берлога оказалась весьма занятной комнатой. Темно-синие обои и плотные, под цвет обоев, шторы, успешно поглощающие свет даже в такой солнечный день; на стенах — маленькие бра, стилизованные под бронзовые масляные светильники; на полу — мохнатый белый ковер и россыпь цветастых подушек; приземистая тумба с настольной лампой и полностью закрытая мебельная «стенка» из какой-то темной древесины. Другой мебели в комнате не было.

— Присаживайтесь. — Хозяйка гостеприимно показала на подушки. — Если будет неудобно, можно лечь прямо на ковер. Он чистый, каждый день приходится пылесосить. А не хлопнуть ли нам по рюмашке? За знакомство, а заодно и на брудершафт. Только не говорите мне, что ведете исключительно трезвый образ жизни. Вы меня просто убьете!

— Не буду говорить, — пообещала Яна, засмеявшись. — Я очень даже не прочь хлопнуть по рюмашке.

— Да? Вы возвращаете меня к жизни! — Катя стремительно кинулась к темному шкафу, отодвинула в сторону узкую створку, и с сомнением уставилась на содержимое отсека. — Вы что предпочитаете? Ром, джин, водку, текилу... — Она подвигала бутылки. — Шнапс, кальвадос, коньяк, арманьяк, виски?..

— А нет ли чего-нибудь полегче? — робко спросила Яна, ошеломленная изобилием крепких напитков.

— Полегче? Нет проблем!

Катя слегка наклонилась и принялась изучать содержимое полки пониже, но Яна, предчувствуя, что гостеприимная хозяйка собирается огласить очередной пугающе длинный список алкогольных напитков, поспешила втиснуть в короткую паузу свою реплику:

— Что-нибудь на ваш выбор, пожалуйста.

— Кампари годится? — Катя извлекла из недр бара длинную узкую бутылку с рубиновой жидкостью, хищно вспыхнувшей в приглушенном свете бра. Яна кивнула, и хозяйка шустрой птичкой перепорхнула к тумбе, поставила на нее два бокала дымчатого стекла, налила в каждый вина на три пальца и протянула один гостю. — Руку вот сюда... так. Ну, за знакомство! До дна.

Выпив, девушки расцепили руки, троекратно расцеловались и устроились на подушках по разные стороны тумбы. Катя пошарила рукой по коврику, водрузила на тумбу морскую раковину-пепельницу, извлекла из кармана короткого халатика плоскую пачку «Вог» и зажигалку.

— Куришь?

— Вообще-то нет, но за компанию могу. — Яна вытянула сигарету, склонилась над огоньком зажигалки, осторожно затянулась, выпустила дым и спросила: — Марина намекнула тебе, с каким поручением меня посылает?

— Смеешься? Мы с ней уже лет десять общаемся, как шпионы в тылу врага, исключительно шифровками. Причем короткими, чтобы проклятые фашисты не догадались, что сообщения зашифрованы, и не попытались найти ключ. Я знаю только, что ты приехала по Маришкиной просьбе и что ей нужна моя помощь.

— А «проклятые фашисты» тоже это знают?

— Не должны. Хотя... — Катя нахмурилась. — Вообще-то она воспользовалась самым

плохоньким шифром. Обычно мы прибегаем к нему, когда сообщение не очень секретное, когда нет времени на качественную кодировку или под рукой не оказалось... ладно, не важно. Тебе эта кухня ни к чему.

— Что ты, мне ужасно любопытно.

— Извини, подруга, но будет лучше, если мы опустим детали. Дело не в том, что я тебе не доверяю. Раз уж Маришка, сама осторожность, прислала тебя с тайным поручением, о недоверии не может быть и речи. Просто... Понимаешь, это наш единственный способ обмена информацией, не предназначенной для чужих ушей. И если Маришкина мамаша с ее маниакальным стремлением влезть в самые сокровенные глубины дочкиной души и натоптать там кирзовыми сапогами до сих пор ни о чем не пронюхала, то только потому, что мы обе держим свой маленький секрет при себе. Я даже с близкими друзьями никогда на этот счет не откровенничаю, чтобы случайно не ляпнули лишнего. Ты ведь не обиделась, правда? А по поводу «архангелов» не переживай. Чтобы вытащить из Маришкиной телефонной болтовни нужные сведения, они должны были записать наш разговор, догадаться, что этот треп маскирует зашифрованное сообщение, и найти ключ к шифру. А поскольку этим конкретным шифром мы пользуемся крайне редко, а другие без дополнительной подсказки расшифровке не поддаются, то и волноваться, по-моему, нечего. А здесь нас точно никто не подслушает, даже если встанет под окнами и будет снимать лазером колебания стекол. Видишь эти шторы? Если разговаривать негромко, они гасят колебания, я проверяла. И квартиру на предмет «клопов» сканировала — как раз перед твоим приходом.

— Ну и дела! — Яна покачала головой. — Я будто угодила на страницы шпионского романа. Кстати, поручение, которое дала мне Марина, имеет прямое отношение к этим шпионским штучкам. Она подозревает, что ее мать и любовник матери Виталий замышляют против нее какую-то пакость. Мать в последнее время нехорошо на нее посматривает, а Виталий придумал сомнительную аферу, которая якобы позволит Марине вырваться на свободу, и чуть ли не на коленях умоляет ее принять план.

— О, эта парочка друг друга стоит! — процедила Катя сквозь зубы и ввинтила окурок в пепельницу. — Будь моя воля, я бы держала их в серпентарии, под во-от таким толстенным стеклом! И что же за аферу этот крысеньш предлагает?

Марьяна открыла было рот, но что-то словно толкнуло ее изнутри: «Молчи! Никто не должен знать о вашем сходстве!»

— Не знаю, — проямлила она. И, сообразив, что это прозвучало неубедительно, зачастила: — Понимаешь, у нас почти не было времени на разговоры. Я пришла всего на полчаса якобы сделать ей массаж. Сначала болтали о пустяках, Марина, наверное, присматривалась, решала, можно ли мне доверять. А когда решила, сеанс подошел к концу. Задерживаться я не могла, чтобы не насторожить охранников. Поэтому она объяснила мне все буквально в нескольких словах. У тебя есть приятель, который занимается системами безопасности. Марина надеется, что ты сможешь достать через него все необходимое для слежки. А я прослежу за Виталием, дождусь, когда он встретится с ее матерью, подслушаю их разговор и узнаю, что они затевают...

Катя с сомнением покачала головой.

— Маришка чего-то не додумала. Приятель у меня действительно есть. И даже оборудование для слежки имеется — взяла у него поиграться. Но ведь Виталий с Альбиной в последнее время встречаются только в больнице, и охрана наверняка следит, чтобы

посетители не натаскали в палату «насекомых». Но даже если посетителей проверяют не всех или не всегда, подслушать их разговор будет сложно. Маленькие «клопики», те, что можно незаметно пристроить на одежде или обуви, довольно маломощны. Погоди, я тебе сейчас покажу. — Она одним неуловимым движением подбросила себя с пола и перелетела от тумбы к «стенке». Открыла дверцу, покопалась в секции и вот уже снова оказалась подле Яны, держа в руках небольшую картонную коробочку, похожую на коробок для канцелярских скрепок. — Смотри. Тут «жучки» оптимального размера. С одной стороны, на одежде такого же цвета их трудно заметить, с другой — мощности излучения хватит на пятьдесят метров, если подслушиваешь через стены, и до пятидесяти на открытой местности. Значит, чтобы подслушать разговор в клинике, ты должна находиться в той же клинике, желательно в соседней палате. А туда без пропуска не попадешь. Конечно, я могу устроить тебе пропуск через знакомых, но это займет несколько дней, да и знакомые заинтересуются: зачем, да по какому случаю? Оно нам надо? Еще ты можешь лечь в клинику официально, но тогда накроется твоя слежка за Крысеньшем, а за Гадюкой тебе, скорее всего, следить не дадут — клиника битком набита охраной. Остается единственная возможность: подслушивать с улицы, стоя под окнами палаты. А там тебя моментально засекут.

Яна держала коробочку и осторожно перебирала крохотные микрофончики. Больше всего они напоминали миниатюрные рыболовные крючки с бисеринками вместо ушка для лески. Только бисеринки были каких-то унылых оттенков серого, черного, коричневого цветов и без глянца.

— За Виталием, конечно, последить можно, — продолжала Катя. — Он — мелкая шавка, до личной охраны еще не выслужился. Но смысл? Вряд ли он начнет обсуждать свои пакостные планы с каждым встречным-поперечным. Короче, сомневаюсь я, что от всего этого будет толк.

— Но попробовать-то можно, — сказала Яна, поставив коробочку на тумбу. — Я не знаю, что Виталий с... Альбиной задумали, но, предположительно, им потребуются помощники или исполнители. А значит, Виталий должен с кем-то встречаться и о чем-то договариваться. А потом отчитываться перед Альбиной. Возможно, все мне и не удастся подслушать, но и кое-что — уже хлеб. По крайней мере, будем иметь хоть какое-то представление, откуда ждать удара. А если у меня совсем ничего не выйдет... что ж, хуже-то не будет, верно?

— Ну-у, не знаю, — с сомнением протянула Катя. — Если Гюрза каким-то образом выяснит, что ты следишь за ее холуем по поручению дочери, вам с Маришкой мало не покажется. Так что ты уж действуй поаккуратнее, ладно? На рожон не лезь. Машина у тебя есть? (Яна покачала головой.) А права?

— Нет.

— Откуда ты явилась, душенька? Как же ты собираешься следить за типом, который пешком ходит только в ближайший магазин, да и то не всегда? Трусцой будешь бегать за его «шестеркой» — на радость прохожим?

— Нет, я... — Марьяна, не успевшая еще продумать до мелочей план операции, замялась. — Я думаю нанять водителя с машиной.

Катя внимательно на нее посмотрела.

— Ты ведь не местная, да? Не трудись отнекиваться, поговору слышу. Так откуда тебе знать, что этот водитель не побежит с донесением к начальнику турусовской службы безопасности? Или, еще вероятнее, не расскажет о тебе дружкам-подружкам?

— Я еще не успела толком все продумать, — честно призналась Марьяна. — Ты мне поможешь?

Катин взгляд смягчился.

— Что-нибудь придумаем. — Она потянулась к бутылке. — Давай еще по маленькой для просветления мозгов и за успех мероприятия?

— Давай. Только немного. Из меня и трезвой, как видишь, шпионка не слишком умелая получается, а уж если напьюсь...

— Не напьешься. Мы по капельке. — Катя протянула гостье бокал, чокнулась с ней, выпила и принялась рассуждать вслух: — Значит так: нам нужен водитель с машиной, умеющий держать язык за зубами и располагающий массой свободного времени... Игорек не пойдет, он сейчас загружен, как рабочий слон. У Ветлицкого машина в ремонте, и вообще он трепло... Серегу Макарова жена пасет, что твоя овчарка. Может, Ленку Ильину попросить? Да ну, она еще ломаться начнет... и «Шкода» у нее чересчур яркая, в глаза бросается. Ха! Шурик Бессмертнов — вот кто нам нужен. Фирма его уже полгода как прогорела, с новой работой проблемы. Шурик раньше очень неплохую деньгу зашибал, и за меньшую зарплату продаваться не хочет. Все ждет, что найдутся добрые дяди, которые сумеют оценить его по заслугам. А у них с Ириной, между прочим, маленький ребенок, и все сбережения они уже проели. Поэтому Шурик хватается за любую халтуру, лишь бы платили по-божески и трудовую книжку не требовали — все надеется дотянуть до счастливого мига встречи с добрыми дядями. Машина у него — маленький темно-синий «пежо». Не болтун, не сплетник. Короче, нам подходит. Сейчас попробуем договориться.

Она вскочила и выпорхнула из комнаты, а через неполную минуту вернулась с трубкой радиотелефона и толстой растрепанной записной книжкой.

— Алло, Ирка? Привет, это Катя Кондратьева. Твой благоверный дома?.. Да вот, хочу подбросить ему халтурку. Он как, на работу еще не устроился?.. Нет, это ненадолго, всего на несколько дней... Точно не знаю, будет зависеть от обстоятельств. Может, на два дня, может, на неделю... Ничего сложного, нужно будет повозить одного человека по городу и области... Сто баксов в день и бензин за счет клиента. Но своего благоверного ты почти не будешь видеть. Возможно, он даже не сможет ночевать дома. Только не подумай чего плохого... Вот это я понимаю! — Катя хихикнула. — И правда, зачем еще они нужны?.. Сотовый? Только старый, двухлетней давности... Не менялся? Поняла, спасибо. Чмокни за меня чадо! Пока. — Катя нажала на кнопку и улыбнулась Яне. — Так, полдела сделано. Ирина не возражает. Говорит, за сто баксов в день готова сдать мужа напрокат в публичный дом. Осталось только Шурика уломать, но это несложно, он парень сговорчивый. — Она сверилась с записной книжкой и пробежалась пальцами по кнопкам трубки. — Алло, Шурик?.. Угадал! Ты сейчас очень занят? Я имею в виду ближайшие несколько дней... Это хорошо. У меня к тебе солидное деловое предложение. Не мог бы ты повозить по городу и окрестностям одну мою знакомую?.. Точно не знаю, от трех дней до недели... Сто долларов в сутки, но учти, работать, возможно, придется круглосуточно. И еще — дело у нее деликатное, поэтому об этих поездках тебе придется помалкивать... Может быть, лучше будет сказать, что ты на несколько дней уезжаешь, везешь клиента в другой город... Ну, не знаю... Об этом сами договаривайтесь. Сейчас дам трубку. Девушку зовут Яна. — Катя протянула аппарат Марьяне и, видя, что та колеблется, шепнула: — Смелее. Шурик совсем не страшный, можешь мне поверить.

— Я не боюсь. Просто не люблю и не умею разговаривать по телефону с незнакомыми

людьми.

— Что, пригласить его сюда?

Марьяна вспомнила о Виталии, поджидающем ее в машине у подъезда, отрицательно покачала головой и взяла трубку.

— Алло, Александр?

— Можно не так официально? — По голосу было слышно, что мужчина на том конце провода улыбается. — Я гораздо лучше себя чувствую, когда меня называют Шуриком. В крайнем случае — Сашей. Но вас, уважаемый босс, могу величать по имени-отчеству, если желаете.

— Не желаю, — сухо сказала Марьяна. — Яна — вполне достаточно.

— Договорились. Итак, когда вы хотите нанять нас с Буцефалом, Яна?

— Чем скорее, тем лучше.

— Замечательно. Я освобожусь примерно через полчаса. Куда мне подъехать?

Яна метнула быстрый взгляд в сторону Кати, пытаясь сообразить, удастся ли ей потом придумать правдоподобное объяснение своим странным инструкциям, но в эту минуту Катя, то ли по счастливому стечению обстоятельств, то ли догадавшись о ее трудностях, шепнула: «Я сейчас» — и исчезла за дверью.

— Вам знакомо местечко под названием Ковыли? — быстро спросила Яна.

— Станция? — уточнил Шурик. — Знаю такую.

— Когда освободитесь, поезжайте туда и подождите меня на вокзальной площади. Кажется, ваш Буцефал темно-синей масти?

— Точно. Будет исполнено, мэм. Всего доброго и до встречи.

— До встречи.

Катя вернулась через несколько минут, волоча за собой сервировочный столик с чайником, чашками и различной снедью, разложенной по тарелкам. Взглянув на натюрморт, Яна поняла, что зверски проголодалась, ведь в последний раз она ела утром, еще в поезде, если стаканчик йогурта и несколько печений можно назвать едой. Уловив оживление во взгляде гостыи, Катя шумно вздохнула и покаянно ударила себя кулачком в грудь.

— Прости, хозяйка из меня никудышняя. Надо было сразу выставить закуску, а я, алкоголичка безмозглая, даже не почесалась. Теперь ты на меня обидишься и не придешь рассказать, чем дело кончилось?

— Не говори глупостей. Я не знаю, как тебя благодарить. Без тебя вообще ничего бы не получилось...

— Не смущайся, это у меня юмор такой. А что до благодарности, то тут еще вопрос, кто кому должен. Маришка — моя любимая подруга. По идее, это мне следовало бы красться по пятам за ее недругами. Но если я исчезну из дома неведомо на сколько и буду заниматься неведомо чем, мои демократичные предки могут неправильно меня понять и перековаться в деспотов и сатрапов. Ладно, ты пока заправься, а я пошарю по сусекам, поищу денежку.

— Зачем? То есть... это не для меня?

— Должна же ты заплатить Шурику. Он, конечно, парень добрый и бескорыстный, но у него сейчас нелегкие времена, да Ирочка надуется, если он заявится домой с пустыми карманами.

— Катя, у меня есть деньги. Мне... Марина дала.

Катя застыла на месте и посмотрела на Яну с подозрением.

— Марина? Да у нее сроду рубля в кармане не завалялось! Добрая мамочка все деньги

на расходы выдавала только сопровождающим дочери — гувернанткам, секретарям, шоферам да телохранителям.

— Она... взяла у Виталия.

Катя вытаращила глаза, потом запрокинула голову и расхохоталась.

— Ну, Маришка! Ну, чертовка! Оплатить слезку из кармана объекта слезки, причем даже не мужа, это я вам скажу — фортель! Ох, молодчина!

* * *

Обратная дорога до Ковылей показалась Марьяне сущим наказанием. Во-первых, Виталий упорно пытал ее, о чем Катерина ей рассказала и чем они вообще занимались. Яна, у которой совершенно вылетело из головы, что она отправилась к Кате под предлогом ознакомления с подробностями биографии Марины, была совершенно не подготовлена к этому допросу. Проямлив что-то о просмотре домашнего видео и сочинив пару-тройку эпизодов из детской жизни подруг, она довольно неловко перевела разговор на тему Катиных достоинств. («Знаешь, мне совершенно не показалось, что она не умеет хранить секреты».) Виталий занервничал и, к несказанному облегчению Марьяны, сменил пластинку — теперь его интересовало, не сказала ли она Катерине чего-нибудь лишнего. Яна не отказала себе в удовольствии немного его помучить, но, опасаясь перегнуть палку, в конце концов честно призналась, что Кате ничего не известно ни о его намерении заменить Марину дублершей, ни о самом факте его знакомства с Марьяной.

Вторым обстоятельством, превратившим не слишком утомительную автомобильную прогулку в форменное мучение, была необходимость незаметно активизировать и удачно пристроить подслушивающие устройства. В принципе, активизировать их было совсем несложно — надавить на головку-«бусинку» и слегка повернуть ее по часовой стрелке. Сообрази Яна сделать это заранее, и вся операция заняла бы у нее несколько секунд. Но она не знала точно, куда посадит «жучков», и сомневалась, что сумеет правильно подобрать цвета, а потому ей пришлось заняться этим в машине, под носом у Виталия. Первые несколько попыток вышли настолько неловкими, Марьяна так откровенно нервничала, так часто и опасно косилась налево, так суетливо и бестолково рылась в сумочке, что Виталий явно почуял неладное и посматривал на свою пассажирку со все возрастающим подозрением. В конце концов Яна была вынуждена намекнуть на определенные женские проблемы и попросила остановить машину у кустиков в безлюдном месте. При всей своей унизительности эта выдумка оказалась удачной: Яна без помех выбрала и привела в рабочее состояние трех «жучков», пристроила под левым задним крылом жигуленка «маячок» и успокоилась. Виталий, решив, что понял, чем вызвана нервозность сообщницы, перестал сверлить ее подозрительным взглядом, что позволило ей относительно легко прицепить к нему двух «жучков» (одного — в складках резинки, стягивающей полы его ветровки, второго — на окантовку мокасин) и поместить третий в щель между спинкой и сиденьем пассажирского кресла.

И, наконец, третья проблема заключалась в том, что Марьяна никак не могла придумать предлог, который позволил бы ей задержать Виталия в Ковылях. Ей обязательно нужно было заехать к Маргарите Павловне — во-первых, успокоить старушку, чтобы она не подняла на ноги местную милицию, во-вторых, снять грим и, в-третьих, разжиться какими-нибудь

нехитрыми средствами, позволяющими менять внешность даже новичку, не имеющему навыков гримера и визажиста. Уговорить Виталия отвезти ее к Маргарите Павловне не составляло труда — достаточно было сказать, что им нужно договориться с гримершей о дальнейшем сотрудничестве. Но как устроить, чтобы он согласился подождать, пока она будет шептаться со старушкой, а потом отвез ее к гостинице, неподалеку от которой Яна будет ждать Шурик на Буцефале? Можно, конечно, просто попросить, но нет никакой гарантии, что Виталий отнесется к просьбе с пониманием. С какой стати он должен караулить ее неизвестно сколько, чтобы подвезти до гостиницы, до которой всего несколько минут ходу, причем заблудиться невозможно, поскольку дорогу до вокзала в Ковылях знает каждая собака? Что она, принцесса на горошине? Но если Виталий уедет сразу, как только договорится с гримершей, на сегодняшней слежке за ним можно поставить крест. Пока Яна переговорит с Маргаритой Павловной, поменяет маскировку и добежит до вокзальной площади, его «жигуленок» безнадежно оторвется от преследователей.

Как она ни ломала голову, ничего толкового придумать не удалось. Уже в доме Маргариты Павловны, когда Виталий объяснил старушке, что ее услуги потребуются им еще несколько дней, договорился о плате, попрощался и вышел в сени, Марьяна рванулась за ним и от отчаянья прибегла к примитивнейшей уловке:

— Подожди меня в машине. Я должна тебе кое-что сказать, — шепнула она, понятия не имея, о чем собирается с ним говорить.

Но, примитивная или нет, уловка сработала. Виталий посмотрел на сообщницу недовольно и, видимо, не без труда подавил искушение отказаться и сразу выяснить, что ей нужно, однако, поколебавшись, буркнул:

— Ладно. Только недолго.

В итоге все как-то утряслось. Яна убедила Маргариту Павловну, что в их тайне нет ничего криминального (наплела что-то об адюльтере в высших кругах и любовнице, надумавшей обзавестись дублершей для алиби), избавилась от надоевшего грима, выпросила у старушки напрокат пару паричков и скромный набор из капы и латекса, выслушала краткую лекцию об основах искусства изменения внешности, за неимением более удачной идеи устроила Виталию спектакль на тему «мне страшно, у меня ничего не выйдет», получила в ответ порцию утешительных заверений, что все у нее получится, и доехала до постоянного двора «Пионер» в желанном обществе объекта слежки.

В гостинице Яна задержалась на две минуты — ровно столько понадобилось ей, чтобы предупредить дежурную о своем возможном загуле, нацепить один из паричков, солнечные очки и нарисовать помадой более полный и бесформенный рот. Решив, что этой нехитрой маскировки вполне достаточно, чтобы Шурик и другие жители Старграда не заметили ее сходства с губернаторской дочкой, Яна побросала в пластиковый пакет кое-какое барахлишко и выскочила из гостиницы на привокзальную площадь.

Машину Шурика она, как и предполагалось, узнала сразу. (Едва ли стоило опасаться, что привокзальная площадь в Ковылях будет забита темно-синими «пежо».) Сам Шурик понравился ей с первого взгляда — не потому, что был красавцем или отличался особым мужским обаянием, а потому, что от этого смешного увальня с маленькими глазками, толстыми щеками, ярким румянцем и спиральками закрученных в штопор каштановых волос, торчавших во все стороны, так и веяло ленивым флегматичным добродушием.

— Вы — Яна? — спросил он, когда девушка лихо впрыгнула в его машину, оглушительно хлопнула дверцей и открыла рот, чтобы отдать команду «Полный вперед!».

— Ага. А вы — Шурик. Или лучше — Саша? Впрочем, наши предпочтения выясним после. А сейчас трогайте скорее своего жеребца, нам нужно нагнать бежевую «шестерку», которая выехала с этой площади три минуты назад. Она едет в Старград, по крайней мере, я от души на это надеюсь.

Шурик завел мотор, но стартовать не спешил.

— Что же вы! — нетерпеливо крикнула Яна. — Трогайте! Упустим!

— Минутку придется подождать. Мотор прогревается.

— Как это — прогревается? Тепло же на улице!

— Все равно. Да вы не волнуйтесь, Яна, догоним мы вашу «шестерку». Буцефал у меня резвый коник, только вот обрусел малость за шесть лет — запрягать долго приходится. Ну вот, уже и поехали.

Невозмутимость и добродушие не изменили Шурику, даже когда он узнал, что Яна не просто хочет догнать бежевую «шестерку», а собирается следить за водителем, причем слезка продлится неопределенное время и один бог ведает, когда и где преследователям доведется нормально отдохнуть, выспаться, принять душ и вообще почувствовать себя людьми. Это открытие вызвало у достойного тезки Александра Великого мягкую улыбку и глубокомысленное философское замечание:

— Раз надо, значит, надо.

И, что характерно, зачем «надо», даже не полюбопытствовал. Более того, когда Марьяна вспомнила, что должна выйти на связь с Ленкой Купцовой, и нерешительно покосилась на своего шофера, прикидывая, о чем можно и о чем нельзя говорить в его присутствии, Шурик немедленно догадался о ее трудностях и выразил готовность пойти прогуляться, дабы не смущать девушку своим присутствием.

Словом, с помощником Яне повезло. Но на этом ее везение кончилось. Слезка за Виталием принесла только бесчисленные неудобства, нелепые положения и нервотрепку. Чего стоило одно бдение в подъезде «объекта», где Яна с Шуриком неловко изображали влюбленных! А ночевка у алкоголиков, соседей Виталия с верхнего этажа, приютивших за бутылку водки и полтинник «возлюбленную пару» в своем загаженном свинарнике! А дурацкий визит Шурика к Виталию, нанесенный по настоянию Яны, когда выяснилось, что «объект» оставил ветровку и обувь в прихожей, из-за чего прослушивать его телефонные разговоры не представляется возможным! Чтобы добраться до комнаты и кухни и оставить там «насекомых», святой Шурик согласился перевоплотиться в ревнивого мужа, явившегося с претензиями к предполагаемому любовнику жены. Яна чуть не умерла от неловкости и сострадания, когда подслушивала эту сцену, сидя в гостях у алкоголиков. При этом ей приходилось выдавать приемник за плеер, себя — за меломанку, да еще поддерживать беседу со словоохотливыми хозяевами, не снимая наушников.

И все напрасно. Весь Янин улов за вечер и ночь составили два телефонных разговора Виталия. Первый — еще в машине по дороге в Старград, когда он позвонил неведомому Ивану Сергеевичу, которого не оказалось дома, и второй, на ночь глядя — с мамочкой, справлявшейся, как у сыночка дела и когда он сподобится навестить родителей, живущих, между прочим, в двадцати минутах ходьбы от ненаглядного чада.

Утро тоже не принесло ничего хорошего. На этот раз интересующий Яну разговор как раз состоялся. Виталий с утра поехал в клинику навестить мать Марины. И, судя по всему, получил от нее отменную выволочку. Только вот подслушать этот любопытный диалог Яне, как и предупреждала Катя, не удалось. Просочиться в клинику без пропуска оказалось

совершенно невозможно, а зона излучения «жучков» была явно меньше, чем расстояние от палаты до входа в клинику — в наушниках раздавался только треск. Расстроившись, Яна не сразу вспомнила слова Кати о том, что существует возможность подслушать Альбину с Виталием, если встать под окнами палаты. А когда вспомнила, еще несколько минут колебалась с принятием решения — ведь Катя была уверена, что под окнами ее непременно засекут. Но в конце концов Яна все же решила рискнуть и неторопливо — чтобы не привлекать к себе внимание — двинулась в обход здания. Обогнув фасад, она к своей радости услышала, что треск в наушниках складывается в какое-то подобие человеческой речи. Только слов все равно было не разобрать. Слышны были только голоса: виноватый и уговаривающий мужской и язвительно-резкий — женский. Но тут женщина перешла на крик, а Яна прошла еще с десятков метров, и ей наконец удалось расслышать несколько фраз:

— ...надеешься, что я не выживу? Не мечтай, уж на тебя-то у меня времени хватит! Если через две недели не будет результатов, можешь писать завещание! Даю тебе последний шанс! Все, разговор окончен, убирайся!

Однако этого куцега обрывка было явно недостаточно, чтобы составить представление о планах сладкой парочки. А потом Виталий сел в машину и отправился напрямик в Ковыли, и Шурику пришлось гнать, как безумному, чтобы Яна опередила Крысеньша хоть на несколько минут и успела устроиться в кресле Маргариты Павловны.

— Боюсь, ты будешь ругать меня за самодеятельность, — виновато сказала Марьяна и опустила глаза. — Я решила заняться слезкой самостоятельно. Во-первых, не хотелось отрывать от дел занятого человека — я-то все равно в отпуске. А во-вторых... мне показалось, что неразумно полагаться в таком интимном деле на постороннего, в общем-то, человека. Я понимаю: Кате ты полностью доверяешь и, по-моему, правильно. Но ее приятель — это ведь совсем другой коленкор. Вдруг он случайно проболтается? Или даже не случайно. Наверное, это похоже на паранойю... но Катя тоже призналась мне, что не имеет привычки делиться вашими секретами со своими друзьями. Короче, я самонадеянно взялась сама вести слезку за Виталием. И облажалась. — Тут она наконец оторвала взгляд от пола и посмотрела на Марину. — Если хочешь, можешь меня уволить. Виталий сегодня разговаривал с твоей матерью, а я не сумела их подслушать. Профессионал наверняка бы что-нибудь придумал, чтобы подобраться поближе к этому чертову «жучку»!

— Не переживай. — Марина слабо улыбнулась. — Приятель Кати тоже не профессионал. То есть он хороший электронщик, но в том, что касается слезки, полный профан. Кроме того, ты права. Привлекать малознакомого человека к решению моих проблем, скорее всего, опасно. Ну что же, значит, из моей затеи ничего не вышло...

— погоди, Марина, не торопись сдаваться. Во-первых, ты права: похоже, Виталий и твоя мать действительно затевают какую-то гадость. Во всяком случае, Виталий вчера здорово всполошился, когда я потребовала, чтобы он отвез меня к Кате. Наговорил про нее кучу гадостей, обозвал болтушкой, сорокой, обвинил в патологическом недержании речи и чужих тайн. Кстати, ты в курсе, что твоя подруга называет его Крысеньшем? По-моему, очень удачное прозвище. Потом, уже после Кати, Крысеньш долго выпытывал, что я ей сказала, да не проговорила ли о подмене и его участии в деле. А эта ругань сегодня утром — я все-таки расслышала, что они ругались — доказывает, что твоя мать имеет самое непосредственное отношение к интригам Крысеньша.

— Не обязательно, — меланхолично возразила Марина. — С тех пор как мама

убедилась, что ее связь с Виталием меня не задевает, она обращается с ним, как Салтычиха со своими холопами.

— Да? Но все равно я уверена, что тут она приложила руку. По своей инициативе Виталий ни за что не решился бы тебе напакостить — он же боится твоей маман до диареи. И вот еще что: мне кажется, что бы они ни задумали, сам Крысеньш этим заниматься не станет — слишком труслив. Значит, постарается найти пособников. И будет с ними контактировать. Тут-то я его и подловлю. В смысле подслушаю. Надеюсь, место их встречи не будет охраняться, как засекреченный объект или эта чертова клиника.

— Ну что же, если тебя не пугают все эти сложности и неудобства... попробуй. — Марина улыбнулась. — А ты, оказывается, авантюристка, да?

— Выходит, так, — согласилась Яна. — Азарт меня точно разобрал.

— Я тебе очень благодарна. Жаль только, не имею возможности доказать, как высоко ценю твое участие. Кстати, Виталий выплатил тебе аванс?

— Да. Правда, со скрипом. И знаешь, что интересно? Он без особого нажима согласился заплатить мне за услуги десять тысяч, но, когда я потребовала половину вперед, уперся рогом. Мне пришлось пригрозить ему, что я выйду из дела, только тогда удалось договориться. И это наводит на размышления. Похоже, он думал, что мне вообще не придется платить.

Марина помрачнела.

— Ты будь осторожнее, Яна. Я совсем не хочу, чтобы это приключение плохо для тебя кончилось. Конечно, вряд ли нам что-то угрожает до тех пор, пока ты меня не подменишь, иначе для чего им все это? Но все равно будь начеку.

— Можешь мне поверить, я вовсе не собираюсь пропасть ни за грош по вине какого-то придурка, — сказала Яна.

— Хорошо. Все, хватит об этом. Ты хотела меня о чем-то спросить, и у нас мало времени. Спрашивай.

Яна замялась, потом нервно хохотнула.

— Это не так просто. Вопросы-то у меня деликатные. Только, ради бога, не обижайся. Ты уверена, что... словом, что ты — дочь своих родителей?

Марина к ее вопросу отнеслась на удивление спокойно.

— Я уже думала об этом. Допускаю, что мать у меня не родная. Я совсем на нее не похожа. Это, кстати, могло бы объяснить ее ненависть. Но насчет папы сомнений нет. Наше с ним сходство, может быть, не слишком убедительно, зато я — почти точная копия его матери, моей бабушки. Здесь у меня нет ее фото, но в следующий раз я постараюсь его раздобыть. Как мне представляется, история моего рождения выглядит так: мать очень хотела иметь детей, но врачи категорически запрещали из-за почечной недостаточности. И тогда отец — с согласия жены, конечно, — нашел женщину, которая согласилась родить от него ребенка и отдать его моим родителям. Не знаю, почему она на это пошла... Может быть, очень нуждалась, а может быть — пожалела их. Но так или иначе родила. Только не одного ребенка, а двойню — двух девочек. Одну отдала моим родителям, а другую оставила себе. Подруга матери — она тогда была заведующей родильным отделением — оформила все документы так, как будто одну из девочек родила моя... гм... жена отца. Им не пришлось меня удочерять. Словом, все закончилось ко всеобщему удовольствию. Только вот приемная мать так и не смогла меня принять. — Марина посмотрела на Яну, и двойная морщинка меж ее бровями разгладилась. — Если я права, то мы, наверное, сестры. Близняшки. Ты рада?

Марьяна встряхнулась.

— Ох! В принципе рада. Да нет, правда рада. Всю жизнь мечтала иметь сестру-близнеца. Только... даже не знаю, как сказать. Я тоже думала, что мы — двойняшки. Да и теперь, наверное, думаю. Такое сходство просто не может быть случайным. Но дело в том, что я знаю своего отца. Можешь мне поверить, он не представляет из себя ровным счетом ничего. Брежливый потасканный шоферюга, мнящий себя роковым красавцем и любимцем баб. Захолустный казанова с непомерным самомнением, убогим интеллектом и начесом над плешивым темечком. Мелкий подлец — бросил мою маму с пузом и ни разу не оглянулся. Короче говоря, я с великой радостью поставила бы под сомнение его отцовство. Но не получится. Я не храню его фотокарточек, и тебе придется поверить мне на слово: наши с тобой губы один в один повторяют рисунок его губ. А он не такой уж заурядный, верно? Прибавь к этому форму подбородка, массивный нос, характерную манеру дергать правым плечом... Короче, у меня нет сомнений в том, что именно ему я обязана своим появлением на свет.

Марина долго молчала. Казалось, ей стоило большого труда расстаться со своей версией.

— А твоя мама? — тихо спросила она наконец. — Ты на нее похожа?

— Ее фото я как раз могу тебе показать.

Яна расстегнула халат и достала из-под майки заранее припрятанную на теле фотокарточку. Кто-то из знакомых снял мать с дочерью во время пикника. Марьяна очень любила этот снимок. Они обе получились на диво хорошо. Сидят под деревом на большом покрывале со следами недавнего пиршества. Мама, смеясь, откидывает назад пряди волос, брошенные ветром в лицо, а Марьяна смотрит на нее и улыбается загадочной полуулыбкой Моны Лизы. Глядя на них, трудно было поверить, что это мать и дочь, — слишком ничтожной казалась разница в возрасте. С другой стороны, никому бы не пришло в голову усомниться в их близком родстве.

Марина изучала снимок целую вечность. Потом сказала задумчиво:

— Да... Если бы я не знала точно, что никогда там не была, решила бы, что это я... А твоя мама... Какая она у тебя молодая! А может быть?..

— Нет. — Яна покачала головой. — Я уже думала об этом. Допустим, она мне не мама, а сестра или тетка. Допустим, наша общая мать отказалась от нас... или умерла. Но как тогда быть с отцами? Ты же понимаешь, что два папаши — это перебор. Можно было бы решить, что мы не близнецы, а единоутробные сестры, но ведь мы обе похожи на отцов. На разных отцов, заметь! И это при том, что отличить нас с тобой практически невозможно. Ты, случайно, не знаешь, у твоего папы нет брата, какой-нибудь паршивой овцы в семейном стаде?

— Паршивой овцы нет, а брат, представь себе, был. Младший брат, намного моложе папы. Сын бабушки от второго брака. Он погиб очень нелепо в семнадцать лет. Парился в бане с друзьями отца, потом полез в прорубь, ударился головой об лед, потерял сознание и то ли захлебнулся, то ли замерз насмерть. Только ни твоим, ни моим отцом он быть не мог, поскольку умер за девять лет до нашего с тобой рождения.

— Кстати! — Яна хлопнула себя по лбу. — Самое главное-то мы и не выяснили! Ты когда и где родилась?

— Седьмого июня восемьдесят четвертого года, здесь, в Старграде. А ты?

— Тоже в восемьдесят четвертом году... — медленно, как под гипнозом, произнесла

Яна. — Но только первого июля и в Москве. Что же это выходит? Получается, мы даже сестрами не можем быть?

— Выходит, так. Разве только по отцу.

— Ничего не понимаю... Слушай, а ты на все сто процентов уверена, что губернатор — твой родной отец?

— Да. Я обязательно покажу тебе бабушкин портрет. Кстати, твоя мама на нее тоже похожа, но не так, как я... как мы с тобой. И у моего папы проглядывают бабушкины черты, но тоже не так явно, как у нас. Может быть, твоя мама и мой папа — брат и сестра? Нет... невозможно. Бабушка никогда бы не отказалась от родной дочери, не так она была воспитана.

Яна в раздумье опустила голову и вдруг подскочила — ее взгляд случайно упал на часы.

— Черт! Мы уже пять минут сверх нормы пересидели. Не хватало еще, чтобы твои гвардейцы что-нибудь заподозрили! Господи, неужели нельзя от них как-нибудь избавиться? И как ты только существуешь в таких условиях?

Марина печально улыбнулась.

— Обычно я существую в еще худших условиях. Сейчас, пока мать в больнице, у меня можно сказать, каникулы. Благодаря тебе довольно интересные. Ладно, беги. Надеюсь, завтра увидимся. Если нет, я позвоню массажистке, отменю сеанс. Она вас предупредит.

* * *

На этот раз возвращение в Ковыли было куда более приятным. «Жучков» на смену старым, подсевшим, Яна «оживила» заранее, на вопрос Виталия, о чем они с Мариной беседовали, почти не лукавя, ответила, что Марина рассказывала ей семейные предания. Когда он потребовал подробностей, не утруждая себя выдумками, рассказала историю несчастного брата губернатора, погибшего на заре юности. Наверное, Крысеньш хотел продолжить допрос, но Яна совершенно непритворно начала клевать носом и вскоре заснула.

Предлог для задержки Виталия в Ковылях не потребовался. Сегодня он отвез Яну прямо к гостинице, где ее ждал отдохнувший, умытый и повеселевший Шурик. Она быстро сняла грим, накрасила губы, нацепила очки и парик, и они побежали к Буцефалу. По большому счету, в особой спешке не было нужды — вчера они опытным путем установили, что Буцефал без труда обставит «шестерку» на скаковой дорожке, — но Яна не хотела рисковать.

И правильно. Едва они въехали в зону излучения «жучков» (предусмотрительно пристроившись за узиком), как из наушников полилось «Прощание славянки» в бодром исполнении мобильного Виталия. Телефонный разговор — по крайней мере, слышимая его часть — никакой ценной информации не содержал:

— Да?.. Да... Да... Хорошо... Я понял. В три часа у последнего пруда.

Но если слова сообщили немного, то голос выдал Крысеньша с потрохами. Он говорил как человек, назначавший встречу дьяволу. Как смертельно перепуганный ребенок, оказавшийся в темной комнате и вдруг услышавший шорох.

Яна сняла наушники, положила их на колени и уставилась в пространство. «В три часа... Похоже, встреча должна состояться в ближайшее время, иначе он назвал бы день. Сейчас уже пятый час. Значит, ночью или завтра днем... Но предполагается, что завтра днем

он отвезет меня к Марине. Хотя... если эта встреча для него очень важна, он просто позвонит в гостиницу, отменит поездку».

Тут Яна испытала прилив гордости за свою предусмотрительность. Она не только выяснила у администратора номер гостиничного телефона, но и записала его в книжку.

— Шурик, можешь ехать в свободном режиме. Сегодня уже ничего интересного не будет.

Он невозмутимо прибавил скорость и обогнал «шестерку», а Яна, порывшись в сумочке, достала трубку мобильного, ручку, записную книжку и позвонила в гостиницу:

— Алло, добрый день. Я ваша постоянная из двести третьего. Простите, могу я узнать, с кем говорю?.. Ольга Афанасьевна, у меня к вам огромная просьба. Если мне в ближайшее время позвонит молодой человек, не могли бы вы сказать ему, что я вышла, и перезвонить по этому номеру? — Яна продиктовала номер. — Спасибо. Я, разумеется, отблагодарю вас за беспокойство. Шурик, — спросила она, убирая в сумочку телефон и записную книжку, — где у вас в городе есть пруды? Именно пруды — во множественном числе.

Он запустил пятерню в свою клоунскую шевелюру и помассировал затылок.

— Есть Головинские пруды. Это на южной окраине, там раньше была зона отдыха. В центре — парк Победы, там целый каскад прудов. Еще два пруда в лесопарке. Вроде бы все. У клуба железнодорожников — только один. А в парке Кирова только бассейны с фонтанами.

— Сколько времени занимает дорога от дома, где мы сегодня ночевали, до самых дальних прудов?

— На машине? Полчаса, не больше.

— Значит так: сейчас доедем до города, и ты свободен. Но к двум часам ночи ты как штык должен стоять у подъезда того самого дома. Договорились?

— А ты куда? К Катюхе?

— Да нет. Поброжу по городу. Посижу где-нибудь в кафе. Может, в кино схожу.

— Брось! Ты же прошлую ночь почти не спала. И эту не будешь. Поедем к нам, отдохнешь по-человечески.

— Спасибо, Шурик, я тронута. Но у тебя жена, ребенок...

— Думаешь, будут к тебе приставать? Не бойся, поехали.

Марьяна искренне не желала Шурику неприятностей. Что бы ни говорила его Ирина вряд ли она обрадуется, если муж приведет домой молодую девицу и выяснится, что именно ее он «возит по городу» сутки напролет. Но искушение принять душ и поспать в нормальной постели было слишком велико, и Марьяна позволила себя уговорить.

Ее опасения оказались напрасными. То ли Ирина отличалась отменной выдержкой, то ли безоглядно доверяла мужу, но она даже глазом не моргнула, когда Шурик представил ей Яну и сказал, что девушке срочно нужны ванна, ужин и постель. Выдала гостье чистый халат с баннным полотенцем и пошла на кухню хлопотать насчет ужина. Только хлопотала она напрасно. Когда Яна, вымывшись, устроилась на кухонном диванчике, глаза у нее тут же начали слипаться, и, не дождавшись ужина, она уснула. А проснувшись оттого, что Шурик включил свет.

— Нам пора, — сказал он. — Начало второго. Скорее умывайся-одевайся, а то кофе выпить не успеем.

Без пяти два они въехали во двор знакомого дома. Шурик аккуратно пристроил Буцефала между старой заслуженной «Волгой» и новенькой «Таврией», заглушил мотор и

погасил фары. Яна надела наушники. «Жучки», которые Шурик вчера с такими издержками подкинул в комнату и на кухню Виталия, уже сдохли, а новые, прицепленные к ветровке и мокасинам, как и вчера, остались в шкафу прихожей, поэтому ничего, кроме тихого потрескивания, Яна не слышала. В первую минуту она испугалась, но потом сообразила, что, отправляясь на встречу, Крысеныш наверняка наденет верхнюю одежду, а значит, попадет в зону слышимости.

— По-моему, мы зря суетились, — неожиданно сказал Шурик. — Не похоже, что он куда-то собирается. Видишь, с его стороны все окна на шестом темные?

— Но он должен! — выпалила Яна. — Встреча назначена на три. Из гостиницы мне не звонили, то есть завтрашнюю поездку он не отменил. Значит, день исключается. Остается ночь.

— Хороший образец женской логики, — улыбнулся Шурик. — Чтобы получить устраивающий вас вывод, вы с легкостью исключаете из рассмотрения дюжину-другую вполне вероятных событий. Из гостиницы тебе могли не позвонить, потому что забыли или не было связи. Или твой «объект» решил отменить поездку, не предупредив тебя. Или собирается позвонить тебе утром. А может быть...

— Смотри! — торжественно воскликнула Яна, показывая на осветившееся окно шестого этажа. — Вот тебе и «женская логика»!

Шурику оставалось только состроить комичную гримасу и развести руками.

Яна снова нацепила наушники. Первые несколько минут она по-прежнему слышала только тихое потрескивание, потом что-то стукнуло, раздался скрип, сменившийся шелестением. А потом свет в окне погас, громко хлопнула дверь, и все стихло. Несколько драгоценных секунд ушло у Яны на то, чтобы осознать, какая произошла катастрофа.

— Шурик! Он надел другую куртку и ботинки! — Она трясущимися руками полезла в сумочку за новым «жучком». — Надо как-то подобраться к нему поближе. Может, подойдешь, попросишь у него закурить? Ах, нет, нельзя! Он тебя узнает и все поймет. Господи, какая я дура! Зачем заставила тебя устраивать этот идиотский спектакль? Теперь придется самой выкручиваться. Ладно, авось пронесет. Если парик и очки не подведут...

— Что ты несешь? Человек отправляется среди ночи на тайную встречу, и тут к нему подваливает дамочка в темных очках, норовя притиснуться поближе. Нужно быть полным кретином, чтобы не заподозрить неладное!

— Что же делать? Ох, он уже вышел. Все пропало!

— Давай сюда парик и своего «клопа»! Ну, живо!

Он сдернул с нее парик, зажал в ладони «жучка», тихо открыл дверцу и выкатился наружу, как киношный герой, выпрыгивающий из машины под вражескими пулями. Яна, прижав ладонь к губам, следила, как он, пригнувшись, бежит под прикрытием машин в глубь двора и бесшумным гигантским нетопырем исчезает в кустах, обступающих гаражи-«ракушки».

Виталий между тем шел в том же направлении, но по асфальтовой дорожке. К огромному облегчению Марьяны, он не услышал и не заметил Шурика, у которого было несколько метров форы. Через пару минут ее наушники «ожили»:

— Эй, мужик! Переляг куда-нибудь в другое место, мне машину надо вывести.

— М-м-м... прхрт всуки... еть.

— Давай, давай, пьянь несчастная, подымайся! Перееду, будешь знать... (Сопение, топчущиеся шаги.) Ну ты меня достал, мужик! Слов не понимаешь? (Звук удара. Обиженное

мычание.) То-то же! (Недовольное затихающее бормотание.) Ну не гунди, в кустиках теплее. Опять же спокойнее, чем на асфальте. Ты мне еще спасибо скажешь. (Грохот жести, хлопок дверцы, урчание мотора.)

«Получилось!» — возликовала Яна.

Через пару минут «шестерка» выехала со двора, а еще через полминуты появился, отряхивая одежду, непривычно злой Шурик.

— Скотина! Пнул меня своим бутсом под ребра! До сих пор отдышаться не могу.

— Шурик, ты гений и герой! С меня премия! Как ты это провернул?

Польщенный Шурик тут же остыл.

— Как, как... Легко! — добродушно проворчал он, поворачивая ключ зажигания. — Лег перед въездом в его гараж мордой вниз. Когда он подошел и попытался меня поднять, схватился за его брючину и прицепил эту штуку. Потом отполз в кусты. Все, поехали. Боюсь, как бы нам его не упустить! Мы ведь точно не знаем, куда он едет. Свернет, и поминай, как звали! Черт! Ну так и есть. Смылся! И куда мы теперь? Если к Головинским, надо направо, а к Победе и лесопарку — прямо...

— Погоди, сейчас выясним. У него маячок на машине.

Яна достала коробочку приемника и включила индикатор. Стрелка показала на север, попрыгала на месте и отклонилась влево. Шурик облегченно вздохнул.

— Все ясно, в парк Победы намылился. Пожалуй, я не стану его догонять, еще занервничает. Поедем своей дорогой. Я знаю там одну лазейку в ограде, от нее до дальнего пруда всего пять минут хода. Кстати, твой «клоп» далеко бьет?

— До пятидесяти метров на открытой местности.

— Тогда к самому пруду не стоит соваться. Там метрах в двадцати детская площадка с грибочками, горками и домиками, лучше мы среди них схоронимся. — Шурик поднял руку к голове и наткнулся на Янин парик. — Уф, забыл! Забирай свое добро. Боюсь только, я его немного подпортил. Всю грязь подмел перед гаражом.

— Не беда, у меня другой есть. А этот вычешу. Кстати, зачем он тебе понадобился, если ты все равно мордой вниз лежал?

— Шевелюра у меня приметная. А сучонок наверняка ее вчера хорошо разглядел, когда я перед ним ваньку валял.

До парка добрались без приключений. И до детской площадки дошли, никого не встретив. Устроились в домике на лавочке, перекурили. Минут через десять Яна начала беспокоиться — в наушниках по-прежнему раздавался только тихий треск.

— Может, он все-таки не в этот парк поехал? Или мы слишком далеко от пруда? Давай подойдем поближе, а?

— Не суетись. До трех еще двенадцать минут.

— Но он уже должен был дойти. А я шагов не слышу.

— Услышишь еще. Он, наверное, в машине сидел, не хотел раньше времени приходить. А теперь идет, но пока еще далеко.

И действительно, вскоре Яна различила хруст гравия и шорох шагов. Сначала звук как будто приблизился, потом снова начал удаляться, но слышно было отчетливо. Вот шаги замерли, чиркнула зажигалка. Минута тишины, потом снова хруст гравия. Потом послышались другие шаги, уверенные, тяжелые. И голос:

— Не поворачивайся, целее будешь. Кого ждешь?

— Ивана Сергеича.

— Это хорошо. Аванс принес?

— Да... вот.

— Сколько здесь? Как договаривались?

— Да.

— Фото, имя и срок.

— Возьмите. Марина Турусова, дочь губернатора. Срок — десять дней, начиная с понедельника. Только... заказ особый. Она должна попасть в аварию и получить травму черепа. Такую, чтобы до больницы довели живой, а потом... того. Да, других повреждений быть не должно. Это реально?

— Но не за такие деньги. Для окончательного расчета привезешь вдвое больше. Или извини. Решай сейчас. Аванс в любом случае остается мне.

Пауза.

— Ну, надумал?

— Да. Я согласен. В смысле привезу, сколько вы сказали.

* * *

Пересказывая Марине события минувшей ночи, Яна недоумевала: лицо девушки оставалось спокойно-отрешенным, словно она слушала сводку о погоде где-нибудь в Восточной Сибири, а не рассказ о встрече человека, которого когда-то считала своим другом, с киллером, принявшим заказ на ее собственное убийство. Это противоестественное спокойствие все больше нервировало и даже раздражало Яну, ожидавшую любой реакции — страха, гнева, ненависти, желания отомстить, растерянности, но не полного ее отсутствия.

Выслушав отчет, Марина минуты две молчала, а потом сказала, буднично и безразлично:

— Теперь все понятно. Спасибо, Яна. Думаю, тебе нужно уехать. Сегодня же. Виталик ничего не говори. Я сама ему позвоню завтра или послезавтра. Когда он отвезет тебя в гостиницу, выпишись и садись на первый же поезд. Если можно, домой пока не возвращайся, поживи где-нибудь в доме отдыха или дачу сними недельки на две, пока все не кончится.

— О чем ты? — спросила Яна резко. — Что кончится? Что ты собираешься предпринять?

— Пока не знаю. Нужно подумать...

— Вот и думай. А еще лучше — давай думать вместе. Пока не придумаем, как тебе выбраться из этого дерьма, я никуда не уеду. Тебе может понадобится помощница, связная, свидетель, наконец.

— Яна, милая, я тебе очень признательна, но мне станет гораздо легче, если я буду уверена, что ты в безопасности. Связываться мне не с кем. Не хочу втравливать в неприятности дорогих мне людей. А насчет свидетеля — это просто смешно. Неужели ты полагаешь, что я могу обратиться в милицию?

— А почему нет? И что тут смешного?

— Извини, я совсем упустила из виду, что ты не знаешь здешних реалий. Моя болезная матушка в свободное от лечебниц время занимается довольно грязным бизнесом — коллекционирует всевозможные сведения, выставляющие местных столпов общества в

неприглядном свете. В ее паутину угодили все сколько-нибудь видные люди города. Одних она высосала досуха и выплюнула, других, в том числе прокурора и начальника городской милиции, опутала покрепче и бережет на черный день. Чтобы сохранить лицо, высокую должность или свободу, они исполняют любую ее прихоть. Призвать мою мать к ответу, действуя в рамках закона, невозможно.

— Погоди, ты сама говоришь: она охотится только на крупную дичь. Мелкая сошка вроде участковых и прочих заурядных ментов ее не интересует. Значит, нужно найти какого-нибудь честного служаку в невысоком чине и сообщить ему о договоре Крысеньша с киллером, не упоминая твою мать.

— Это ничего не изменит, Яна. Как только твой мелкий чин услышит о том, что я должна получить смертельную травму черепа, но до больницы доехать живой, он сразу же обо всем догадается. Такой странный заказ может иметь только одно объяснение: будущую жертву хотят использовать в качестве донора. А поскольку в нашем городе нет, наверное, ни одного обывателя, который не знал бы, что моя мать ждет операции по пересадке почки, милиционер без труда поймет, кто стоит за Виталием. И немедленно доложит обо всем начальству — он же себе не враг. А не доложит — тем хуже для него. Мать узнает о допросе от самого Виталия, и честный служака скоростижно скончается в результате несчастного случая. За компанию со мной и Виталием.

— А я думаю, что Крысеньш ничего не скажет твоей матери. Он, похоже, все еще питает к тебе нежные чувства. — Яна усмехнулась. — Если, конечно, крысы способны их питать. Во всяком случае, он собирался вывести тебя из-под удара, подставив меня. Ты обратила внимание, что срок в десять дней, данный киллеру, начинается с понедельника? Виталий явно надеется, что в понедельник я уже смогу тебя подменить. И вряд ли он сообщил об этом твоей матушке.

— Не уверена, — не согласилась Марина. — Идея подмены вполне может исходить от нее. Например, для алиби. Если я погибну в аварии и ей пересадят мои почки, по городу поползут слухи, что она организовала мое убийство. Но если мне изуродуют лицо до неузнаваемости, а ты займешь мое место, никому не придет в голову ее подозревать.

— Ты забываешь: разговор Крысеньша с киллером я слышала целиком. О лице речи не было.

— Может быть, киллер получил дополнительные инструкции в письменном виде. А может быть, ты права, и Виталий действительно хотел спасти меня за твой счет. Но неужели ты думаешь, что он способен проявить твердость и хранить гордое молчание, если милиция возьмет его в оборот? Спорю на что угодно: когда станет по-настоящему горячо, этот слизняк поползет к моей мамочке и продаст меня со всеми потрохами, лишь бы спасти свою шкуру.

— Так что же ты собираешься делать? Поговоришь с отцом?

— Наверное. — Марина погладила нос. — Не тревожься за меня, что-нибудь придумаю. Который там час? Тебе не пора?

— Вообще-то пора, — сказала Марьяна, глянув на часы. — Но мы же еще не договорили! Встретимся завтра, хорошо?

— Нет, Яна, ты должна уехать. Прошу тебя, не спорь. Мне будет труднее найти выход, если я буду тревожиться еще и за тебя. Не огорчайся, мы обязательно увидимся и обо всем поговорим, когда эта история закончится. Оставь Кате свой телефон, я найду способ тебя известить.

Девушки обнялись.

— Удачи тебе, — сказала Яна. — Я буду ждать твоего звонка.

— И тебе удачи. Спасибо за все.

Марьяна встала и шагнула к выходу. Когда она взялась за дверную ручку, Марина ее окликнула:

— Яна! Если я все-таки погибну... не пытайся искать справедливости, ладно? И Катю отговори. Моя мать — страшная женщина. Не хочу, чтобы и вы пострадали.

Она выписалась из гостиницы в Ковылях, попрощалась с Маргаритой Павловной и Шуриком, щедро одарив их напоследок, и даже села на поезд. Только, вопреки совету Марины, заклинавшей ее уехать подальше от Старграда, отправилась напрямик туда. У нее еще оставались дела в этом городе.

Яне решительно не понравились настроение и прощальная просьба девушки отказаться от всяких попыток возмездия, если она, Марина, все-таки погибнет. И этот ее жест, когда Яна спросила, собирается ли она рассказать обо всем отцу... Если верить известной книге «Язык тела», прикосновение к носу означает, что человек лжет. Получается, что Марина не рассчитывала на помощь папы-губернатора. Но как еще она может выпутаться из этой истории, если ее мать и впрямь такая крутая баба? Ведь у бедняжки, по ее собственным словам, нет ни одного близкого человека, кроме Катерины, с которой ей не дают свободно общаться. Кстати, просьба Марины не лезть в пекло в случае ее гибели распространяется и на Катю. По всему выходит, что эта безропотная жертвенная овечка решила отказаться от борьбы и сдаться на милость победителей.

Эта мысль приводила Яну в бешенство. Какого черта! Девуцу с самого рождения опутали по рукам и ногам, не позволяли ей свободно вздохнуть, отравляли жизнь всеми возможными способами, а теперь собираются даже эту жизнь отнять, а она не нашла ничего лучшего, как смириться с уготованной ей участью и по-христиански простить своих мучителей! Пусть у нее нет шанса выиграть эту схватку, пусть она заранее уверена, что обречена, но как можно сдаваться без борьбы? Да Яна на ее месте устроила бы такую свистопляску! Забросала бы заявлениями и разоблачительными письмами все инстанции от районного отделения милиции до генпрокуратуры, подняла бы на ноги прессу, телевидение, составила бы завещание, запрещающее использовать ее органы для пересадки, уговорила бы отца нанять ей роту самых матерых бодигардов, желательно, иногородних или даже иностранцев. Не исключено, конечно, что ее остановили бы в самом начале — заперли бы, надели смирительную рубашку или убрали по-быстрому... Но побултыхаться-то стоило! Сложить лапки и пойти ко дну никогда не поздно.

Будь у Яны хоть немного времени и возможность говорить, не опасаясь чужих ушей, она нашла бы доводы и убедила Марину бороться. Но времени и возможности не было, а посему ей предстояло самой предпринять какие-то шаги для спасения сестры.

Сестра... Мысленно назвав так Марину, Яна не вполне отдавала себе отчет, что имеет в виду: родство, так сказать, в широком, библейском, смысле этого слова или в изначальном, общепринятом. Между тем вопрос этот волновал ее чрезвычайно. «Особый заказ» на Марину в совокупности с болезнью ее матери однозначно выдавал замысел губернаторши разжиться подходящими донорскими почками. Стало быть, эта полудохлая Медея уверена, что Марина ее родная дочь. Иначе ее богомерзкая затея не имела бы смысла, ведь без соответствующих анализов никто не гарантирует совместимости тканей у людей, не состоящих в близком родстве. Собственно, и при близком родстве такой гарантии никто не даст, но в этом случае

вероятность совместимости достаточно высока. Казалось бы, при таком раскладе нет шансов, что Марина и Марьяна сестры, а тем более — близнецы. Зачем губернаторше, родившей двух девочек, отдавать одну из них чужой женщине? Пускай даже она серьезно больна, и врачи сомневаются, удастся ли ей выкарабкаться, — у нее есть муж, к услугам которого все кормилицы, няньки, педиатры и патронажные сестры города, есть бабки-деды, которые наверняка с радостью примут на себя заботу о внучках, есть друзья наконец. Она не нищая девчонка без родни и жилья, которой и с одним-то ребенком некуда податься!

Да, если Марина — родная дочь этого чудовища в женском обличье, то ее сходство с Марьяной, скорее всего, случайность. Не такая уж и редкая, если разобраться. Говорят, хотя бы один двойник есть у каждого человека, просто не все двойники встречаются друг друга. И все же...

И все же Яна не верила в случайное сходство. Слишком умопомрачительным оно было, и слишком много совпадений пришлось на единицу времени и пространства. Две женщины, родившие невероятно похожих девочек, вынашивали их в одно и то же время, в одном и том же городе. Правда, мать Яны перед родами уехала из Старграда, но зачала ребенка и прожила большую часть беременности здесь, как и мать Марины. Подруга губернаторши (заведующая тогда родильным(!) отделением больницы), о которой упоминала Марина, — это почти наверняка Вольская. Та самая Оксана Яновна, которая лечила бездомную беременную девочку Олю, а потом помогла ей перебраться в Москву и устроить свою жизнь. Именно визит Вольской к Марьяне в аптеку начал цепь событий, которые в итоге свели Яну с Мариной. Во всем этом следовало разобраться, и начать Яна собиралась отсюда, из Старграда.

Сойдя с поезда, она первым делом позвонила Кате и поймала ее буквально в дверях.

— Катю? — переспросил дребезжащий старческий голосок. — Сашенька, посмотри, Катюша еще не ушла? Только что дверь хлопнула? Девушка, Катя... Ах, нет, вот она! Тебя к телефону, стрекоза. Как снова пойдешь, не забудь, посмотришь в зеркало.

— Есть, командир! — донесся до Яны веселый Катин голос. — Алло, слушаю.

— Привет, это Яна. У тебя найдется минутка?

— Без вопросов. — Ее тон мгновенно изменился. — Есть новости?

— Да. И еще просьба. У тебя нет знакомых, готовых на пару недель сдать квартиру? Здесь, в городе.

— Зачем тебе? Приезжай ко мне и живи сколько влезет. Места навалом.

— Катя, я не хочу, чтобы нас видели вместе. И в гостинице останавливаться не хочу. Сейчас не могу тебе сказать, в чем дело, объясню при встрече.

— Ясно. Дай соображу. — Катя замолчала. — Слушай, перезвони мне через десять минут, хорошо? Или тебе неудобно?

— Удобно. Точно через десять минут или лучше попозже?

— Десять — это с запасом. Можно даже раньше, минут через семь.

Марьяна позвонила через десять — этого времени ей как раз хватило, чтобы купить в буфете ватрушку со стаканом сока и, не особенно торопясь, утолить голод.

— Доставай ручку и записывай, — распорядилась Катя. — Ты сейчас где?

— На вокзале.

— Тогда садись на пятерку, доезжай до площади Буденного — это четыре остановки. Там пересядешь на одиннадцатый автобус в сторону окраины (какой-то там микрорайон с номером, я точно не помню). Выйдешь на улице братьев Пахомовых, это почти конец

маршрута, предпоследняя остановка. За остановкой — длинный дом с квадратной аркой. Пройдешь под нее во двор и увидишь ряд панельных пятиэтажек, стоящих «елочкой» одна за другой. Раз, два... третья — та, что тебе нужна. Второй подъезд, первый этаж, двадцать первая квартира. Я буду там ждать. Запиши на всякий случай точный адрес и мой мобильный телефон...

— Но ты же собиралась куда-то уходить! Тебя, наверное, ждут?

— Не бери в голову. Перетопчутся.

Марьяна добралась до места за сорок минут. Дверь в двадцать первую квартиру была приоткрыта. Девушка все же на всякий случай постучала по косяку и только тогда шагнула в прихожую.

— Добро пожаловать в скромную обитель бабы Ньюши, — поприветствовала ее Катя, вынырнув из комнаты. — Ох! Тебя не узнать. Что ты с собой сотворила?

— Парик, очки, макияж... Обычная маскировка. Сейчас все объясню, — пообещала Яна. — Дай только оглядеться и дух перевести.

Квартира была типичной «хрущобой»: пятачок прихожей; крошечная кухня, куда еле-еле поместились плита, раковина, стол с двумя табуретами и два подвесных шкафчика для посуды; совмещенный санузел и комната метров восемнадцати, заставленная типовой советской мебелью середины семидесятых годов — шкаф для одежды, сервант, телевизор, журнальный столик, диван-кровать, тумбочка, два кресла, стол, шесть мягких стульев.

— Тут живет твоя бабушка? — удивилась Яна, вспоминая Катины хоромы.

— Баба Ньюша не бабушка. У нее даже детей своих нет. Баба Ньюша — наша экономка, кухарка и ангел-хранитель в одном лице, — объяснила Катя.

— И она не возражает, что я у нее поселюсь? Она же ни разу меня не видела!

— Поселишься ты в другом месте, а здесь просто переночуешь. Завтра мои знакомые улетают в отпуск на Кипр и оставляют мне ключи от квартиры — я уже договорилась. А сегодня баба Ньюша все равно собиралась остаться у нас, так что ты никого не стеснишь. Старушка, конечно, поворчала немного для виду, но я заверила, что ты пылинки с места не сдуешь, и все уладилось. По правде говоря, она здесь почти не бывает. И все ценности свои хранит у нас. Ну, огляделась? Тогда идем на кухню, там курить можно. — Катя пристроилась за кухонным столом, жестом предложив гостье занять второй табурет. — Ну, рассказывай скорее, что тебе удалось выяснить?

Марьяна второй раз за этот день отчиталась о своих ночных похождениях. Катя слушала ее, все больше мрачняя и бледнея от ярости.

— Скотина! Я всегда подозревала, что он подонок, но не до такой же степени! Ты бы видела, какие письма он Маришке писал! И после этого... Падаль, слизняк, вонючка!

— Честно говоря, меня гораздо больше потрясла губернаторша. Предназначить родную дочь на мясо, на запчасти... Бр-р!

— Ну, от Альбины я ждала чего угодно. Это такая запредельная тварь, что меня бы не удивило, даже если бы она собиралась разделять тушку дочери самолично. Ладно, хватит об этой пакости. Что делать будем?

— Ума не приложу. — Яна развела руками. — То есть, на первый взгляд, выход очевиден: раззвонить о планах дивной мамы во все газеты, на радио и телевидение, устроить грандиозный скандал на всю страну, разослать подметные письма милицейским начальникам вплоть до министра МВД. Но только действовать нам с тобой придется на свой страх и риск. Марина велела мне убираться из города. И попросила, чтобы я не рыпалась,

если она все-таки погибнет — это ее слова. Кстати, к тебе это тоже относится. — Тут она не удержалась и дала выход своему негодованию: — Если хочешь знать, у меня сложилось впечатление, что она вообще не собирается ничего предпринимать. Сложила лапки и приготовилась принять мученический венец. Ее мамаша, дескать, дергает за веревочки все городское начальство, поэтому любые попытки ее остановить приведут к Содому и Гоморре. Я говорю: «Ну так давай обратимся не к начальству. Неужто в вашем зачумленном городишке не найдется ни одного честного мента?» Но она уверена, что если такой и найдется, то его немедленно уберут за компанию с нами. Моя мать, говорит, страшная женщина. Как же, как же! Страшнее кошки зверя нет. Я одного не понимаю: если она не собирается бороться, зачем тогда было затевать всю эту волынку со слезжкой? Чтобы сильнее испугаться напоследок? Нельзя же быть такой овцой!

— Маришка — не овца, — хмуро заступилась за подругу Катя. — Тебе это может показаться странным — как же, девчонка всю жизнь молча сносит издевательства матери, даже не пытаюсь взбунтоваться! — но на самом деле она сильный человек. И очень благородный. Через благородство свое и страдает. Она ненавидит скандалы, ругань, бурные сцены... А еще больше ненавидит, когда достается невинным. Но так уж вышло, что все ее попытки противостоять этой барракуде приводили именно к безобразным скандалам и наказанию тех, кто за Маришку заступался. Ее отец, друзья дома, горничные, гувернантки, шоферы — все, у кого душа не выдерживала издевательств Альбины над дочерью, получали за свое заступничество такие неприятности, что Маришка зареклась перечить мамаше в присутствии третьих лиц. Да и вообще... Она выбрала другой способ защиты — подчиняться, не проявляя никаких чувств. Альбина пыжится, изобретает все новые способы отравить дочери существование, а Маришка не выдает себя ни взглядом, ни словом, ни жестом, ломая гадине весь кайф. Но иногда Альбине все же удавалось измыслить что-нибудь такое, чего у Маришки совершенно не принимала душа. К примеру, девочкой она не выносила больших шумных сборищ, особенно когда на нее обращали внимание, а мамаша водила ее во всякие хореографические кружки, студии художественного чтения и требовала, чтобы дочка обязательно принимала участие во всех школьных концертах. Маришка не спорила и никому не жаловалась. Но на сцену так ни разу и не вышла. Научилась дышать специальным образом и каждый раз, когда объявляли ее номер, задерживала дыхание и теряла сознание. То есть натурально, без дураков, падала за кулисами в обморок. После третьего или четвертого раза врачи категорически запретили ей публичные выступления. И Альбине пришлось это проглотить. Понимаешь, к чему я клоню?

— Не очень, — честно призналась Марьяна. — То есть насчет благородства все ясно. Я и так уже догадалась, что она не хочет никого подставлять, потому и попросила нас с тобой держаться в стороне. Ее нелюбовь к скандалам достойна всяческого уважения, но какой еще выход тут можно предложить? Вряд ли Маринино умение падать в обморок остановит киллера.

— Обмороки — только один пример. Был случай, когда Маришка приструнила одну мелкую пакостницу, которую Альбина навязывала ей в подруги, найдя у девицы слабое место и научившись ею манипулировать. Словом, когда Маришка понимала, что не может заставить себя подчиниться матери, ей почти всегда удавалось придумать какой-нибудь фокус и выкрутиться по возможности так, чтобы никто из-за ее строптивости не пострадал.

— Короче, что ты предлагаешь? — сухо поинтересовалась Яна. — Сидеть сложа руки и ждать, когда твою подругу осенит очередная гениальная мысль? А если не осенит? Или

окажется недостаточно гениальной?

— Не передергивай. Я вовсе не предлагаю сидеть сложа руки. Но действовать нужно осмотрительно. В конце концов, до понедельника еще четыре дня, у нас есть время. Я позвоню Маришке и попробую узнать, есть ли у нее какие-нибудь идеи. Придется повозиться с шифровками, но мы должны быть уверены, что своими действиями не нарушим ее планы.

— Так мы еще и действовать собираемся? — съехидничала Яна.

— Слушай, откуда ты взялась, такая активная? — разозлилась Катя. — Ты всегда так: сначала прыгаешь, а потом смотришь, куда вляпалась? Ну а я предпочитаю осмотреться сначала. Да, как ни странно, действовать мы будем. Сначала попытаемся выйти на киллера. Иван Сергеевич, говоришь? Я аккуратно поспрашиваю кое-кого, закину, так сказать, удочку. У меня довольно широкий круг знакомств, может, кто клюнет. Еще нужно проведать Альбину, пристроить в ее палате «жучка» помощнее. Если ее охрана не обнаружила насекомое, которое ты посадила на Крысеньша, может, они вообще не отслеживают «прослушку», пока шефиня в больнице? Во всяком случае, попробовать можно. Нам совсем не помешают доказательства того, что именно она — организатор. Крысеньш ведь придет к ней отчитываться, так?

— Скорее всего, уже приходил — сегодня, с утра пораньше.

— Не важно, придет еще. Гюрза небось вся извелась, ожидаючи. Значит, будет постоянно теревить помощничка. Может, скажет что-нибудь полезное, что позволит нам быстрее вычислить наемника.

— А как мы попадем к ней в палату?

— Это я возьму на себя. Найду предлог для визита, заинтригую, и она меня примет. Только вот прослушивать придется тебе. Я в городе личность известная, еще привлеку к себе внимание. Возьмешься?

— Пожалуйста. — Яна пожала плечами. — Только не верится мне, что из этого выйдет толк. Выследить профи — задача, по-моему, нереальная. И зачем нам доказательства против Альбины, если мы не собираемся обращаться к властям?

— Яна, послушай, твоя идея устроить громкий скандал слишком радикальна. Это все равно, что устроить лесной пожар для уничтожения какого-нибудь особо распоясавшегося вредителя. Опасно, негуманно по отношению к другим обитателям леса, непредсказуемо в смысле достижения цели. Если до Альбины дойдут слухи о наших происках — а они до нее дойдут, и очень скоро, — у нее хватит власти, чтобы прихлопнуть нас, как мух. И не только нас — всех, кто решится нам помочь. Мы, конечно, сделаем все, чтобы не допустить убийства, но твой план лучше все-таки оставить на крайний случай. Предлагаю до понедельника к крутым мерам не прибегать. А уж тогда, если по-другому не получится, подумаем, как поджечь эту пороховую бочку с минимальными потерями. Договорились?

* * *

В понедельник вечером в квартире Катиных друзей, улетевших на Кипр, раздался телефонный звонок. Увидев на определителе незнакомый номер, Яна не стала снимать трубку. Но минуты через три звонок повторился, и на этот раз определитель высветил номер Катиного мобильного.

— Янка, Альбина отбросила коньки! — задыхаясь от избытка чувств, сообщила девушка. — И, похоже, кто-то ей поспособствовал. Клиника буквально кишит ментами. Я только что разговаривала с Маришкой. Она спрашивала, как с тобой связаться. Перезвони ей сейчас, ладно?

— Да. Хорошо, — бездумно ответила Яна. Потом опомнилась: — Но ее же подслушивают! Как я объясню, кто я такая?

— А ты не объясняй. Скажи «алло», попроси Марину. Она тебя узнает по голосу и даст понять, в каком ключе вести разговор. Хотя возможно, что все эти хитрости уже ни к чему. К кому теперь ее надзиратели побегут с докладом?

Наверное, Марине эта утешительная мысль еще не успела прийти в голову. Во всяком случае, разговаривала она, словно шпионка, проникшая на секретный объект и вынужденная связаться со своим резидентом, — коротко, не называя имен.

— Спасибо, что позвонили. Вы уже слышали о... моей матери?

— Да. Как это произошло?

— Подробностей пока не знаю. А вы... вам ничего не известно?

— Нет. Может быть, нам стоит встретиться?

— Нет. (Сухо.) Вам лучше вернуться домой.

— Но... Я хотела бы помочь. Тот, к чьим услугам прибегла ваша мать, не знает, что ее... поручение уже... недействительно.

— Благодарю вас, я справлюсь сама. (Очень холодно.) Пожалуйста, уезжайте.

Короткие гудки.

Яна опешила, потом пришла в ярость. С ней разговаривали, как с прислугой, которой отказывают от места. И это после всего, что она для Марины сделала!

«Ну, хорошо же, сестренка! Разбирайся теперь со своим киллером сама. И не рассчитывай, я никуда отсюда не уеду, пока не выясню все, что считаю нужным».

Поприще сыщика-одиночки, ведущего частное расследование в чужом городе, показалось Яне удручающе тяжелым. Теперь, когда она не могла рассчитывать на помощь Кати и ее друзей (Катя не понимала, почему Марина настаивает на немедленном отъезде Яны, но тем не менее взяла сторону подруги), дух здорового авантюризма, превративший в захватывающее приключение даже такое утомительное и нудное занятие, как слежка за Виталием, куда-то испарился. Бесконечные разезды по городу в переполненных троллейбусах и автобусах, разговоры с незнакомыми, порой подозрительно настроенными или просто плохо воспитанными людьми не приносили ничего, кроме все возрастающей усталости и жалости к себе. Никогда еще Яна не чувствовала себя такой одинокой и покинутой. Даже Маша, противная вредная Машка, так и не простившая ей этой поездки в Старград, отказывалась с ней разговаривать. Короткие телефонные беседы с мамой не приносили облегчения — Яна, расписывающая ей прелести отдыха в пансионате, так устала от собственного вранья, что звонки домой стали тяжелой повинностью. Правда, оставалась Купцова, но поболтать с ней вволю не получалось — Ленка, видимо, опасаясь разорить Марьяну, забрасывала ее торопливыми вопросами и быстро сворачивала разговор.

В тот день она провела еще одно бесплодное интервью — со старой гримзой, работавшей когда-то санитаркой в родильном отделении больницы, где появилась на свет Марина. Какого труда стоило разыскать эту старуху! И зачем? Чтобы узнать, что бабка страдает склерозом и подробности своей трудовой биографии помнит весьма смутно?

Расстроенная Яна без цели кружила по городу. Ходьба всегда помогала ей думать и вообще влияла на нее благотворно.

Дойдя до оживленного перекрестка, она машинально остановилась, дождалась зеленого сигнала и ступила на «зебру» перехода. Прошла несколько метров, оглянулась, испуганная чьим-то криком, и замерла на месте. Прямо на нее несся огромный черный джип со слепыми черными окнами. Яна отчаянным усилием воли стряхнула оцепенение и прыгнула вперед. Джип вильнул в ту же сторону. «Все, конец!» — подумала она и зажмурила глаза. В тот же миг что-то сильно дернуло ее назад — так сильно, что ноги оторвались от асфальта. Падая, она почувствовала скользящий удар по подошве кроссовки, нога дернулась, как подброшенная. «Шею сломаю!» — мелькнула мысль и тут же канула в водовороте эмоций и ощущений. «Я жива! Это не асфальт, это что-то мягкое! Нога! Больно! Почему они так кричат?»

Яна открыла глаза и увидела бледное лицо парня, на коленях которого лежала ее голова. Аккуратно так лежала, даже парик не сбился.

— Ты как? — Парень облизнул пересохшие губы. — Жива? Идти сможешь?

— Совсем озверели, паразиты! — шумели вокруг. — Развлечение у них теперь такое: нальются по самые зенки и гонки по городу устраивают. Третьего дня мальчонку сбили десятилетнего, насмерть.

— Номер кто-нибудь запомнил?

— Какое там! Видели, как промчался? Со свистом! Даже не притормозил, гад!

— Повезло девке, из-под колес выдернули...

— Вставай скорее, красавица, сейчас красный загорится.

— Может, помощь нужна? Тебе пособить, приятель?

Яна села. Потом, не без помощи молодого человека, который ее поддерживал, встала. Левая ступня тут же подвернулась, девушка вскрикнула и привалилась к своему спасителю, но на ногах удержалась и даже довольно быстро доковыляла до тротуара.

— Отвезти тебя к врачу? — спросил парень, усаживая ее на скамейку под козырьком остановки.

Яна быстро ощупала ногу, повертела ступней.

— Перелома нет. Скорее всего, связку потянула. Врач не нужен, нужен маленький пузырек со льдом и эластичный бинт. Вы не проводите меня до аптеки?

— Сиди, я сам сбегаяю, все принесу. Где тут ближайшая аптека?

Яна пожалала плечами и покачала головой, но небольшая толпа зевак, обступившая героев несостоявшейся трагедии, нестройным разноголосым хором дала необходимые указания. Молодой человек стремительно исчез и почти так же стремительно (и правда, значит, бежал) появился снова. Льда в аптеке не нашлось, пузырек наполнили холодной водой, которая довольно быстро нагрелась от ноги. Но и непродолжительного охлаждения вкупе с тугой перевязкой оказалось достаточно, чтобы боль в щиколотке сошла на нет. Яна попробовала встать, но тут же плюхнулась обратно на скамейку — не из-за боли, а потому что тело вдруг превратилось в большой кусок дрожащего студня. Запоздалая реакция организма на пережитое потрясение.

— Тебе... то есть вам нужно выпить, — сказал спаситель, оценив состояние девушки. — Тут неподалеку есть бар. Доковыляем? Или мне сходить в магазин?

Яна прислушалась к себе и поняла, что выпить действительно нужно. Желательно, чего-нибудь покрепче. Поскольку она не привыкла распивать крепкие напитки на автобусных

остановках, под любопытными взглядами мающихся в ожидании транспорта пассажиров, бар выглядел предпочтительнее. Она окинула оценивающим взглядом молодого человека и впервые как следует его рассмотрела.

Выпуклый лоб, светло-карие с зелеными точками глаза, длинные ресницы со светлыми кончиками, довольно пухлые щеки, крупные кольца волос смешанного окраса — верхние пряди выгорели до соломенного цвета, нижние темнели бурым. Не высокий, но и не коротышка, фигура не атлетическая, но ладная. Симпатичный, между прочим. До идеала мужской красоты не дотягивает — купидоновские щеки подкачали, но мил, очень мил. На нахала не похож, на рокового соблазнителя тоже. Пожалуй, можно рискнуть и принять приглашение в бар.

— До-доковыляем, на-наверное, — выдавила Яна, громко стуча зубами.

В баре они наконец познакомились. Сергей был предупредителен и болтал без умолку — то ли тоже отходил после стресса, то ли пытался отвлечь Яну от неприятных мыслей о едва не состоявшейся кончине. Он рассказал, что родился в Петербурге, до третьего курса учился в тамошней Техноложке, потом понял, что «это не его», и ушел. Поступил в Гидромет и тоже бросил. Спасаясь от армии, устроился на механический завод, где давали бронь, но и там не задержался. Потом, убегая от повесток из военкомата, кочевал по городам и весям матушки-Руси, зарабатывая на жизнь чем придется — челночил, строил дачи, подряжался рабочим на фермы и железную дорогу. Легко сходилась и расходился с людьми, стараясь не обременять себя крепкими привязанностями. Легко тратил деньги, порой совсем нелегко заработанные, на эфемерные удовольствия — выпивку, рестораны, казино, подарки случайным любовницам. Эта беззаботная жизнь перекасти-поля закончилась два года назад, когда у матери Сергея обнаружили саркому.

— Слава богу, призывной возраст к тому времени уже вышел. — Сергей перехватил недоверчивый взгляд Яны и кивнул. — Все верно. Мне уже двадцать девять. Это я только выгляжу пацаном из-за своей дурацкой херувимской ряхи. В общем, годы позволяли вернуться домой и ухаживать за матерью, не прячась под диваном всякий раз, когда в дверь позвонят. Три месяца назад мама умерла. А я оказался на перепутье. Возвращаться к прежней бродячей жизни, оставаясь никем и ничем, не хотелось. Но, чтобы кем-то стать, нужно хотя бы знать — кем? А я не знал. Хватался то за одно, то за другое и тут же терял интерес. Доводил до исступления приятелей и приятельниц, то беспардонно навязывая им свое общество, то нахально объявляя, что никого не хочу видеть. В конце концов сообразил: мне нужно просто остановиться, отдышаться, осмотреться, понять себя. Я решил взять тайм-аут и съездить на родину отца. Припасть, так сказать, к корням. Отец давно умер, я его не помню и, честно говоря, почти не думал о нем. А тут вдруг загорелось увидеть места, где он родился и вырос, поговорить с людьми, с которыми он общался. Не знаю, что это — просто блажь или, может быть, фаза роста...

— Ну и как? — спросила Яна. — Получилось?

— Что получилось? — не понял Сергей.

— Увидеть места, поговорить.

— А... Нет. Тут здорово все изменилось со времен папиного детства. Старые дома снесли, построили многоэтажки. Теперь даже адреса такого нет. И школы, где он учился... Короче, не выгорела затея.

— И что ты теперь собираешься делать?

Сергей пожал плечами.

— Наверное, ждать знака судьбы. А может, уже дождался. — Он перегнулся через стол и накрыл ладонью ее руку. — Скажи, ты случайно не моя судьба?

Спросил вроде шутливо, но как бы и всерьез. Яна растерялась, потом заставила себя улыбнуться.

— Не знаю. Не исключено. Ты меня спас, значит, наши судьбы как-то связаны. Люди в древности верили, что жизнь спасенного принадлежит спасителю.

Ее замешательство объяснялось очень просто: до сих пор близкие отношения с молодыми людьми у Яны, мягко говоря, не складывались. Это упущение было одним из немногих серьезных недостатков совместного проживания двух личностей в одном теле. Яне нравились сильные, волевые, целеустремленные молодые люди. Маша, как нарочно, предпочитала расхлябанных благодушных юнцов с ласковыми глазами. В девятом классе они обе влюбились — практически в один день. Яна — в спортсмена из одиннадцатого «б», будущую звезду российской легкой атлетики. Маша — в рыхлого блондинистого придурка-одноклассника, единственным достоинством которого был бесконфликтный характер. Естественно, «двойняшки» насмерть переругались и почти месяц не разговаривали друг с другом. Настрадавшись всласть, обе решили, что никакая любовь не стоит таких мук, и дружно поставили на своей личной жизни крест. С тех пор много воды утекло, но урок не забылся. Всякий раз, встречаясь с достойным, по ее мнению, экземпляром мужеска полу, Маша представляла его на суд Яны и, выслушав очередной приговор, со вздохом наступала на горло своим романтическим грезам. Так же поступала и Яна. За шесть лет этот сценарий разыгрывался неоднократно, и обе уже свыклись с мыслью о том, что из-за непримиримости вкусов никогда не узнают «восторгов страсти нежной».

Но сейчас завязка сильно отличалась от традиционной. Начать с того, что Сергей не имел ничего общего с мужским идеалом Яны (высокий рост, длинное аскетичное лицо, римский нос, массивный подбородок), и тем не менее ей нравился. Возможно, все дело было в обстоятельствах знакомства: какая девушка останется равнодушной к герою, выхватившему ее из-под носа чудовища, несущегося с субзвуковой скоростью? Особенно если этот герой явно не прочь за девушкой приударить. А может быть, взрослое чувство возникает спонтанно, без оглядки на детский идеальный образ возлюбленного. Так или иначе, но Сергей Яну определенно привлекал.

Однако самым удивительным было то, что и Маша его одобрила. Она, конечно, до сих пор дулась и разговаривать с Яной не желала, но по поводу нового знакомого буркнула что-то ворчливо-благосклонное. Это и решило дело. Когда Сергей, проникновенно глядя на девушку, попросил ее рассказать о себе, Яна, одуревшая от одиночества, уставшая от неудач, обиженная на обеих «сестер» и сраженная небывалой снисходительностью извращенки Машки к ее выбору, решила ему довериться. Не во всем, разумеется. Шизофреническую тайну девочек-близнецов, делящих одно тело, она унесет с собой в могилу. Да и криминальную историю спятившей губернаторши, «заказавшей» дочь ради донорских почек, разглашать не следовало. По крайней мере, в Старграде, где еще витает зловещая тень Альбины и рыщет свора из ее службы безопасности. Но о тайне своего происхождения она расскажет. Ей просто позарез необходимо выговорится и выслушать совет непредвзятого, но заинтересованного друга. У самой Яны уже голова шла кругом от противоречивых фактов, не желавших укладываться ни в одну из версий.

— Я из Москвы, — начала она. — Мы живем вдвоем с мамой. Она родила меня в шестнадцать лет и никогда не была замужем. Разумеется, мне хотелось знать, кто мой отец,

и однажды я спросила ее об этом. Мама сказала, что моего отца зовут Юрой, и больше она ничего пока не скажет, потому что это взрослая история, грустная и неприятная. Если я захочу, мы поговорим об этом, когда мне исполнится тринадцать. В тринадцать лет я узнала, что мама и Юра познакомились в Старграде, где оба учились, она — на швею, он — на слесаря-жестянщика. Юра коллекционировал сексуальные победы, и когда мама поняла, что ждет от него ребенка, он уже всюду ухлестывал за другой. Маме очень не хотелось с ним объясняться, но ей не с кем было посоветоваться, она испугалась, растерялась и все-таки пошла к нему. Папаша сказал, что ее беременность — это ее личные трудности. Мама впала в депрессию, довела себя до полного нервного и физического истощения и в конце концов угодила в местную больницу, где встретила чудесную женщину, врача, которая ее спасла — вылечила, отправила жить в Москву к подруге (тоже врачу и матери-одиночке) и помогала на первых порах деньгами.

Когда мне было пятнадцать, мама случайно встретила папочку Юру и даже взяла у него телефончик для меня. Я с ним встретилась, лишилась последних светлых иллюзий в отношении папеньки, а заодно убедилась, что, несмотря на мое отчество (по паспорту я — Алексеевна), он действительно мой родитель. Во-первых, Юра этот факт радостно подтвердил, а во-вторых, я обнаружила фамильное сходство.

Я тебя еще не утомила?

— Нет, что ты! Но скажи, пожалуйста: эти интригующие детективные интонации — плод моего пьяного воображения, или ты действительно собираешься огорошить меня какой-то невероятной загадкой?

— Собираюсь. Не знаю, насколько она невероятная, а что загадка — это точно. Я здорово в ней запуталась. Может быть, ты сумеешь ее разгадать? Но все по порядку. Недели две назад ко мне на работу неожиданно нагрянула та самая чудесная женщина, которая когда-то так удачно вмешалась в мамину судьбу. Вообще-то она регулярно приезжает в Москву и навещает нас с мамой, но на этот раз визит был особенным. У меня сложилось впечатление, что она приехала из Старграда буквально ради нескольких минут минут разговора со мной. Конфиденциального разговора — она подчеркнула, что я не должна передавать содержание маме.

Эта дама (для удобства назовем ее... например Полиной) сказала, что ко мне скоро могут обратиться с каким-нибудь необычным предложением, и предупредила, что я ни в коем случае не должна его принимать. Мало того, я не должна принимать вообще никаких предложений, исходящих от незнакомых людей. А также ходить по безлюдным улицам, вступать в разговоры с посторонними, садиться в чужие машины и так далее и тому подобное.

— Интересно.... — Сергей подпер щеку ладонью и поскреб щетину в районе уха. — И как она все это объяснила?

— Никак. Сказала, что это не ее тайна. Я долго ломала голову над этой загадкой, но так ничего и не поняла, кроме того, что умру от любопытства, если ее не раскрою. Поэтому я села на поезд и приехала в Старград. Некая цепь событий — не буду рассказывать каких, это совсем другая история — свела меня с дочерью одного из местных воротил. И, представь себе, эта девушка оказалась точной моей копией. Настолько точной, что у меня чуть крышу не снесло, когда я ее увидела. Дело даже не в том, что у нас одинаковая внешность. Мы еще одинаково хмуримся, улыбаемся, дергаем плечом, если нам задают вопрос, на который мы не хотим отвечать. Говорят, что даже походка у нас одинаковая.

— И ты решила, что вы сестры-близнецы?

— Да. Не только из-за сходства. Выяснилось, что роды у ее матери принимала... кто бы ты думал?

— Полина?

— Точно. Причем не просто принимала роды, а делала кесарево сечение, и, следовательно, роженица была под наркозом.

— Погоди-погоди, я сам догадаюсь. У жены местного воротилы умер ребенок и ей подсунули девочку, которую родила твоя мать, правильно?

— Ну, в общем, примерно так я сначала и подумала. Это многое бы объяснило: трогательную заботу Полины о моей маме, существование двух неотличимых девушек и даже тот загадочный разговор у меня на работе. Полина могла узнать, что некто собирается использовать наше с... Марией сходство в каких-нибудь некрасивых целях, и пыталась предостеречь меня, намекнуть, чтобы не впутывалась в чужие игры.

— Так, а что же не сошлось?

— Многое. Во-первых, дата и место рождения. Я родилась не здесь, а в Москве, через три недели после Марии. Но это бы еще ладно. Во... Полина училась в московском меде, у нее в столице масса знакомых врачей. Кто-нибудь из них вполне мог состряпать для мамы фальшивую справку из роддома...

— Зачем? — удивился Сергей.

— Не знаю. Например, чтобы не разоблачили их обман. Представь себе, что та женщина — мать Марии — случайно встретила бы меня. Конечно, она попыталась бы узнать, кто я такая, кто мои родители — хотя бы из любопытства. И как, по-твоему, что произошло бы, узнай она, где и когда я родилась?

— М-да!.. Наверное, скандал.

— Наверняка. Они и подстраховались... наверное. Если моя версия все-таки верна. А это вполне может быть не так, потому что, кроме «во-первых», есть еще и «во-вторых». Я спросила Марию, не может ли она быть приемной дочерью. И знаешь, что она ответила? Дескать, насчет матери не уверена, вполне возможно, что она чужая тетя, но в отношении отца сомнений нет. Потому что она, Мария, — вылитая бабушка в молодости.

Сергей хмыкнул.

— А не могла твоя Мария наврать? Неосознанно, не отдавая себе отчета. Все мы верим в то, во что хотим верить. И, наоборот, не верим тому, что нам не нравится. Если ты привыкла, что твой папаша — крупная шишка, тебя вряд ли обрадует его замена на слесаря-жестянщика.

— Оно конечно. Но существует фото, студийный портрет бабули. И я его видела. В подробностях не рассмотрела, времени не было, но на беглый взгляд сходство убедительное.

— Да-а! Тут без поллитры не разберешься. Кстати, насчет поллитры. Повторим? А то на нас бармен угрюмо косится.

Сергей сходил к стойке и принес еще два джина с вермутом и оливкой, которые почему-то назывались «Мартини». Это был уже четвертый его поход, и Яна заметила, что его слегка заносит на поворотах. Сама же она, как ни странно, чувствовала себя совершенно трезвой. Только настроение, пожалуй, чересчур уж приподнятое, но это, возможно, эйфория чудом уцелевшей жертвы.

— Ну как, помогло? — весело спросила она, когда Сергей втянул в себя половину коктейля и поставил бокал. — Узрел истину?

— Тут, пожалуй, узрешь! — вздохнул он. — Одно из двух... нет, из трех. Либо твоя мама обманула и тебя, и этого жестянщика, чтобы выгородить местного туза, и тогда твое сходство с папой Юрой — чистая случайность. Либо папа Юра — тайный внебрачный сын бабули с портрета, что бывает только в дешевых романах. Либо Мария тебе не сестра, а ваша полная идентичность, как и участие Полины в судьбе твоей и ее матери, — невероятное совпадение. Впрочем, все три варианта выглядят невероятными.

— На самом деле вариантов больше. Например, тайным внебрачным ребенком бабули с портрета может быть не Юра, а моя мама, на которую я, кстати, тоже похожа. Или портрет — фальшивка, изготовленная специально для приемной матери Марии, чтобы у нее не возникало вопросов, в кого пошла дочь. Или местный туз был тайным возлюбленным моей бабушки по матери, и мама на самом деле — его ребенок. Но ты прав, все они выглядят невероятными. Портрет-фальшивку нужно было изготовить заранее, еще до рождения Марии, а как можно предугадать внешний облик еще нерожденного ребенка? Кстати, эту бабулю многие здесь должны помнить, она была женой крупного партийного функционера из местных. Так что фальшивку запросто могли разоблачить. Это возражения по второму пункту. А вот по первому: жены партийных функционеров не рожают внебрачных детей, а если рожают, то не бросают. И по третьему: моя мама родилась не в Старграде, а в уездном городишке. Ее мать была уборщицей в рабочей столовой и здорово закладывала за воротник. Не слишком подходящая любовница для комсомольского начальника, которым был местный воротила, верно?

— Пожалуй. Слушай, а почему бы тебе не поговорить с мамой или с этой Полиной? Если они поймут, что ты не успокоишься, пока не докопаешься до правды, то перестанут вешать тебе лапшу на уши.

— Не факт. Полина говорила, что это чужая тайна. Если они дали кому-то слово, то будут молчать, как партизанки, такие уж они благородные. И еще... Есть причина, по которой я не могу этого сделать. Я должна все выяснить сама. И кое-что уже выяснила. Нашла акушерку, которая работала в больнице, где родилась Мария. Это от нее я узнала про кесарево сечение. Сама она была в отпуске, но слышала, что роды прошли с осложнениями, воротила даже выписал из столицы какую-то медицинскую знаменитость. Роженицу перевели из гинекологии в хирургию, и знаменитость ее оперировала. Но это потом, уже после кесарева. А кесарево делала Во... Полина. Хирургическая сестра, которая ей помогала, вскоре уехала из города. Как-то очень внезапно уехала. К сожалению, мне так и не удалось поговорить с врачом или сестрой, дежурившими в ту ночь. Врач умер, сестра по-прежнему работает с Полиной и не ответит на мои вопросы. С трудом разыскала бывшую санитарку, хотела спросить, не помнит ли она мою маму — на шестнадцатилетнюю роженицу должны были обратить внимание, — а у той склероз. Мне вообще не очень-то везет. Наведалась в швейное ПТУ, где училась мама, меня там обхамили и чуть не спустили с лестницы, несмотря на предложенную взятку. Потом одна добрая душа объяснила, что секретарша, которая меня обхамил, по глупости уничтожила часть старой документации. А начальству ни гу-гу, чтобы по шапке не дали. Дескать, кто проверять-то будет? А тут я со своим запросом. Но мне все-таки удалось найти женщину, с которой мама жила в общежитии. На швейной фабрике работает. Эта деньги взяла и маму мою вспомнила, только ничего полезного так и не сказала. «Оля, говорит, дикой была — ни поболтать с ней, ни посмеяться. Скажешь чего, она зыркнет, как зверек, и молчок. Не могу представить, чтобы у нее парни были. По правде, я ее плохо знала. Она полгода всего с нами училась. В первую же зиму ни с

того ни с сего забрала документы и уехала. Не знаю куда, домой, наверное».

— Значит, во время беременности твоя мама жила не в общежитии?

— Угу. И не дома, это я точно знаю. Она как из дома сбежала в пятнадцать лет, так больше туда и не возвращалась. Я подумала, может, этот воротила снимал ей комнату, если она, допустим, согласилась отдать ему младенца. Его жена была больна, он мог заранее предполагать, что она ребенка не выносит, и приглядеть будущую мамочку, которой ребенок ни к чему. Звучит, конечно, дико, но ничего, я привычная — вон сколько диких версий наворотела. Но как проверить насчет комнаты? Кто мог о ней знать? Прислуга туза? Какие-нибудь помощники, референты? Их попробуй найди. Да и расспрашивать опасно — донесут воротиле.

Сергей вдруг поперхнулся коктейлем и закашлялся.

— Наезд... Джип!.. — выдавливал он между приступами кашля. — Ты уверена... что это... случайность? Может, до туза дошли слухи о твоих изысканиях? И они ему не понравились?..

Яна побледнела.

— Н-не знаю. Ты думаешь?.. Но это... Это значит, что я права? Тайна рождения существует?

— Яна, послушай, может, тебе лучше бросить свое расследование? Видишь же, опасное это дело. Ну какая тебе разница, кто твой отец и есть ли у тебя сестра?

— Есть разница. Пока не знаю какая, но обязательно выясню. Хотя из Старграда, наверное, придется на время уехать — береженого бог бережет. Ничего, мне есть куда податься. В Козловск, в райцентр, где родилась мама. Там живет моя тетка, библиотечарша, которая подкармливала маму в детстве и давала ей приют. Мама до сих пор шлет ей открытки и денежные переводы. Я думаю, она написала Марьяне Алексеевне, когда забеременела. Или даже ездила к ней — больше-то не к кому было. Во всяком случае, если кто и знает, где мама жила последние полгода перед родами, скольких детей родила и от кого, то это старушка библиотечарша.

— Значит, не сдашься?

— Ни за что!

— Тогда я поеду с тобой. Можешь возражать сколько хочешь, но на произвол судьбы я тебя не брошу. Даром, что ли, из-под колес тебя вытаскивал?

Решив уехать, Яна тут же успокоилась. А предложение Сергея составить ей компанию и вовсе развеяло остатки тревоги. Она кокетливо улыбнулась и спросила, глядя на него поверх бокала:

— А почему ты решил, что я буду возражать?

* * *

Марьяна Алексеевна была уже совсем старенькой и, очевидно, страдала каким-то тяжелым недугом. Тоненькие, словно цыплячьи лапки, руки и маленькая головка с прозрачными седыми кудряшками заметно дрожали, сморщенное личико цветом напоминало дешевую туалетную бумагу, запавшие глаза — тусклые, с желтыми, в красных прожилках, склерами — сильно слезились.

Увидев это убогое дряхлое существо, Яна чуть не заплакала от жалости и разочарования.

Старушка явно не вылезает из болезней, в том числе и психоневрологических. Хорошо, если еще не впала в маразм. Небось имени-то мамино не помнит, разве что по открыткам да переводам.

Однако Марьяна Алексеевна, встретившая Яну и Сергея настороженно, чудесным образом переменилась, когда услышала имя Ольги Агаповой. Всплеснула дрожащими ручками, прижала Яну к чахлой груди, даже всплакнула.

— Ах, деточка! Я уж и не чаяла тебя увидеть! Так и помру, думаю, не повидав крестницу. Ну-ка, ну-ка, дай на тебя посмотреть! Красавица! И на Оленьку как похожа! Ну, проходите, проходите скорей, что на пороге-то стоять!

После первых восторгов, упреков за принесенные дары, вопросов о милой Оленьке, хлопот с самоваром и посудой Марьяна Алексеевна усадила гостей за стол и взялась за расспросы. Яна рассказала о своем житье-бытье, представила Сергея как друга («Жених, значит» — бесхитростно перевела старушка) и призналась, что приехала в Козловск специально, чтобы повидаться с Марьяной Алексеевной.

— Мне ужасно хотелось посмотреть на крестную, в честь которой меня назвали, и расспросить вас о бабушке с дедушкой и о мамином детстве. Сама она ужасно не любит о нем вспоминать, — объяснила гостя.

— Еще бы! — Старушка вздохнула. — Не дай бог никому такого детства. Правда, совсем маленькой я ее не знала, а люди говорят, что поначалу Агаповы хорошо жили, пока отец Олин не помер. Выпивали, знамо дело, помаленьку, ну да трезвенников у нас и нет почти. А уж как Василий преставился, Нюрка совсем вразнос пошла. Не просыхала, почитай. Мужиков домой водить начала, дочь кормила через день, зато лупила как сидрову козу. Помню, как Оленька в первый раз ко мне в библиотеку пришла. Маленькая такая, одна голова над столом и торчит, худенькая — все косточки на просвет видны, одежонка плохонькая, ботинки каши просят. Я грешным делом за книжки свои испугалась. Испачкает, думаю, или порвет. Несмышленная ведь еще и, сразу видно, к аккуратности не приучена. Только зря я на нее грешила. Она с книжками обращалась, как с драгоценной посудой. Несла до стола на вытянутых руках, странички переворачивала бережно, за самые краешки, не замнет, не надорвет. А уж чтобы нарисовать чего — такого ей и в голову не приходило. Я вам скажу: не всякий ученый человек так книги бережет, как она берегла. А ведь малышка совсем была, ей восьмой год всего шел! Я все удивлялась, как она может так читать — целыми днями. После школы придет, наберет книжек, сядет в уголок и сидит, читает до самого закрытия. Ни поесть не пойдет, ни побегать. Спрашиваю ее, а она молчит, только глазенки испуганно таращит, да голову в плечи втягивает. Я решила: больная, наверно. И отступилась. А потом мне про нее знакомая одна рассказала. Про смерть отца, про материно пьянство, про мужиков, про побои... Сказать не могу, как мне стало жалко девочку. И ведь ладно бы оторва какая была, а то ведь тихая, послушная. За что ж ей такое? Ну и начала понемножку малышку приручать. То карамелькой угощу, то яблоком. Она стесняется, боится, а отказаться сил нет, голод не тетка! Потом попривыкла ко мне, осмелела. Разговаривать начала, про книжки, про жизнь. Поделилась, что друзей у нее нет, потому что все над ней смеются, что синяки у нее, что платье старое и чулки худые, и воротничок криво пришит. Я ей одежду чинила и стирала, платица из своих старых нарядов шила, чаем поила, подкармливала. А она мне в библиотеке помогала: и пыль протрет, и цветочки польет, и книжки расставит. Душа в душу жили. До самого ее отъезда. И из дома она ко мне убежала... — Она убежала из дома? Когда? Почему?

— За полгода до отъезда. А почему — не знаю. Она так и не рассказала. Только думаю, что с ней там какую-то мерзость сотворили. Прибежала ночью в одной рубашечке, в шлепках — это среди зимы! Вся белая, зубы стучат. Я кричу: что такое? Кто тебя обидел? А она, бедняжка, только трясется и головой мотает. Всю ночь травками ее отпаивала. Утром хотела в милицию пойти, а Оленька в слезы: «Марьяна Алексеевна, Христом Богом вас прошу, не ходите! Все равно ничего им не расскажу, хоть убейте!» Ну что тут поделаешь? Не пошла я никуда, а Оленьку у себя оставила. Супруг мой, Андрей Ильич, царствие ему небесное, сердился очень. Говорил, что непорядок это. Девочка должна жить с родителями, а если родители над ней издеваются, нужно подать в суд, лишить их прав, а девочку определить в интернат. Еле уговорила его потерпеть полгода. Оленька через полгода восьмилетку заканчивала, а после могла уж поступить в какое-нибудь училище с общежитием. А интернат — это разве по-божески? Он вообще-то незлой был, Андрюша-то. Но раздражительный, язвой маялся. А квартирка, сами видите, какая. Нам и двоим тесновато было. Но полгода — это разве срок? Для благого дела можно и потерпеть. Тем более что от Оленьки никакого беспокойства не было. Ходила тихонько, на цыпочках, если разговаривала, то почти шепотом, а больше-то молчала. За собой все всегда уберет, вымоет. И мне поможет с уборкой, со стряпней. И просить не приходилось, сама всегда вызывалась: «Марьяна Алексеевна, в магазин сходить не нужно? Белье стирать не пора? Я почищу картошку?» Золото, а не девочка. Как мне потом ее не хватало, когда она в Старград на учебу уехала!

— Она вас не навещала?

— Сначала — да, каждое воскресенье приезжала, хоть и дорога тяжелая, полтора часа на автобусе, да все больше стоя. Автобус-то ходил три раза в день, и народу набивалось — не вздохнуть. И все с мешками, с сумками, ужас! Но Оленька все равно ездила — скучала, видно. У нее ведь в ту пору никого ближе меня не было. А потом появился этот негодник. Я сразу почувяла: влюбилась девочка. Похорошела, распрямилась, глазки сияют. Спрашиваю: ты чего светишься? Уж не завела ли милого друга? А Оля вспыхнула вся, потупилась. Тут и слов не надо, понятно все. Да она и не запиралась. В радость ей было поговорить про своего Юрочку. И красивый-то он, и добрый, и внимательный. И какое это чудо, что он ее, серую мышку, заметил. И не важно ему, что она бедно одета, что в моде и музыке современной ничего не понимает, не красится, на дискотеки не ходит, даже целоваться не умеет. У меня, по правде говоря, сердце екнуло. Оленька такая беззащитная, такая неопытная. И лаской не избалованная. Скажи ей доброе слово — она к тебе всем сердцем прикипит. А ну как этот Юра потешится ее любовью безоглядной, да потом в душу девочке плюнет? И ведь как в воду глядела! Сколько раз потом себя корила, что не остерегла ее, не охладила! Да уж больно она светилась, не могла я счастье такое гасить.

У старушки был такой сокрушенный вид, что Яна просто не могла ее не утешить.

— Не вините себя, Марьяна Алексеевна, — сказала она проникновенно. — Не помогли бы маме ваши предостережения. Влюбленные никогда не слышат голоса разума.

— И слава богу, — поддержал Яну Сергей. — Иначе жизнь на земле давно бы прекратилась.

Марьяна Алексеевна истолковала его реплику как намек, встрепенулась и бросила на Яну виноватый взгляд.

— И то верно. Не оплошай я тогда, глядишь, Марьяша и не родилась бы. Да и у Оленьки судьба бы совсем по-другому сложилась. Гнула бы теперь спину над швейной машинкой,

ничего хорошего в жизни не увидела. А так, гляди-ка, без пяти минут доктор наук, преподает, книги пишет! Все Оленькины учителя хвастаются ее успехами. Будто это они ее так хорошо выучили, а не сама она у меня в библиотеке все книжки перечитала! Нет, что ни делается, все к лучшему. Но тогда я очень переживала. Все сердце изболелось. Я ведь не сразу поняла, что случилось. Вдруг пропала моя Оленька. Неделю не едет, другую, месяц. Ну, думаю, совсем девчонку любовь закрутила. Не до меня ей теперь. Потом встревожилась — любовь не любовь, а ведь должна она понимать, что я жду ее, беспокоюсь. Всегда такая внимательная была, а тут на тебе! Когда второй месяц прошел, а ее нет, и засобиралась в Старград. Только не успела — от Оленьки письмо пришло, то есть не письмо, а простая открытка, там три строчки всего и было: «Здравствуйте, Марьяна Алексеевна! Простите, что долго не подавала вестей. Не волнуйтесь, я жива и здорова, только приехать пока не могу — подзапустила учебу, нужно нагонять. Ваша Оля». Вроде все и объяснилось, а у меня душа не на месте. Письмо какое-то сухое, а она, касатка моя, всегда такая ласковая ко мне была. Но я себя убедила, что это ничего не значит. Может, устала она или торопилась. Не поехала, словом. А напрасно. Оленька совсем пропала — ни писем нет, ни ее самой. Уже и каникулы начались, все наши студенты домой вернулись, а ее все нет как нет. До Старграда я только в феврале добралась. Прихожу в училище, а мне говорят: ушла от нас Агапова и документы забрала. А почему — не знаем. Я — в общежитие, соседок ее пытаться. А они тоже: «Не знаем ничего, она потихоньку ушла, когда не было никого. Забрала вещи и ушла, даже записки не оставила». Я спрашиваю про Юру, и тоже никто ничего не знает. Говорят: не видели мы ее никогда с парнем. А сама она разве расскажет? От нее иной раз неделями слова не услышишь. Так и уехала я ни с чем. Дома мечусь, все из рук валится, сердце ноет. Пошла в милицию, а они говорят: «Мы только от родственников заявления такие принимаем. Вы не волнуйтесь: раз девушка сама свои документы забрала, ничего с ней страшного не случилось. Может, к любовнику ушла, дело молодое». Я и к матери ее ходила, и в школу — все напрасно. Мать в бесчувствии, ничем ее не проймешь, а в школе то же, что и в милиции сказали. Молодежь сейчас безответственная, им до наших переживаний дела нет, и поднимать панику из-за того, что девица бросила училище, просто глупо.

Полгода я горевала, плакала по ночам, все к шагам за дверью прислушивалась. А потом от нее письмо пришло аж на пяти страницах! Все там было: и каялась она, и про беду свою писала, и про то, как докторица ее спасла — дай бог ей здоровья! — и про то, что девочку родила, да назвала в мою честь, да окрестила, а меня в крестные матери записала заочно — вроде так можно. И про то, что живет теперь в Москве у очень душевной женщины, культурной, тоже докторицы. И что живут они душа в душу, как сестры, и всем-всем-всем друг другу помогают.

— А мама не писала, где жила полгода, когда из общежития выписалась?

Марьяна Алексеевна покачала головой.

— Нет, про это ничего не было. Писала только, что болела сильно. А где, как — ни слова. А ты почему спрашиваешь, детка?

Яна замаялась.

— Понимаете, она... я случайно встретилась с девушкой, которая очень на меня похожа. Мать у нее больна, причем такой болезнью, при которой рожать не рекомендуют. А ее отец — большой начальник в Старграде. И я подумала: может, он помог маме в свое время, а она родила двух девочек и одну отдала ему? У мамы, как вы понимаете, мне неловко спрашивать.

Старушка долго молчала, переваривая информацию.

— Нет, — сказала она наконец. — Врать не буду, ничего такого я не знаю. Оленька про большого начальника ни словом не обмолвилась. Да и не верю я, что она могла отдать младенца чужому человеку.

Следующий вопрос Яна сформулировала с большим трудом:

— Марьяна Алексеевна, вы вот говорите, что мама про свою беду написала. Это про то, что Юра ее бросил? Или про беременность? То есть... не могло быть так, что она забеременела... после Юры? Знаете, иногда клин клином вышибают...

Старушка нахмурилась.

— Что-то я тебя не пойму, деточка. Голова-то к старости совсем худая стала...

Яна рубанула сплеча:

— Она определенно писала, что отец ребенка, мой отец — Юра?

Сообразив, о чем речь, Марьяна Алексеевна даже руками всплеснула:

— Что ты, дочка! Разве ж можно так о матери? Оленька не из таких! Да, не удержала себя девочка, поддалась соблазнителью, но ведь это не от испорченности — от неопытности, от щедрого сердца, от тоски по нежности, которой ей дома недодали. По большой любви она невинность не уберегла. От любви этой поруганной чуть не умерла потом. Неужто такая светлая, чистая девушка стала бы искать утешения в других объятиях? И думать не смей! Эх, письмо ее не сохранилось — Ильич мой бумаги разбирал да выбросил, не спросив. А у меня память уже дырявая. Но то, что отец твой — Юра, и ни о каких других мужчинах Оленька не писала, помню точно.

Больше они на эту тему не говорили. Марьяна Алексеевна стала расспрашивать о московской жизни, о ценах, о преступности, пожаловалась на продажность козловских чиновников и неустроенность местного быта. Поговорили о политике, об образовании, о погоде, которая в последнее время вытворяет черт-те что. Наконец гости стали прощаться. Старушка расцеловала Яну, обняла Сергея, пожелала им счастья и уже на пороге, собираясь закрыть за ними дверь, вспомнила:

— Ох, Марьяша, ты же о бабке с дедом хотела поговорить! Так вы за этим к Наталье ходите, к Наталье Петровне, Нюриной подружке. Они с Нюрой соседствовали, Наталья ее с сопливых времен знала. Василия тоже знала хорошо, она у них на свадьбе свидетельницей была. И хоронила обоих. За Нюркой до последнего дня ходила. Мне Оленька перевод пришлет и обязательно припишет: отнесите столько-то тете Тате, пусть у нее лежат на еду и лекарства маме. Через Оленьку мы с Натальей и познакомились. Давай-ка я запишу тебе ее адрес.

— Ну что? Похоже, твои подозрения не подтвердились, — сказал Сергей, когда они вышли на улицу. — Большой начальник в жизни твоей мамы не фигурировал. Ни в каком качестве — ни как благодетель, ни как любовник. Правда, она могла скрыть от старушки некоторые детали своей биографии. Бабуля — мастодонт, взгляды на нравственность почти средневековые, такой как-то не тянет исповедоваться в амурных грешках.

Яна задумчиво покачала головой:

— Нет, Сереж, старушка права. Мама не из таких. Папашино предательство так ее ранило, что она до сих пор вашему брату не верит. За ней ведь многие ухаживали и замуж звали, а она ни в какую. Обожглась. Уж если она спустя двадцать лет от мужиков шарахается, то сразу после Юрика, когда ожог еще не зажил, должно быть, обходила за

МИЛЮ.

— Значит, ты больше не сомневаешься, что Юра — твой отец? Тогда какие варианты у нас остаются? Юра — внебрачный сын туза? Твоя мама — внебрачная дочь матери туза или его самого? Все?

— Еще портрет-фальшивка. Но эту версию нужно проверять в Старграде. Как и версию с внебрачным Юрой. Зато здесь можно выяснить подноготную маминых родителей. В маленьких городах альковные тайны очень быстро становятся всеобщим достоянием.

Спросив у прохожего, как попасть на Советскую улицу, они через двадцать минут вышли на пыльную узкую дорогу, стиснутую с двух сторон заборами частных домов. Многоголосый собачий брех сопровождал их до самой калитки с нужным номером. Толкнув калитку, они попали во двор беленого дома с синими оконными переплетами и неровными, точно пузатыми, стенами. По двору, выщипывая редкие травинки, ходили куры, металась, надрываясь от лая, мохнатая цепная дворняга.

— Ну хватит, хватит, разошелся!

Сергей с Яной обернулись на голос и увидели полную женщину лет пятидесяти с небольшим. Женщина развешивала выстиранное белье и теперь неохотно прервала свое занятие.

— Вам кого? — спросила она, поставив таз прямо на землю и вытирая руки о фартук.

— Наталья Петровна?

— Да, это я. А вы чьи будете?

— Я — Марьяна, дочь Ольги Агаповой, а это мой друг Сергей.

— Олькина дочка, говоришь? — женщина недобро прищурилась. — И чего ж тебе здесь понадобилось?

Яна растерялась. Она никак не ожидала подобной недоброжелательности.

— Я... Я хотела поговорить с вами про бабушку.

— Про бабушку вспомнила?! — Наталья расставила ноги и уперла кулаки в бедра. — А где ты раньше была, когда бабушка в параличе лежала и у Бога смерти просила? Когда я кормила ее с ложечки и выносила за ней горшки? Когда обмывала ее, обряжала и в гроб укладывала?

— Не кричите на меня! Когда умерла бабушка, мне было двенадцать лет. А про ее смерть я узнала через год.

— Ну, Олька! Ну, змея подколотная! Мало того, что бросила родную мать, даже хоронить не приехала, так еще и дочери ничего не сказала!

— Как вы можете!.. Как вы можете так говорить! Ведь вы же знаете...

Яна начала задыхаться. Сергей притянул ее к себе, обнял и ласково похлопал по спине.

— Ну-ну, успокойся! А вы, уважаемая, выбирайте выражения. От девочки, которую мать избивала и морила голодом, нельзя ждать дочерней любви.

— Ты спроси ее, почему мама убежала из дома в одной ночной рубашке? В мороз! — Яна всхлипнула. — Что с ней сделали такое, что она даже сказать не могла? — Она вырвалась из объятий Сергея и повернулась к Наталье: — И даже после этого она мать жалела. Запретила Марьяне Алексеевне идти в милицию. Деньги присылала на продукты. Не ей — вам, чтобы она себя водкой лишней раз не травила! Да я бы на мамином месте эту пьяницу своими руками задушила!

— Что ты понимаешь, соплячка? — закричала Наталья Петровна, но уже без прежнего злобного напора. — Да, Анюта пила! И дочь спьяну, бывало, поколачивала. И мужиков

водила, а среди них редкие сволочи попадались. Да только судить ее не нам с тобой! Можешь ты вообразить, каково это: жить после того, как у тебя муж повесился?

— Как повесился? — ахнула Яна.

— Да так! На веревке. Залез на чердак и того... А нашла его Нюрка. Сама из петли вынимала. Такие вот дела. После такого кто хошь сопьется.

— А из-за чего он?..

— Не знаю. — Наталья наклонилась к тазу с бельем, взяла полотенце, встряхнула, повесила.

И по тому, как скованно она это делала, по тому, как поспешно отвела глаза, Яна поняла: врет. Знает.

Потом она не могла объяснить, почему ее осенило. А может, и не осенило вовсе, ведь именно это подозрение она пришла проверить.

— Он узнал, что бабушка ему изменила? Что мама — не его дочь?

Очередное полотенце выпало у Натальи из рук. Она впилась в Яну глазами.

— Откуда ты?.. Нюра никому не говорила. Только мне. И то, потому что себя не помнила, только Ваську из петли вытащила... Она потом страшную клятву с меня взяла, детьми заставила поклясться, что не скажу никому. Как же ты узнала?

— Случайно. Встретила мамино настоящего отца и догадалась. Нет, вру, не догадалась, подумала только и тут же отмахнулась от этой мысли. Этот человек — большой начальник. И тогда тоже ходил в начальниках, правда, рангом пониже, но все равно. Как он мог сойтись с уборщицей рабочей столовой занюханного райцентра? Да и чем она могла его прельстить?

— Много ты понимаешь! — обиделась Наталья. — Нюра в молодости была редкой красоткой, по ней половина здешних парней сохли. И уборщицей она была не всегда. Сначала работала официанткой в горкомовской столовой. Это уж потом, после Олькиного рождения ее оттуда выперли. Придрались к какой-то мелкой провинности, а на самом деле из-за внешности прогнали. Нюрка после родов подурнела очень. Бабки наши говорили, что дочь у нее всю красоту отняла. Может, потому она Ольку и лупила. Но скорее из-за Васи. Из-за смерти его.

— Как он узнал, что ребенок не его?

— Не знаю. Говорю же, Нюра об этом никогда не рассказывала, только в самый первый день, когда прибежала сюда в слезах. И говорила-то обрывками, сквозь рыдания не поймешь ничего.

— А настоящего отца не назвала?

— Нет. Сказала только, что из приезжих партийных.

* * *

— Наверное, все было так, — рассуждала Яна, бредя с Сергеем по пыльному проселку. — Комсомольский начальник приехал сюда из Старграда в командировку. Увидел хорошенькую официантку и соблазнил. Или она его соблазнила. У бабки с дедом долго не было детей. Мама шестьдесят восьмого года рождения, а бабка — тридцать девятого. Замуж она вышла в двадцать два. И на седьмом году брака, наверное, сообразила, что ее Вася бесплоден. Вот и выбрала отца для ребеночка — заезжего, чтобы по городу не пошли слухи.

Видно, любила она Васю. Сначала все у нее получилось, как задумывала. Забеременела, родила, муж ничего не заподозрил. Пять лет после этого они прожили в любви и согласии. А потом Вася как-то узнал, что у него не может быть детей... — Яна посмотрела на Сергея и поняла, что тот ее не слушает. Взгляд у него был какой-то странный — отрешенный и сосредоточенный. — Что с тобой? — спросила она. — Ты о чем думаешь?

— А? Да так, ни о чем. Голова болит. От жары, наверное. Нам, петербуржцам, пыльные степи противопоказаны. Давай сходим на реку, искупаемся.

— А она здесь есть? — усомнилась Яна.

— Сейчас узнаем. Эй, пацан! — крикнул он подростку на велосипеде. — Где у вас тут речка?

Парень затормозил и встал одной ногой на землю.

— Речка далеко. Вы лучше на пруды сходите, тут рядом. До конца улицы и налево, после хозяйственного еще раз налево. Все местные там купаются.

Сергей поморщился.

— А что, до речки очень далеко?

— Да нет, не особенно. На велике полчаса, а пешком, наверное, час. Только жарко идти. Дорога через поля, во-он она начинается.

Мальчишка махнул рукой куда-то в сторону и укатил.

— Ты как, не против прогуляться по полям? — спросил Сергей Яну.

— Да нет. Но у тебя же голова еще больше разболится.

— Ничего, искупаюсь — пройдет. А назад вернемся вечером, на закате.

Они нашли магазин, купили большую бутылку воды, хлеба, сыра и яблок и отправились на реку. Шли долго, большую часть пути молча. Вид у Сергея был мрачный, видно, голова и впрямь разболелась не на шутку. Но когда наконец дошли, он сразу повеселел. Река оказалась быстрой и чистой, но мелкой, по пояс. Вода перекатывалась через песчаные отмели, дробилась на небольшие рукава и огибала островки. Пришлось пройти еще метров триста, пока не обнаружилась глубокая заводь, где можно было поплавать.

Сергей окунулся и ожил на глазах. Начал дурачиться, брызгаться, потащил Яну на глубину. Она отбивалась, визжа и смеясь, потом нырнула и поплыла под водой.

Когда она вынырнула, а Сергей нагнал ее и снова утянул под воду, Яна здорово рассердилась. Что за дурацкие шутки! Она даже вдохнуть толком не успела! Так и утопить недолго. И как вцепился крепко, паразит!

Яна извернулась, от души лягнула его, вырвалась и, лихорадочно работая конечностями, вынырнула на поверхность. Через секунду неподалеку появилась голова Сергея.

— Ты что, дурак?!! — закричала она.

И осеклась.

В его глазах не было смеха, в них был холодный расчет. Он смотрел на нее, как смотрит на птичку кот, примериваясь к прыжку. Яна, сильно загребая руками, рванулась к берегу. Но не проплыла и трех метров, когда на ее щиколотке сомкнулись его пальцы. В следующее мгновение она снова оказалась под водой.

«Боже, мне не выкарабкаться! Он гораздо сильнее меня! И плавает куда лучше! Но почему? Почему?!»

Часть третья

Сергей Владимирович испытывал настоящую потребность надавать себе пощечин. Только третьего дня Виталий Желнин сидел в этом кабинете — темнил, изворачивался, бледнел, краснел, трясся, как овечий хвост, и вообще выказывал все признаки слабости и нервозности. Любой щенок с минимальным следовательским стажем расколол бы такого «клиента» в считанные минуты. А он, Гуляев, матерый волк, оттрубивший в прокуратуре четверть века, дал маху. Проявил, называется, гуманность! В результате господин «личный помощник» Турусовой отправился следом за своей шефиной и любовницей туда, откуда его ни повесткой не вызовешь, ни под конвоем не доставишь. А с его смертью погибла и надежда Гуляева раскрыть убийство губернаторши быстро и безболезненно.

Да, именно безболезненно. Сергей Владимирович вполне отдавал себе отчет в том, что эта формулировка — не фигура речи. Его подозрения в отношении Оксаны Вольской, не скрывающей неприязни к покойной Турусовой и имевшей самые широкие возможности организовать ее убийство, материализовались в неприятную ноющую боль в левой части груди. И только с появлением фигуранта, который на допросе едва не наложил от страха в штаны, явно знал больше, чем говорил и у которого на момент убийства Альбины не было алиби, зато был пропуск в клинику, болезненное ощущение исчезло.

Гуляев почти не сомневался, что нашел убийцу. Отточенное годами практики следовательское чутье подсказывало: Желнин виновен. Весь следующий день после его допроса Сергей Владимирович посвятил выявлению мотивов. И пожалуй что выявил. Прислуга Турусовых и люди, работавшие на Альбину, — телохранители, шофер, референты — сходились в том, что губернаторша обращалась со своим «личным помощником» отвратительно. Публично орала на него, унижала, насмехалась, язвила, только что ноги об него не вытирала. Все, кто видел эти безобразные сцены, недоумевали: и как парень терпит? Люди, конечно, разные бывают. Кто-то за хорошее вознаграждение добровольно в дерьмо окунется. Иной настолько толстокож, что попросту не замечает издевательств. Такому плюнь в глаза, все будет божья роса. Но Виталий производил впечатление человека честолюбивого, амбициозного и не лишённого душевной тонкости. Что могло заставить его безропотно сносить оскорбления немолодой вздорной любовницы и брезгливо-жалостливые взгляды окружающих?

Ответ на этот вопрос Гуляев получил, когда узнал, что официально Желнин числился юристом принадлежащей губернатору компании «Химиконт». Номинальный начальник Виталия на допросе показал, что Турусов распорядился ознакомить молодого человека с тонкостями работы юридического отдела. Значит, Желнин не солгал, Турусов действительно обещал парню обеспечить его профессиональную карьеру, когда супруга откажется от услуг «личного помощника».

Что же получается? Наживкой, соблазлившей Желнина стать альфонсом первостатейной стервы, была высокая должность в крупной компании, и поймал его на крючок не кто иной, как супруг этой стервы, достопочтенный господин губернатор? Интересный расклад. Скорее всего, награда была обещана Виталию при условии, что губернаторша останется им довольна, поэтому он не мог ни бунтовать против дурного обращения, ни уйти, хлопнув дверью. С другой стороны, ни один человек, обладающий хотя бы зачаточным чувством собственного достоинства, не станет вечно мириться с тем, что это

достоинство ежедневно попирают и топчут. Рано или поздно терпение иссякнет. По всему выходит, что иссякло оно и у Желнина. Не снес он фортелей Альбины. Но и порвать с ней, оставшись ни с чем, не пожелал. Смерть Турусовой была для него идеальным выходом: с каторгой покончено, впереди — блестящая карьера. Вот вам и мотив убийства.

Для подтверждения версии оставалось еще раз опросить персонал клиники (кто-нибудь наверняка видел там Виталия в день убийства), получить показания Турусова, ну и, конечно, самого Желнина. Сергей Владимирович выписал поручения оперативникам и с чувством выполненного долга отправился домой.

Вечером того же дня дежурную бригаду в составе криминалиста, танатолога и следователя прокуратуры вызвали «на труп». Виталий Григорьевич Желнин встретил смерть в прихожей собственной квартиры, точнее — задохнулся в большом полиэтиленовом мешке для мусора. Учитывая экзотичность способа, вероятность самоубийства была ничтожно мала. А следы поспешного обыска в квартире (выпотрошенные ящики письменного стола и комода, перевернутая постель, разбросанная по полу одежда) и вовсе сводили ее к нулю.

Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы усмотреть логическую связь между убийством Турусовой и насильственной смертью ее личного помощника, посему расследование по делу Желнина тоже поручили Гуляеву.

Ох, как клял себя Сергей Владимирович за мягкотелость, услышав новость! Парень практически был у него в руках. Стоило лишь немного надавить, и убийство губернаторши уже было бы раскрыто, а сам Желнин, живой и здоровый, сидел бы сейчас в камере и ждал передачи своего дела в суд. Так нет, надо было ему, Гуляеву, проявить неуместную жалость! Синюшного лица испугался, решил не доводить беднягу до инфаркта. Идиот! Парню тридцати еще не было, армию прошел, на здоровье не жаловался, какой инфаркт? На всякий случай можно было подстраховаться, вызвать врача, но не отпускать вероятного убийцу, даже не установив за ним наблюдения!

Смерть Виталия все усложняла. Без признания Желнина доказать его вину в убийстве Турусовой будет очень непросто. Да и виновен ли он на самом деле? Если виновен, то кто с ним расправился? Какой-нибудь мститель, решивший взять правосудие в свои руки? Ерунда! За ту неделю, что Сергей Владимирович занимался убийством Турусовой, он не допросил ни одного человека, который отозвался бы о покойной с искренней теплотой. А ведь он не пропустил никого из близкого окружения Альбины! Так откуда взяться мстителю, готовому рискнуть собственной свободой ради сведения счетов с убийцей никем не любимой женщины? Тем более что Желнин не принадлежал к сливкам общества, то есть у мифического поборника справедливости не было оснований считать, что власти станут выгораживать убийцу. Нет, версию с мстителем можно даже не рассматривать.

Остаются три возможности. Либо Виталия убили по причине, не связанной с убийством госпожи Турусовой, либо с ним расправился сообщник, опасавшийся, что у Желнина развяжется язык, либо личный помощник губернаторши погиб от той же руки, что и его любовница. Первый вариант выглядел маловероятным. Конечно, совпадения иной раз случаются... Но очень редко. За свою многолетнюю практику Гуляев помнил только два таких казуса, причем один раз брат убитого погиб в результате несчастного случая. Ох, и измучил тогда Сергей Владимирович экспертов, требуя хотя бы дохленького свидетельства в пользу инсценировки! Но нет, не вышло. Ни подозрительных гематом непонятного происхождения, ни отметин от веревок на запястьях и щиколотках, ни следов инъекции, ни наркотических веществ в крови жертвы специалисты не обнаружили. Чистый несчастный

случай.

Сомневался Гуляев и насчет третьего варианта. Чутье не могло его обмануть. Желнин вел себя на допросе именно так, как ведут себя неопытные преступники, до обморока боящиеся разоблачения. Значит, смерть Альбины, скорее всего, на его совести. По крайней мере, руку он приложил. То есть невинной жертвой душегуба, убравшего Турусову, не был. Выходит, самая перспективная из версий — вторая, с сообщником.

Кто он, этот сообщник? Что его связывало с Виталием? Как они распределили роли? Кто, собственно, убил Турусову? Виталий? Тогда какова роль сообщника? Или убил сообщник? Тогда зачем ему понадобился Желнин? И в любом случае как им удалось вывести из строя охранника и угадать, когда сиделка Турусовой выйдет в туалет? Сиделка... Вот кого давно надо было допросить. Почему-то Гуляев упорно забывал выписать ей повестку. Понятно, он не верил, что она причастна к убийству. Зачем ей убивать, если она легко могла организовать «естественную» смерть пациентки? И оперативникам, которые с ней беседовали, не показалось, будто она что-то скрывает. Но эта ее отлучка... Кого бы Гуляев ни прочил в убийцы, перед ним неизбежно вставал вопрос: откуда убийца знал, что в палате никого не будет? Возможно, сиделка даст ответ.

Елена Игоревна Иванова преподнесла Сергею Владимировичу сразу несколько сюрпризов. Во-первых, она первая из свидетелей не пожалела добрых слов в адрес покойной. Во-вторых, оказалось, что она исполняла при Альбине обязанности не только сиделки, но и телохранителя. В-третьих, благодаря ей Гуляев впервые услышал о системе разовых пропусков, данные о которых не заносились в компьютер. В-четвертых... Но, пожалуй, их беседа стоит того, чтобы привести ее хотя бы частично.

— Какие отношения связывали вас с покойной Турусовой?

— С ее стороны отношение было скорее безразличным. Да оно и понятно — кто я ей? Наемная работница, чьи услуги щедро оплачиваются. А я к Альбине Николаевне относилась хорошо. Да, характер у нее был не сахар, могла и накричать, и обидеть, но где вы видели тяжелобольных с легким характером? Может, и попадают такие среди бедных — не знаю, им сиделка не по средствам. А богатые да высокопоставленные в болезни все как один сущее наказание. Мы привыкли.

— Что, ко всем без исключения хорошо относитесь?

— Стараемся. Но Альбина Николаевна для меня — случай особый. Я ей очень признательна. Если бы не она, не знаю, как бы мы с сыном и родителями выжили. Знаете, сколько в сумме составляют их пенсии, алименты на ребенка и зарплата медсестры в обычной государственной больнице? Сто долларов! Можно на такие деньги прокормить семью из четырех человек? Я буквально загибалась, работала в две смены, а после еще бегала по частным пациентам уколы делать. Спала по три часа в сутки. И все равно денег не было даже на самое необходимое. Не знаю, на сколько меня хватило бы, если бы добрые люди не присоветовали пойти на собеседование в бизнес-колледж. Я сначала слышать ничего не хотела: какой там бизнес-колледж, я и бесплатного-то обучения не могла себе позволить, кто за меня будет семью кормить? Но потом дала себя уговорить. В конце концов, думаю, от меня не убудет, а жить так, как я живу, все равно невозможно. Ну и пошла. И что бы вы думали? Случилось чудо. Со мной поговорили — очень вежливо и доброжелательно. Даже когда я объяснила свои обстоятельства и прямо сказала, что платить не смогу ни копейки, никто не погнался отсюда поганой метлой. Женщина, которая со мной беседовала, записала мой телефон и пообещала выяснить, что они могут для меня

сделать. Через два дня мне позвонили и пригласили на встречу с Альбиной Николаевной. Разговор был долгим, подробностей я уже не помню. Главное — результат. Альбина Николаевна убедила меня учиться не на секретаря-референта, а на телохранителя. Сказала, что женщины-телохранители лучше зарабатывают, и спрос на них очень высок. А учитывая мою первую профессию, у меня от клиентов отбоя не будет. Бизнесмены-подранки будут просто в очередь выстраиваться. Я, правда, сомневалась, получится ли у меня, но тренер, которого тоже пригласили на встречу, заверил, что сложение у меня подходящее, физическая форма неплохая, да и годы позволяют. Альбина Николаевна сказала, что договорится с банком о кредите для меня — на пять лет, с минимальным процентом. И договорилась. На десять тысяч долларов. Восемь на оплату обучения и две на жизнь. Обучение длилось два года, так что двух тысяч, пусть и со скрипом, но должно было хватить. Помню, как я боялась: а ну как у меня ничего не выйдет — где я возьму такие деньжищи, как расплачиваться буду? Кошмарами по ночам мучилась, глупая. А расплатилась уже через год после окончания колледжа, на два года раньше срока. И с тех пор ни разу о деньгах не беспокоилась. Сейчас даже представить трудно, что когда-то все мысли были только о них. Ну разве это жизнь, скажите? Спасибо Альбине Николаевне, земля ей пухом, что из ямы вытащила.

— Полагаю, она сделала это не совсем бескорыстно? Не приходилось ли вам, Елена Игоревна, выполнять для Турусовой поручения деликатного, скажем так, характера? Я имею в виду, не просила ли она вас поставлять ей конфиденциальные сведения о ваших работодателях?

— Знаете, нет. До меня доходили слухи, что Альбина Николаевна использует многих выпускников нашего колледжа как шпионов, но меня она ни о чем таком не просила. Видимо, мои клиенты-пациенты не представляли для нее интереса. А может, ей не хотелось испытывать мою преданность, ведь я нужна была ей в качестве сиделки и телохранителя.

— Она часто прибегала к вашим услугам?

— Всякий раз, когда ложилась в клинику. У нее было четыре постоянных телохранителя, но мужчина в больничной палате — это большое неудобство, поэтому Альбина Николаевна нанимала меня. Двое ее телохранителей получали отпуск, а двое других посменно дежурили у входа в бокс. Казалось бы, с такой охраной ей нечего опасаться, а вот поди же ты... убийцу проворонили.

— Вы вините себя в ее смерти?

— Нет. Я же дежурила круглосуточно, без смены. При таком режиме мои кратковременные отлучки были неизбежны. Я старалась управляться со своими гигиеническими надобностями, когда Альбина Николаевна спала и не ждала посетителей — ночью или после обеда. Если кто-то все же входил в бокс, охранник давал предупредительный сигнал, чтобы я была наготове.

— Что за сигнал?

— По радио. У меня был специальный приемничек.

— А когда посетитель приходил, вы оставались в палате?

— Как правило, да. Альбина Николаевна велела мне выйти только... три раза. Когда приходил ее помощник Виталий.

— Вот как? И с чем, по-вашему, это было связано? Их свидания носили деловой характер или... гм... романтический?

— Скорее, деловой. Она вела себя вовсе не как влюбленная женщина. А он вообще

входил к ней, как приговоренный. А уходил пришибленный. Один раз я слышала ее крики, даже к двери подбежала, но так и не вошла. Сообразила, что это она его пропесочивает.

— А за что, не поняли?

— Вроде бы он что-то должен был сделать, да не успел. Я не дослушала. Как только поняла, что он ей не угрожает, сразу ушла.

— Но хотя бы предположительно — о каком деле шла речь?

— Честно, не знаю. Я разобрала-то всего пару фраз. «Мне на твои оправдания наплевать. Я дала тебе конкретное задание и конкретный срок. Не выполнишь — пеняй на себя». А он ей: «Но, Альбина, я все сделал, как ты велела. Я же не виноват, что мне до сих пор не перезвонили». Тут я и отошла.

— А как она обращалась с другими посетителями?

— Да тоже не очень любезно. На мужа вечно ворчала, к дочери придиралась. Но они ничего, терпели. Видно, понимали, что ее болезнь крутит, и жалели. Только та девушка, что за два дня до смерти Альбины Николаевны приходила, в склоку с ней ввязалась. Точно не больную пришла навестить, а на рынок пособачиться.

— Минутку! О какой девушке идет речь? Насколько мне известно, единственная женщина, у которой был пропуск к Альбине Николаевне, — ее дочь Марина.

— Это вы о постоянных пропусках говорите, а бывают еще разовые. Например, вы пришли к больному по срочному делу и больше навещать его не собираетесь. Тогда вам не имеет смысла затевать всю эту мороку с постоянным пропуском — фотографироваться, ждать, пока ваши данные внесут в компьютер, изготовят пропуск, подпишут у начальника охраны, у пациента. Вы просто идете к окошечку перед входом, подаете паспорт и говорите, что хотели бы навестить такого-то и такого. Дежурный регистратор звонит пациенту, выясняет, не возражает ли тот, заносит ваши данные в журнал и выписывает вам бумажку. На выходе из клиники возвращаете ее охраннику, тот проставляет время ухода, а потом передает регистратору.

— Интересно, почему я узнаю об этом только сейчас? — злобно пробормотал Гуляев в пространство.

Но Елена Игоревна решила, что вопрос адресован ей.

— Не знаю. Милиционерам, которые на вызов приезжали, я про эти пропуска рассказывала. И про девушку. Они и журнал ходили смотреть. Но, наверно, решили разовых посетителей не проверять. Их ведь всегда кто-нибудь из персонала провожает до палаты и обратно. Мало ли какие проныры бывают. Говорят, однажды таким образом в клинику проник репортер бульварной газеты, и у начальства из-за этого вышли большие неприятности.

— Хорошо, давайте теперь про девушку. Кто такая? Зачем приходила к Турусовой? Вы ведь присутствовали при их разговоре?

— Присутствовала. Ее зовут Катя. Насколько я поняла, она подруга Марины, дочери Альбины Николаевны. Приходила уговаривать Альбину, чтобы та разрешила дочери уехать на несколько дней к этой Кате на дачу. Вообще-то уговаривать — это я неточно выразилась. Они чуть ли не с первой минуты начали лаяться и обвинять друг друга во всех смертных грехах. Альбина Николаевна, как поняла, чего эта Катя от нее хочет, так и договорить ей не дала. Сразу в крик: «Как ты посмела! Кем надо быть, чтобы подбивать дочь уехать развлекаться, когда мать умирает? Ты дурно влияешь на Марину! Я давно это поняла, потому и запретила ей с тобой общаться. Убирайся! Если узнаю, что ты крутишься около Марины,

всю вашу семейку из города выдавлю!» Ну, а та в долгу не осталась. «Ты, — кричит, — уже десять лет помираешь! И все это время Маришке нельзя даже улыбнуться. А меня ты ненавидишь, потому что я ее люблю и хочу, чтобы ей было хорошо. Но куда там! Тебя же злоба задушит, если она хоть на день выберется из ада, что ты ей устроила!» Ужасный скандал был. Катя даже вышвырнула в форточку цветы, которые Альбине принесла. Они бы друг другу и в волосы вцепились, если бы я эту Катю не спровадила. Но, знаете, на вашем месте я бы не стала ее подозревать. Известно же: брехливая собака не укусит. Темпераментные люди исподтишка не убивают, потому что злобу в себе не копят. Молчуны — другое дело. Я бы вам посоветовала к дочери Альбины Николаевны присмотреться. Такая эта Марина тихоня — слова лишнего не скажет, голоса никогда не повысит, глазом не сверкнет. Уж как мать ее дергала, тут и святой бы сорвался! А та ничего, даже кулачок не стиснет. Но ведь живой человек, значит, должна что-то чувствовать — досаду там, гнев, обиду. И раз не показывала ничего, стало быть, в душе копила. Представляете, сколько у нее там накопело? А если пар не выпускать, он превращается в страшную силу.

После допроса сиделки Сергей Владимирович позвонил начальнику опергруппы с намерением сделать ему выговор. Но не вышло. На язвительный вопрос, почему никто из оперов не озаботился сообщить следователю о разовых пропусках в клинику, капитан Савельев невозмутимо ответил:

— Это пустышка, Сергей Владимирович. В день убийства не было выписано ни одного такого пропуска. А за предыдущие дни ребята все проверили по журналу. Количество выписанных и сданных совпадает. Мы решили, что эти пропуска интереса для следствия не представляют.

— Решили они, — проворчал Гуляев уже без прежнего запала, тем самым как бы признавая правильность решения. — Ладно, что у вас новенького по Желнину? Соседей, родственников опросили? Прозекторы чем порадовали?

— Заключение медэксперта будет завтра, — отрапортовал капитан. — Предварительный диагноз вы уже знаете: асфиксия. Родственников пока не беспокоили. Не до нас им сейчас — у матери Желнина сердце, «скорую» два раза вызывали. А соседей опросили. Есть кое-что любопытное...

— Да не тяните же, выкладывайте! Я уже оценил драматичность паузы.

— Я не нарочно, — неожиданно обиделся Савельев. — Записи просматривал. Значит, первое: Златоустов Алексей Власович, проживающий на восьмом этаже в интересующем нас подъезде, утверждает, что на лестничной клетке между шестым и седьмым этажами ночевал бомж. Квартира Желнина, если помните, на шестом. Златоустов в пять выводил собаку, решил спуститься по лестнице, чтобы соседей не тревожить — лифт шумит сильно. Пес бежал впереди, поводок из рук рвал, потом вдруг замер и зарычал. Хозяин присмотрелся: лежит мужик в рваной телогрейке, шерстяной шапке и дырявых кирзовых сапогах.

— Описание составили?

— Да нечего там составлять. Бомж лицом вниз лежал, шапку по самые плечи натянул, ноги поджал, даже рост не определишь. Сложения вроде не богатырского, а там кто его знает...

— М-да, подозрительный субъект. Вы окрестных пьянчуг расспрашивали?

— Домашние пьянчуги с бездомными не знают, брезгают. То есть не брезгают, а заносятся, считают себя против них белой косточкой. Надо бы в коллектор наведаться, там известный бомжатник. Но это к вечеру, сейчас они по городу расползлись, на жратву и

выпивку промышляют. Так, про бомжа пока все. Теперь второе: дней пять-шесть назад — точную дату так и не удалось установить — к Желнину приходил с претензиями неизвестный мужчина. Их ссору слышала соседка убитого, Лебедева Надежда Александровна. Ну о-очень любознательная дамочка. Подозреваю, она нарочно подслушивала, уж очень полный отчет представила. Так вот, мужчина обвинял Желнина в том, что тот крутит шашни с его Ирккой. Грозил переломать Виталику ноги, если увидит его возле своего дома. Желнин начисто от всего отпирался. И никакую-де Иррку он не знает, и по домам чужим не шляется, и вообще ревнивец ошибся дверью или кто-то его, Виталика, оклеветал. Потом они потише стали говорить, Виталик увел гостя в комнату, в общем, слов Лебедева больше не слышала, одни голоса. Только последнюю фразу, когда мужик уже уходил и они в прихожую вышли: «Смотри, если врешь, я ведь все равно разузнаю. Можешь тогда гроб с музыкой заказывать».

— А эта любознательная дамочка не выглянула за дверь, не посмотрела на скандалиста?

— Хотела, да постеснялась так-то, запросто. Побежала на кухню за мусорным ведром, выбежала на лестницу, только гостя уже след простыл. Как черти его унесли.

— Ну а еще что интересного она о соседе рассказала? Кто к нему ходил? Друзья? Девочки?

— В том-то и дело, что нет. Желнин купил эту квартиру года полтора назад. И за все это время к нему никто, кроме отца с матерью и сестры, не приходил. Соседка была уверена, что у Виталия нет девушки. Все ловчила, как бы познакомить его со своей племянницей. Потому-то она и удивилась, когда объявился этот ревнивец. Посудите сами: парень живет один. Куда ему приводить любовницу, как не к себе?

— Вы забываете, Владислав Андреевич, что Желнин был личным помощником — так это теперь называется — губернаторской супруги. Не мог он допустить, чтобы соседи видели его с любовницей — а вдруг слухи дойдут до Турусовой? Поэтому, если любовница была, то встречались они в каком-нибудь тайном гнездышке, где Желнина никто не знал. Короче, придется вам побегать, гнездышко и любовницу, а заодно и муженька ее поискать. Это все? Или еще какой-нибудь сюрприз приготовили?

— Последний, Сергей Владимирович. Медэксперт из дежурной бригады выдал предварительную оценку времени наступления смерти. По его прикидкам Желнин скончался за двенадцать-пятнадцать часов до прибытия бригады. То есть в промежутке от шести до девяти утра. Так вот, в половине седьмого утра к подъезду Желнина подъехал губернаторский «шевроле». Из машины вышел крупный седой мужчина — судя по описанию, личный шофер Турусова — и скрылся в подъезде. Минут через пять вышел, сел в машину и уехал. Показания дал Васич Евгений Константинович из соседнего подъезда. Он мыл свой «жигуль» и всю эту картину наблюдал от начала до конца. Клянется, что не мог обознаться. В смысле, «шевроле» именно губернаторский. Говорит, что хорошо знает эту машину.

— Интересно, очень интересно. Но, чует мое сердце, не тот это кончик, что нам нужен. Шофер наверняка ни при чем. Приехал в открытую, на приметной машине. Отсутствовал недолго... Может, у него и хватило бы времени, чтобы упаковать Желнина в пакет, но пошуровать в квартире точно не успел бы. Да и жертва бы еще не задохнулась. Не мог же убийца уйти, не удостоверившись, что оставляет труп. Но факт очень любопытный. Что могло понадобиться господину губернатору от любовника покойной супруги? Ладно, это мы сегодня выясним. Я как раз пригласил Турусова повесткой на три часа, и от него до сих пор

не звонили, значит, скорее всего, явится.

Виктор Павлович действительно явился. И даже чуть раньше трех.

— У меня к вам просьба, — сказал он с порога, едва поздоровавшись. — Не могли бы вы сегодня не затягивать допрос? У меня в четыре важная встреча.

Гуляеву смиренное поведение первого лица области чрезвычайно польстило.

— Что ж, мы всегда готовы идти навстречу власти. Присаживайтесь, прошу вас. И, раз уж вы торопитесь, позвольте мне, как говорится, сразу взять быка за рога. У меня есть сведения, что именно вы, Виктор Павлович, склонили Виталия Желнина пойти в личные помощники к вашей супруге. Посулили парню обеспечить его профессиональную карьеру, соблазнили деньгами... Некрасиво получается, господин губернатор. Вы ведь знали, какие, с позволения сказать, обязанности исполнял он при вашей жене?

Трудно поверить, но на щеках Турусова (бывшего комсомольского вожака, бывшего партийного номенклатурщика, человека, дважды прошедшего сквозь огонь, воду и медные трубы губернаторской избирательной кампании) обозначился румянец.

— Знал. Не тогда, конечно, когда уговаривал Виталия... но потом узнал. Альбина не считала нужным скрывать свои... отношения с молодым человеком. Да что там, афишировала их. А я притворялся слепым идиотом. Не знаю, поймете ли вы... Альбина уже много лет была для меня не женой, а ребенком. Безнадежно больным, безнадежно испорченным, капризным, вздорным, несносным, но родным. Я не помню, когда в последний раз переступал порог ее спальни. Не мог себя заставить. Конечно, если бы она хотела... Но она не хотела. Никогда, даже в первые годы нашего брака. А я любил ее до безумия, любую ее прихоть, любой каприз исполнял, чего бы мне это ни стоило. Знаете, смертельная болезнь возлюбленной придает чувству ни с чем не сравнимую остроту. «Историю любви» помните? Но, конечно, в нашем случае болезнь тянулась слишком долго. Острые чувства столько не живут. Либо умирают, либо трансформируются. Мое трансформировалось. Из любящего мужа я превратился в чрезмерно снисходительного отца. Снисходительного, по большей части, из жалости, но еще и от лени и жажды покоя. Теперь вам понятно, почему я ничего не предпринимал в отношении Виталия?

«Играет, — подумал Гуляев. — Но играет талантливо».

— Я понимаю, что вы хотите мне внушить, — сухо сказал он. — Но, как говорится, свежо предание, да верится с трудом. Допустим, вы действительно не питали к супруге нежных чувств. Но тот факт, что она открыто сожительствует с молодым любовником, не мог не отразиться на вашем реноме. Простите, буду говорить открытым текстом, без эвфемизмов. Репутация рогоносца, да еще рогоносца, который платит содержание альфонсу жены, несомненно, вредила вам как политику, а вы, вероятно, собираетесь через через два года избираться на третий срок. Поэтому, думается мне, вы несколько исказили истину, сказав, что ничего не предпринимали в отношении Виталия. Вам известно, что Желнин убит?

Турусов пошел пятнами.

— Нет... Я не знал... — Он пошарил в кармане пиджака и достал упаковку нитроглицерина. Надорвал, сунул капсулу под язык. При этом пальцы его подрагивали. — Как? Когда?

«Опять играет или вправду прихватило?» — встревожился Гуляев.

— Вам плохо? Я позову вашего человека?

— Благодарю вас. Мне уже легче. Только прошу вас, не нужно больше этих дешевых эффектов. Я уже не молод и недавно пережил смерть жены. Могу я узнать, когда убили Виталия?

«Прикидывался. Тянул время, чтобы взять себя в руки, — решил Сергей Владимирович. — Ишь, как заговорил по-хозяйски. Игры в демократию кончились?»

— Вчера утром. Приблизительно в то время, когда к Желнину приезжал ваш шофер.

— Я же просил вас!..

— Но это правда. Желнин скончался между шестью и девятью утра. Ваш шофер вошел в его подъезд в половине седьмого. Это вы его послали?

— Оставьте свои намеки! Да, шофера послал я. Попросил привезти ко мне Виталия. Мы должны были решить один вопрос. Финансовый. Я платил Виталию что-то вроде страховки на случай, если они с Альбиной расстанутся врагами и она запретит мне принимать в нем участие. Тогда он оставил бы деньги у себя и открыл бы свое дело. Если бы у нее не было к нему претензий, он вернул бы их мне, а я устроил бы его на хорошую должность в свою фирму. Таков был договор. Вот я и хотел узнать, каков его выбор. Но Семен вернулся один, сказал, что Виталия нет дома. Во всяком случае, в квартире было тихо и ему не открыли. Да вы сами подумайте: стал бы я посылать шофера на мокрое дело? Если бы мне понадобилось кого-нибудь убить, уж, наверное, я бы сообразил обратиться к специалисту! А он не поперся бы к жертве на моей машине, да еще в такой час, когда полгорода собирается на работу!

— Ну хорошо, положим, вы меня убедили. Если какие-то сомнения и остались, то сейчас мы их разбирать не будем, иначе вы опоздаете на встречу. Последний вопрос: у Желнина с вашей супругой были какие-то секретные дела. Не амурные. Альбина Николаевна трижды вызывала его к себе в больницу, и они запирались в палате, выпроводив сиделку. Однажды Альбина подняла крик, сиделка подбежала к дверям и услышала часть разговора. Ваша жена дала Виталию некое поручение и негодовала оттого, что он тянет с исполнением. Вы не знаете, что за поручение?

— Нет, — твердо сказал Турусов и тут же встал. — Жена давно не посвящала меня в свои дела. Если позволите, я пойду. Пора.

«Врет. Определенно врет», — решил Гуляев.

В тот день Сергею Владимировичу предстоял еще один допрос — Оксаны Вольской. Он долго тянул с ее вызовом в прокуратуру, но в конце концов решил, что откладывать больше нельзя, — прокурор в любой момент мог затребовать материалы дела на проверку, и его, несомненно, насторожил бы факт, что единственная подруга убитой, к тому же владелица клиники, где произошло убийство, до сих пор не дала официальных показаний. Не мог же Гуляев сознаться ему, что не торопится с допросом из дружеских чувств к бывшей однокласснице, по ее личной просьбе!

Когда она вошла в кабинет, организм Гуляева выкинул странный фортель. Взглянув на ее осунувшееся напряженное лицо с запавшими глазами и обострившимися скулами, Сергей Владимирович ощутил одновременно всплеск охотничьего азарта и болезненное сострадание. Ему почудилось, будто по сердцу полоснули бритвой и рассекли его надвое, причем обе половинки функционируют теперь совершенно независимо друг от друга. Одна учащенно забилась в радостном предвкушении момента истины, другая сжалась и замерла от страха за дорогую ему женщину.

Да, именно в эту минуту Гуляев понял, что Оксана ему дорога. Это чувство не поддавалось рациональному объяснению. До недавней встречи они не виделись лет

тридцать, они никогда не были друзьями, он даже не мог сказать, что был влюблен в нее в школе (хотя теперь ему мнилось, будто нечто похожее на влюбленность его тогда посетило, просто он по наивности этого не понял). Их последний разговор тоже не способствовал сближению. И все-таки он пошел, этот непостижимый процесс настройки одной души на другую.

Вольская поздоровалась, села и посмотрела выжидательно. Сергей Владимирович все никак не мог собраться с мыслями и заговорить. Злился на себя за это мнимомногозначительное молчание, понимал, что выглядит идиотом, но слишком уж потрясло его неожиданное открытие и странное расщепление личности. Прошла, наверное, минута, прежде чем ему удалось взять себя в руки.

По-видимому, следователь в нем взял верх, потому что начал разговор он («Кретин! Кретин!») сугубо официально:

— Оксана Яновна, я пригласил вас, чтобы оформить ваши показания под протокол. Вы не будете возражать, если наша беседа будет записываться на магнитофон?

— Не буду, — ответила она сдержанно, никак не проявив своего отношения к его перевоплощению в образцового чинушу.

Первая часть допроса прошла довольно гладко. Вольская ответила на вопросы о пропускной системе в клинике, кратко охарактеризовала персонал службы охраны, перечислила меры, принимаемые для безопасности особо важных пациентов, рассказала о своих непростых взаимоотношениях с Альбиной, представила алиби на момент убийства и назвала людей, которые могли его подтвердить. Потом Сергей Владимирович резко поменял тему («Давай, давай, испытывай на ней свои полицейские штучки, казенная душонка!»):

— Вы знакомы с Виталием Желниным, личным помощником покойной Турусовой?

Оксана подобралась.

— Практически нет. Разговаривали один раз.

— Вы знаете, что он тоже стал жертвой убийства?

Оксана вцепилась в ручку сумочки так, словно сумочка была пращей, а Гуляев — Голиафом.

— Да.

— Откуда?

— От Светланы Алихановой. Она оформляет документы в пятой больнице, в том числе и свидетельства о смерти. Мы знакомы, раньше вместе работали.

— А почему она сочла нужным поставить вас в известность?

Оксана пожалала плечами, но глаза ее сохраняли настороженное выражение.

— Она знала о наших отношениях с Альбиной. И о ее смерти, естественно, тоже. Нет ничего странного в том, что она позвонила мне, когда к ним в морг привезли... помощника Альбины.

— Вы хотели сказать «любовника».

— Да, ходили такие слухи.

— Но точно вы не знаете? Ни Турусова, ни Желнин вам не исповедовались?

— Нет. Мы поссорились с Альбиной раньше, чем она наняла помощника, поэтому откровенничать со мной ей было не с руки.

— А Желнин? Вы упомянули, что однажды разговаривали с ним. Когда и о чем?

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

Гуляев посмотрел на нее — бледную, окаменевшую от напряжения, но такую

непреклонную, и следовательно в его душе наконец потерпел поражение. Он встал и демонстративно выключил магнитофон.

— Оксана... Я хочу помочь тебе. Как друг. Понимаю, у тебя нет причин верить мне... Но ты, пожалуйста, поверь. Я сумею тебя вытащить, что бы ты ни натворила. — Он криво усмехнулся. — У меня большой опыт по этой части. Не надо сейчас ничего говорить. Иди домой, подумай. Если надумаешь, позвони.

Звонок раздался через два дня. Услышав голос, он сначала не понял, кто говорит, а когда понял, перепугался до шока. Она плакала. Оксана Вольская, это воплощение воли и выдержки, стойкий оловянный солдатик, всхлипывала, как пятилетняя девчонка.

— Рыжик... Ты обещал помощь... Приезжай... Я больше... не могу.

Оксана Вольская по натуре была скорее практиком, чем теоретиком. Отвлеченные понятия, абстрактные истины, философские построения ей не то чтобы не давались, просто были не слишком интересны. Тем не менее своя жизненная философия у нее имелась. Оксана представляла жизнь подобием испытательного полигона. Каждый участник испытаний на старте получает нечто, определяемое понятием «личность» или, если угодно, «душа». Цель испытаний — пройти трассу, сохранив целостность этой личности или души. Точнее, задача состоит не в том, чтобы пройти трассу — к финишу прибывают абсолютно все участники, независимо от того, стремились они туда или нет, — а именно в том, чтобы сохранить целостность. Ответить на вопрос «зачем?» Вольская не пыталась. Просто знала неким внутренним знанием: так нужно.

Характер испытаний, способных видоизменить, расщепить или вовсе уничтожить личность, может быть самым разным — от приятных, радующих душу даров вроде богатства, признания, славы, власти и любви, до жестоких ударов и лишений, таких как нищета, болезни, предательство друзей, смерть близких, крах многолетних усилий и трудов. Оксана на своем веку хлебнула довольно и сладости, и горечи. Но, опьяненная ли любовью, успехом, ликованием победителя, опустошенная ли болью утраты, усталостью и разочарованием, она всегда хранила верность себе и своему личному кодексу чести. До этого злополучного дня...

Сегодня она впервые поняла: ее силы иссякли. Тяжелая, как бронепоезд, беда, неотвратимо надвигавшаяся на нее последний месяц, наконец вплотную приблизилась к цели, грозя раздавить в пыль самую ее сущность, а у Оксаны не осталось сил даже на то, чтобы отползти в сторону. И тогда она позвала на помощь Гуляева. Знала, что не должна, что нарушает слово, что рискует всем, чем не имеет права рисковать, и все равно позвала. Потому что другого выхода не видела.

Рыжик (уже скорее Сивка) примчался через двадцать минут после ее звонка, подгоняемый то ли профессиональным рвением, то ли трогательной решимостью защитить ее от беды. Оксане было все равно чем. Она уже не способна была ни надеяться, ни бояться. Осталось единственное желание: спасти то, что еще можно спасти. Если не поздно. Плата ее не волновала.

— Ты дал понять, что подозреваешь меня в убийстве Альбины и Виталия, — сказала она, когда Сергей по ее жесту устроился в кресле у стола, на котором на этот раз не стояли ни бутылка, ни бокалы, только пепельница. — Подозреваешь, и все равно готов помочь. Я очень благодарна тебе за эту готовность, хотя ты и не прав. Не совсем прав. Помощь мне действительно нужна, но я не убивала.

Гуляев прикурил сигарету, затянулся и, уткнувшись взглядом куда-то в пол, сказал полутвердительно:

— Но ты знаешь, кто убил.

— Боюсь, что так.

— И страх за судьбу этого человека, убийцы, довел тебя до такого плачевного состояния? — спросил он с непонятной горечью.

— Все гораздо сложнее, Сережа. До плачевного, как ты выразился, состояния меня довел страх не только за убийцу, но и за других людей. И чувство вины. Понимаешь, ее... его... этого человека поставили в такие условия, когда убийство оставалось единственным выходом. В том числе я поставила. Я не хотела. Не ведала, что творю. Но как бы то ни было, вина за эти смерти и за... то, что к ним привело, в большой степени лежит на мне. Погоди, — заторопилась она, видя, что Гуляев нетерпеливо заерзал в кресле, — я сейчас объясню. Только с мыслями соберусь. Что-то у меня в последнее время плохо с мозгами...

— Неудивительно, — заметил он, окинув ее внимательным взглядом. — По-моему, ты просто истощила их голодом и бессонницей. Признавайся: когда в последний раз ела?

— Не важно, — отмахнулась она, — еда подождет. Не спорь, ты же ничего не знаешь. Я должна кое-что рассказать тебе, и как можно скорее. Впрочем, может быть, уже поздно... Но все равно...

— Оксана...

— Да слушай же! — гневно перебила она и добавила уже спокойнее: — Иначе я никогда не решусь. Двадцать с лишним лет назад Альбина ушла из дома и пропала. Ее искали всеми мыслимыми способами — опрашивали всех знакомых, знакомых знакомых, давали объявления в газеты, по радио и телевидению, обещая щедрое вознаграждение за любые сведения о ней, но так и не нашли. Альбина объявилась сама... пять месяцев спустя. Пришла ночью ко мне в больницу. Эта ночь до сих пор снится мне в кошмарных снах...

* * *

Весной восемьдесят четвертого года в Старграде из-за стафилококка закрыли один из родильных домов. Месяц спустя случился пожар в другом роддоме. По счастью, в огне никто не погиб, но здание требовало капитального ремонта, поэтому рожениц развезли по оставшимся роддомам и родильным отделениям больниц, а пострадавшее медучреждение опять-таки закрыли. Между тем лето восемьдесят четвертого оказалось необыкновенно урожайным на младенцев. Такого наплыва беременных старградские врачи женских консультаций и акушерки не помнили уже лет двадцать.

Родильные и гинекологические отделения городских больниц заработали в режиме военно-полевых госпиталей. Не хватало мест в палатах и родильных боксах, не хватало операционных и медикаментов, пеленок и белья. Врачи и медсестры дежурили по тридцать шесть часов вместо положенных суток, потому что персонала тоже не хватало.

Оксане Вольской доставалось больше других. Ее как раз недавно назначили завотделением, причем не хирургическим отделением, где она проработала почти девять лет и пользовалась заслуженным уважением коллег, а гинекологическим, где ее считали никчемной выскочкой, протеже сановитого любовника из партийного руководства. Чтобы завоевать авторитет у враждебно настроенных сотрудников, Оксана в эти тяжелые дни дежурила наравне с остальными, хотя должность заведующей не только давала ей право отказаться от суточных дежурств, но и вообще жестко ограничивала часы врачебной

практики — ее главной обязанностью теперь была административная работа. Но она справлялась и с тем и с другим, хотя для этого ей пришлось перейти на двухчасовой сон и практически переселиться в больницу.

День шестого июня с самого утра обещал быть безумным. В восемь Оксана позвонила врач-гинеколог из бригады, которая должна была заступить на дежурство, сообщила, что ночью умер ее отец, поэтому выйти на работу она не сможет. Через час стало ясно, что не явилась на дежурство и сестра-акушерка (позже выяснилось, что она по дороге в больницу сломала ногу). А рожениц везли и везли. Оксана позвонила на станцию «скорой помощи» и в приемное отделение, объяснила обстановку и попросила отправлять пациенток в другие больницы. Но инструкции запрещали отказывать в приеме женщинам на определенной стадии родов, поэтому полностью перекрыть этот поток не удалось.

К двум часам дня врачи каким-то чудом справились с утренним «девятым валом», и Оксана разогнала по домам предыдущую смену медиков — люди буквально валились с ног от усталости и недосыпа. Несмотря на «недокомплект» текущей дежурной смены, была надежда, что ограничение приема позволит ей продержаться до утра без особых эксцессов.

Но надежда не оправдалась. В восемь вечера Оксана позвонил диспетчер из «скорой», сказал, что все больницы и роддома переполнены («этих баб словно прорвало») и он просто вынужден отправлять рожениц в первую («вы уж как-нибудь постарайтесь справиться, ладно?»). А потом началось такое!.. В предродилку поставили дополнительные койки, но мест все равно не хватало. Женщины лежали на каталках и матрацах, брошенных прямо в коридоре, и орали дурными голосами: «Доктор! Сестра! Господи, ну хоть кто-нибудь, подойдите!» Оксана металась как угорелая — из родильного бокса в предродилку, оттуда — в коридор, осматривала, успокаивала, определяла, кому акушерка понадобится в ближайшие минуты, сама принимала младенцев, если акушерка была занята с другой мамочкой. Малую операционную, где она, дежурный хирург, должна была бы латать разрывы у рожениц, переделали в еще один родильный бокс (разрывы подождут), анестезиологу и хирургической сестре тоже пришлось переквалифицироваться в акушерок. Оксана молилась только об одном: чтобы никому из рожениц не понадобилось делать кесарево сечение.

По закону подлости кесарево, естественно, понадобилось. Оксана как раз отдавала распоряжение медсестре готовить большую операционную, когда в предродильную палату ворвалась молоденькая дежурная из приемного покоя:

— Оксана Яновна! Там женщина на сносях... Говорит, что она жена председателя облисполкома. Я хотела ее осмотреть, но она отказалась. Попросила отвести ее в ваш кабинет и позвать вас... Я понимаю, что не положено, но...

Оксана, не дослушав, крикнула сестре: «Готовьте операционную и больную!» и бросилась бегом к посту старшей медсестры, где стоял телефонный аппарат. Набрала по памяти номер родного хирургического отделения.

— Игорь Валентинович, миленький, вы сейчас не заняты? Спасайте! Сможете сделать кесарево? Давление сто на сто семьдесят, узкий таз, ягодичное предлежание... Нет, здесь, в гинекологии. Операционную уже готовят, анестезиолога берите своего... Спасибо огромное, я ваша вечная должница!

Потом, не чуя под собой ног, помчалась на второй этаж, в свой кабинет.

Альбина сидела у двери, тяжело привалившись к стене. Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы у Оксаны оборвалось сердце.

— Оксана...

— Молчи! Потом! — Она быстро открыла кабинет и втащила Альбину за собой. — Раздевайся!

Короткий осмотр показал, что предчувствие ее не обмануло.

— Когда... — Она хотела спросить: «когда плод перестал шевелиться?», но в последний миг прикусила язык. — Когда ты почувствовала недомогание?

— Сегодня утром. Вообще-то я сначала не беспокоилась, мне все время нездоровилось, а срок еще не подошел, но потом...

— Альбина, тебе нужна срочная операция! Ты только не спрашивай меня ни о чем, я все равно ничего точно не могу сказать без обследования, а на обследование нет времени... — тараторила Оксана, накручивая телефонный диск. — Ирина? Каталку ко мне в кабинет, бегом! Скажи остальным, что я буду в хирургии... Не знаю! Как только освобожусь. Предупреди Валентиныча. — Она нажала на рычаг, начала набирать следующий номер. — Ничего страшного, Алька, обычное кесарево. Только тянуть нельзя, твоя почка не справляется... Галина Николаевна? Проассистируйте мне по старой памяти?.. Кесарево, очень срочно... Нет, ее сейчас привезут к вам, у нас все занято. Понадобится искусственная почка и... ладно, это потом. Буду через десять минут. Как только ее привезут, начинайте готовить к операции.

Прибежала Ира с каталкой, они уложили Альку, Оксана помогла дотолкать каталку до лифта — для скорости.

— Ты вытащишь нас, правда? — спросила ее Альбина, положив руку на живот.

— Вытащу, — пообещала Оксана, изо всех сил стараясь не отводить взгляд.

Когда лифт уехал, она вернулась в кабинет и позвонила Турусову:

— Виктор Палыч, Альбина у меня в больнице. Все вопросы потом, я должна срочно ее оперировать. А вы ищите самого лучшего абдоминального хирурга, какого только можно найти в наших краях, и немедленно тащите его к нам, в первую хирургию. И молитесь. Спасителю, Пресвятой Богородице и всем святым. Молите о чуде, и да поможет нам Бог!

Турусов не подвел. Раздобыл настоящего кудесника, подполковника медслужбы, который по счастливому стечению обстоятельств приехал из соседней области оперировать командира местной войсковой части. Кудесник сменил Оксану у операционного стола через час. К этому времени она сделала все, что могла, и, сражаясь с дурнотой, пыталась сделать невозможное. Подполковник, оценив ее состояние, мягко выпроводил Оксану из операционной, а сам остался творить чудо.

Она поплелась к себе в отделение. По-хорошему следовало спуститься в приемный покой, где накручивал круги озверевший от неопределенности и страха за жену Турусов. Но Оксана оттягивала минуту встречи с мужем Альбины, потому что не могла сказать ему ничего утешительного. Даже если кудесник сотворит свое чудо и вытащит Альку, которая как минимум двенадцать часов носила в себе мертвого младенца, — это с единственной-то почкой! — она все равно не захочет жить, когда узнает, что ребенок погиб. А без желания жить шансов на выздоровление у нее нет.

Погруженная в некое подобие транса, Оксана шла по коридору своего отделения, не слыша орущих, стонущих, скулящих женщин, которые метались на койках и каталках, выставленных вдоль стен. Что побудило ее тогда остановиться? Детское личико в сочетании с непомерно огромным животом? Закушенные в упрямом молчании губы? Отчаяние, застывшее в глубине испуганных глаз? Интуиция? Вмешательство высших сил?

Оксана подошла к каталке, надела стетоскоп и почти не удивилась, услышав биение

двух младенческих сердец. («Значит, высшие силы».) Она проверила раскрытие шейки матки, кивнула самой себе и взялась за ручки каталки.

— Поехали рожать, милая, — сказала она девочке и повезла каталку в свой кабинет.

* * *

— Нам очень повезло с этой девочкой, с Ольгой, — рассказывала Оксана Гуляеву. — Она не стояла на учете в женской консультации и скрывала беременность от родных и знакомых. Только отцу ребенка и рассказала, но тот послал ее далеко и надолго. Тогда она собрала вещи и ушла из общежития. От стыда ушла. Сначала ночевала в подъездах, потом набрела на большую старуху, которая взяла ее к себе. Не за так взяла. Ольга ишачила на нее, как рабыня, да еще бутылки собирала и сдавала — им обеим на прокорм. Словом, ни о ее беременности, ни тем более о том, что она ждет двойню, никто не знал. Карту, которую завели на нее при поступлении в больницу, я изъяла. Но это потом, когда все уже было решено. А в ту ночь я принимала у нее роды и одновременно уговаривала расстаться с одним из младенцев. Это было непросто. Я клялась, что отдам ребенка в хорошую состоятельную семью, что приемный отец обеспечит саму Ольгу и другого ее малыша жильем, будет помогать им деньгами, пока она не устроится на работу, но она все сомневалась. Удивительно, ведь ей и одной абсолютно некуда было податься, а уж с двумя-то детьми!.. В конце концов я рассказала ей правду. Всю правду про себя и Альку. И про то, что Алька умрет, когда очнется после наркоза и узнает, что потеряла ребенка. Только тогда Ольга согласилась. Не из корысти, понимаешь? Не ради убежища для себя и ребенка, а из сострадания к совершенно незнакомой ей женщине. Она вообще оказалась удивительной девочкой, наша Оля.

— Как же вам удалось избежать слухов? — спросил Сергей. — Ведь в больнице, наверное, многие знали, что ребенок Альбины умер.

— Нет, не многие. Только я и две медсестры — из моего отделения и из хирургии. Еще подполковник. И, естественно, Турусов. Все. Пять человек. Считая Ольгу — шесть. Подполковник на следующий же день уехал в свою Самару. Галине Николаевне, сестре из хирургии, я полностью доверяла, и она ни разу меня не подвела, так что на ее молчание мы могли спокойно положиться. Барышне из гинекологии Турусов хорошо заплатил и устроил ее на престижную работу в питерскую спецполиклинику для высших партийно-хозяйственных чинов. Она уехала из Старграда через месяц после этой истории. А Ольга... Ольга сама поставила условием сделки, что мы никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не расскажем о ее отказе от родной дочери. Так что я сегодня нарушила сразу два обещания... — Оксана помрачнела и замолчала, потом вспомнила о том, что заставило ее нарушить слово, и заговорила торопливо: — Мы заматали следы, как настоящие шпионы. Роды у Ольги я принимала одна, потом заперла ее в своем кабинете. На следующий же день тайком вывела их с ребенком из больницы и отвезла в свою квартиру. Изъяла карту. Вторую девочку отнесла в палату новорожденных и оформила как дочь Альбины. Нам и в этом повезло: близнецы родились мелкими — около двух с половиной килограммов — и немного недоношенными. Конечно, у ребенка Альбины недоношенность была бы больше, но она ведь тоже не стояла на учете в женской консультации. Словом, никто ничего не заподозрил. Через три недели я переправила Ольгу с младенцем в Москву, к своей подруге,

тоже врачу. Она по своим каналам раздобыла справку, удостоверяющую, что Ольга родила дочь первого июля в московском роддоме.

— Значит, твоя подруга тоже знала?..

— Нет. Она просто выполнила мою просьбу. Я не стала ничего объяснять, а она — расспрашивать. Ольга осталась в Москве, Турусов, задействовав свои связи, помог ей получить прописку, а потом и квартиру — кажется, ее фиктивно оформили на какой-то завод — и первые пять лет выплачивал нечто вроде пособия на ребенка. Все, на этом первая часть истории заканчивается. Часть вторая началась около месяца назад. Виктор Палыч приехал в клинику на свидание с женой, а после свидания зашел ко мне. Он сказал, что душевное состояние Альбины в последние дни внушает ему серьезную тревогу. Особенно его беспокоило ее отношение к Маришке. Оно становилось все более и более... ненормальным. Чутье подсказывало ему, что жена в любую минуту может выкинуть что-нибудь... страшное. Чтобы как-то разрядить атмосферу, он придумал совершенно безумный план. Временно подменить Марину на Марьяну, вторую дочь Ольги. Девочки — однойцевые близнецы.

— Зачем? Что бы это дало?

— Это долго объяснять. Ладно, попробую покороче. Представления Альбины об отношениях матери и дочери складывались на основе ее личного опыта. А у них с тетей Ниной, Алькиной мамой, отношения были очень теплые, очень доверительные, очень сердечные. Алька лет до восьми в прямом смысле провисела у матери на шее. Как маленькая обезьянка. Они все время целовались, обнимались, шептались, говорили друг другу ласковые словечки, делали маленькие подарки. Естественно, Альбина ожидала, что у них с дочерью все будет так же. Но Марина по характеру совершенно другой человек. Замкнутая, сдержанная, независимая, она просто не могла вести себя так, как этого ожидала мать. И тем выводила Альбину из себя. С каждым годом все больше и больше. Помнишь, ты спрашивал, почему она стала такой? Так вот, отчасти из-за Маришки. Она рисковала всем, чтобы ее родить, думала, что обретет в дочери смысл жизни, а девочка обманула ее ожидания. Когда стало ясно, что здоровье ее никогда до конца не поправится, что она в любой день может умереть, у Альбины начались проблемы психического свойства. Что-то вроде навязчивых состояний. Похоже, ее отравленный недугом мозг породил суеверное убеждение, что чем хуже будет Маришке, тем лучше это скажется на ней. Впрочем, теперь я уже не уверена... Ладно, не суть важно. Ты спросил, зачем Виктор хотел поменять девочек. Он понимал, что Марина при всем желании не сможет изменить стереотип своего поведения с матерью. А девушке, которая никогда не имела дела с Альбиной, будет не так уж сложно выстроить отношения по другой схеме. Особенно, если ей все объяснить и заплатить за представление большие деньги. Так, во всяком случае, считал Турусов. Марьяна, по его замыслу, должна была разыграть у постели больной бурную покаянную сцену, прорыдать, что наконец поняла, насколько дорога ей мать, пообещать, что теперь все будет по-другому, и заслужить материнское прощение.

— Какая-то дешевая театральщина, — поморщился Гуляев. — Неужели он думал, что Альбина на это купится?

— А знаешь, она бы могла... Я замечала в ней склонность к драматическим эффектам. И со вкусом у нее было неважно. По крайней мере, в последнее время. Но, как бы то ни было, я отказалась помогать Виктору.

— Почему?

— По многим причинам. Прежде всего, потому что мы обещали Ольге никогда никого

не посвящать в нашу тайну. А уж тем более — ее дочерей. Но даже не это главное. Главное, я не поверила Турусову. Я думала, он боится не за Маришку, а за себя. Боится, что Альбина, окончательно свихнувшись от злобы и страха смерти, сделает всеобщим достоянием компромат, который копила на него многие годы. Ну, и наконец, если Маришке действительно угрожала опасность, мы не имели права втягивать в эту игру еще и Марьяну, понимаешь?

— Понимаю. И что же было дальше?

— Дальше я вдруг поняла: если Турусов вбил себе в голову, что замена Марины на Марьяну даст ему выигрышную позицию в противостоянии с женой, он ни за что не откажется от своего плана. И прекрасно обойдется без моей помощи. Разыскать Марьяну, подкупить ее, соблазнить для него плевое дело. Такие мелочи, как данное обещание, мои возражения и опасность, которой он, возможно, подвергнет Марьяну, его не остановили бы. Люди для него — пешки, шахматные фигуры. Кого заботит судьба шахматных фигур, когда можно выиграть партию? И я решила сорвать ему эту комбинацию. Полетела в Москву, приехала к Марьяне на работу и предупредила ее, что она не должна принимать никаких предложений от незнакомцев. Какими бы соблазнительными эти предложения ни были. Я не могла рассказать ей все откровенно, поскольку тем самым нарушила бы слово, данное Ольге и Виктору. Но дала понять, что ей угрожает опасность. Марьяна обещала сообщить мне, если на горизонте появится какой-нибудь незнакомец с заманчивым предложением. Или даже без предложения. А на случай, если ей не оставят такой возможности, она даст номер моего телефона своей подруге Елене. Марьяна собиралась каждый день выходить с ней на связь, а если не выйдет, Лена должна была позвонить мне.

— И что? Она позвонила? — мрачно спросил Гуляев.

— Позвонила. Сегодня. Но ты забегаешь вперед. Если позволишь, я буду придерживаться хронологии, иначе запутаюсь сама и запутаю тебя. Итак, я вернулась из Москвы, уверенная, что, если Турусов начнет проводить свою комбинацию, меня предупредят, и я смогу вмешаться в его игру. Но, как выяснилось, игра оказалась куда масштабнее, чем я себе представляла. И Виктор был отнюдь не организатором и даже не главным ее участником. Через неделю... нет, кажется, дней через десять после моей вылазки в Москву ко мне пришел Виталий.

Оксана подтянула колени к груди и обняла себя за плечи. Гуляев заметил, что ее знобит.

— Ксана, давай прервемся ненадолго. Тебе нужно выпить горячего чая. Или, может, коньячку?

— Нет. Потом. Я хочу скорее закончить. Виталий... Мы не были знакомы. Когда он представился личным помощником Альбины, я решила, что он пришел по ее поручению, и хотела его выгнать. Мы были с Альбиной в ссоре, она пыталась восстановить отношения, а я не хотела. Понимаешь, Рыжик, я чувствовала, что сыта ею по горло, меня просто тошнило, когда я слышала ее имя. Столько всего накопилось за эти годы... Два моих несостоявшихся брака, Маришка, все эти люди, которых Альбина под себя подминала, ее маниакальная злоба... Короче, я заявила этому субъекту, что дела Альбины меня не касаются, пусть так ей и передаст. И тогда он сказал... Сказал, что Альбина собирается убить Маришку. Ради почек. Понимаешь, она решила, что родная дочь будет идеальным донором. Я не поверила... Просто не могла поверить. Это же дикость какая-то, правда? Так не бывает. Такие злодейки существуют только в старых пьесах...

Теперь Оксану била крупная дрожь. Гуляев, не спрашивая разрешения, быстро сходил к

бару, достал бутылку коньяка, поискал посуду. Второпях не найдя, побежал на кухню и принес чайную чашку.

— На, выпей. — Оксана, не разжимая рта, помотала головой. — Пей немедленно, или я вызову врача!

Она неохотно разжала губы, и Сергей влил в нее сразу полчашки. Она закашлялась и кашляла минуты три, но, когда приступ прошел, ей удалось справиться с собой.

— Спасибо, я уже в порядке. — Оксана улыбнулась перепуганному Гуляеву. — Правда, Рыжик. Не смотри на меня таким отчаянным взглядом. Просто я слишком долго держала в себе весь этот ужас. Сейчас вывалю все на тебя, и сразу станет гораздо легче.

Когда Виталий понял, что я ему не верю, он рассказал мне свою историю. Два года назад он увидел Маришку на каком-то официальном приеме и заинтересовался ею. Потом выяснил, что к ней никого не подпускают, и с помощью соученицы Марины вступил с ней в тайную переписку. Со временем они прониклись взаимной симпатией и нашли способ встречаться так, чтобы Альбина ничего не знала. Им так казалось, что она ничего не знает. Как потом стало ясно, они ошибались. Виталий через Турусова получил предложение стать личным помощником Альбины. Он подозревал, конечно, чем вызвано это предложение, но все равно не смог отказаться, такие блага посулил ему Виктор Палыч. А за блага пришлось расплачиваться дорогой ценой. Альбина, желая наказать их с Маришкой, сделала Виталия своей постельной игрушкой, а заодно подопытным кроликом для садистских психологических экспериментов и козлом отпущения, на котором срывала свое дурное настроение. И вот этой-то зверушке она поручила связаться с киллером, который должен был подстроить Марине автомобильную аварию с отсроченным летальным исходом. Чтобы ее успели довести до больницы и подготовить...

Вольскую передернуло, и Гуляев поспешно сунул ей в руку чашку с остатком коньяка. Оксана не стала упираться.

— Так вот чего он боялся на допросе, — пробормотал Гуляев. — Или нет? Неужто ему хватило пороху отказаться от поручения хозяйки?

— Нет, конечно. — Оксана зло усмехнулась. — Куда ему! Но надо отдать ему должное, с исполнением поручения он не торопился. Все пытался придумать выход, при котором и Марина останется жива, и его шкура не пострадает. Где-то ему можно даже посочувствовать. К Турусову он сунуться не смел — боялся, что тот действует заодно с женой либо просто не поверит и сдаст его Альбине. В милицию — сам понимаешь... И тогда Виталий подумал обо мне. Марина писала ему, что я старинный друг семьи и имею кое-какое влияние на Виктора. Он так обрадовался возможности спихнуть на меня ответственность, что бросился ко мне в клинику без звонка. И эта ничтожная мелочь привела к катастрофе.

Виталий подошел к клинике в ту минуту, когда я садилась в машину, чтобы ехать в аэропорт. Да-да, это произошло именно в тот день, когда я летала в Москву. Он услышал слово «аэропорт», испугался, что я улетаю надолго, и бросился следом. Надеялся перехватить меня до отлета. Но цепь дурацких обстоятельств привела к тому, что он полетел тем же рейсом, а потом выследил меня до аптеки, где я встречалась с Марьяной. Можешь представить себе, что произошло, когда он ее увидел...

— Он понял, что Марина — не родная дочь Альбины?

Оксана недоуменно посмотрела на Гуляева, потом поняла, что он имеет в виду, и усмехнулась.

— Бог мой, ведь это очевидно, да? Но Виталию это даже в голову не пришло. Он был

настолько озабочен тем, как выпутаться из силков Альбины, что понял только одно: перед ним девушка, которую можно подсунуть киллеру вместо Марины. Идеальный выход из положения. Он выполняет поручение Альбины и спасается от ее гнева. Она получает неподходящие почки и вскоре умирает. А благодарная Марина, избавленная одновременно и от страшной смерти, и от жестокой матери, дарит избавителю свою благосклонность. Чистый хэппи-энд. Тот факт, что погибнет какая-то там посторонняя девушка, в расчет можно не принимать. Мило, правда?

— Он что, передумал обращаться к тебе за помощью?

— Разумеется. Ведь у него не было гарантии, что я обеспечу ему защиту. Марину, может быть, и спасу, а до него мне какое дело? Каждый ведь судит по себе. А он на моем месте не стал бы утруждать себя ради спасения такой незначительной персоны. Впрочем, не знаю точно, что им руководило. Возможно, он просто сомневался, что мне удастся одолеть Альбину.

— А тебе удалось бы?

Оксана пристально посмотрела на Гуляева, гадая, почему он это спросил, потом ответила с вызовом:

— Конечно. В крайнем случае я бы ее просто убила. И ни одна собака не подкопалась бы. Но, уверена, до этого бы не дошло. У меня были и другие способы воздействия.

Гуляев кивнул.

— Я почему-то так и подумал. Ты всегда была сильнее. Но продолжай.

— Да. Виталий вернулся домой, отправил Марьяне заказное письмо, в котором... впрочем, подробности тебе ни к чему. Главное, что он выманил ее в Старград и свел с Мариной.

— И Марьяна тебе не позвонила? Вы же договаривались...

— Да, меня это тоже удивило. Марьяна всегда казалась мне разумной девушкой. Но она молода, а тут — тайна, интрига... Я сразу предупредила, чтобы она не рассчитывала на мою откровенность, поскольку я связана словом. И она решила разобраться самостоятельно. Видишь ли, по словам ее подруги, она заподозрила, что эта тайна как-то связана с ее рождением. Естественно, ее обуяло любопытство. Она приехала в Старград и согласилась временно подменить Марину. Виталий объяснил ей, что Марина задыхается от навязчивой опеки ненормальной мамы и нуждается хотя бы в небольшой передышке. Самой Марине он тоже не сказал, зачем нужна эта замена. Просто предложил устроить небольшой отпуск за его счет. И сначала она предложение приняла. Довольный, Виталий назначил встречу киллеру, объяснил задачу, оставил задаток. И после того как механизм был уже запущен, Марина позвонила ему и неожиданно все отменила. Не объясняя причины.

Вот тогда-то он и кинулся ко мне. Перепуганный до заикания. Но теперь я тоже не знала, что делать. Справиться с Альбиной — это одно, а остановить профессионального киллера — совсем другое. И потом, я просто потеряла голову. Представляешь, сколько всего на меня свалилось в одночасье? Безумие Альбины, страх за Маришку, за Марьяну, их встреча, которая могла привести к непредсказуемым последствиям... Я бросилась звонить Турусову, но тот, как назло, колесил по области где-то вне зоны действия мобильной связи. Что мне оставалось делать? Я велела Виталию связаться с киллером, сказать, что он выплатит все обещанные деньги, но заказ отменяет. Потом позвонила Маришке и запретила ей выходить из дома. Не помню, как объяснила свой запрет, я к тому времени уже почти ничего не соображала.

А на следующий день убили Альбину. Я сразу поняла, кто это сделал, но убедила себя, что ошибаюсь. Не хотела верить. Постаралась вообще выкинуть это убийство из головы. Тем более что у меня хватало забот. Ведь смерть Альбины не отменяла автомобильной аварии. Мы встретились с Турусовым, я рассказала ему то, что узнала от Виталия. Виктор пообещал все уладить. Два дня я жила в страшном напряжении, вздрагивала от каждого телефонного звонка, все боялась услышать о гибели Марины. Потом Виктор Палыч приехал с добрыми известиями. Ему удалось откупиться от киллера. Я почти расслабилась. Осталось небольшое беспокойство за Марьяну, но она давно должна была вернуться в Москву. Я даже звонила Ольге, правда, специально о Марьяне не спрашивала, боялась. Ольга разговаривала спокойно, весело, упомянула между делом, что они с Марьяшей подумывают о покупке дачи, но никак не могут договориться, кто будет заниматься хозяйством. В общем, я понадеялась, что все обошлось.

Не обошлось. Позвонила Светлана, сказала, что к ним в морг привезли труп Виталия. Я поняла, что моя догадка была верной. Заметалась, чуть до припадка себя не довела. Но что пользы? Изменить я все равно уже ничего не могла. Так мне, во всяком случае, казалось. До тех пор, пока сегодня не позвонила подруга Марьяны и не сообщила, что девочка пропала. И тогда я решила: хватит! Не могу я защищать одну, подвергая опасности другую. Может быть, еще не поздно. Может быть, Марьяша жива...

— Погоди, Оксана... Ты намекаешь, что все эти убийства — дело рук Марины?

— Ну конечно. Это же очевидно. Кому в первую очередь была нужна смерть Альбины? Марине. У кого был пропуск? У Марины. Кто лучше знал распорядок дня в клинике, режим Альбины, схему охраны? Она знакома с телохранителем матери, ей было проще к нему подобраться...

— Каким образом?

— Ну откуда мне знать? Просто других он бы к себе близко не подпустил, профессионал все-таки. Признайся: до сих пор ты не подозревал Марину только потому, что у нее было алиби. Теперь-то ты понимаешь, что оно ничего не стоит?

— Думаешь, она уговорила Марьяну? И та согласилась стать соучастницей?

— Сережа, я не знаю, как было дело. Может быть, Марьяна не знала, что прикрывает убийство. Может быть, Марина убедила ее, что спасает свою жизнь...

— Но Виталий ничего не говорил ей про киллера.

— Мне кажется, она каким-то образом узнала. И именно поэтому отказалась от его плана. Не хотела, чтобы пострадал невинный человек.

— Слушай, ты сама себе противоречишь. То подозреваешь, что Марьяна пропала, потому что стала жертвой Марины, то говоришь, что Марина не хотела ее подставлять.

— Да, я понимаю, звучит абсурдно. Но это все догадки, я могу ошибаться.

— Вот именно. И насчет того, что убила Марина, тоже.

— Я так и думала. До гибели Виталия. Но сам посуди: кому еще могла понадобиться его никчемная жизнь? Только Марине. Она знала, что он не выдержит, проговорится на допросе и о киллере, и о Марьяне, даст вам мотив и обесценит ее алиби. И, прости Господи, я ее не осуждаю. Во всяком случае, не за Альбину. Альбина свое заслужила. Нельзя безнаказанно издеваться над человеком, который не может тебе ответить. А Маришка терпела и молчала много лет! Уже от одного этого можно спятить. А если она узнала, что мать наняла убийцу ради того, чтобы... Рыжик, если ты тогда говорил всерьез, будто можешь вытащить меня, что бы я ни натворила, прошу тебя, постарайся вытащить Маришку. Но главное — спаси

Марьяну. Если еще не поздно.

Легко сказать: спаси. Оксана тут же связала Гуляева по рукам и ногам, воспротивившись самому естественному сейчас шагу — разговору с Мариной. В ответ на все его доводы твердила: «Это бесполезно. Она ничего никому не скажет». И столь же категорично отвергла другое разумное предложение — позвонить Ольге. У Гуляева сложилось впечатление, что Оксана боится откровенного разговора с обеими едва ли не сильнее, чем известия о гибели Марьяны.

«Бедная! Как же тебя замучило чувство вины, — думал Гуляев, с состраданием вглядываясь в истонченные, обострившиеся черты ее лица. — Но это несправедливо, черт побери! Ты не хотела никому причинить вреда. Ты хотела, как лучше».

Но озвучивать свои мысли он не стал, понимая, что вряд ли его слова утешат Оксану. Для ее утешения требовалось совсем другое: найти Марьяну, живую и невредимую, и спасти Марину от тюрьмы, если она, конечно, виновна. Со вторым пунктом пока можно было подождать. Да он, по мнению Сергея Владимировича, и не представлял особых трудностей. Турусов никогда не позволит отдать под суд свою дочь, пускай даже и приемную. Так что ограждать Марину от неприятностей Гуляев, скорее всего, будет по прямому указанию ненавистного начальства. Такая вот ирония судьбы. А вот первый пункт — это проблема!

Вернувшись на работу, Гуляев в первую очередь позвонил дежурному оперу, чтобы выяснить, сколько неопознанных трупов появилось в городе за последние двое суток. Трупов появилось два, и оба неподходящие, мужские. Один к тому же несвежий. Больницы Сергей Владимирович обзванивать не стал, Оксана уже все проверила по своим каналам. Оставалась единственная зацепка — Елена Купцова, подруга Марьяны, которая сообщила Вольской об исчезновении девушки.

Телефонный разговор с Купцовой дал Гуляеву достаточно информации к размышлению, но почти ничего не прояснил по существу дела. Похоже, Марьяна не особенно доверяла подруге: ни о письме Виталия, выманившем Марьяну в Старград, ни о ее встрече с сестрой-близнецом Купцова ничего не знала. В изложении девушки ситуация выглядела так: визит Оксаны Вольской и ее малопонятное предостережение привели Марьяну к мысли, что с ее рождением связана какая-то тайна. Естественное любопытство в сочетании со страхом перед неведомой опасностью дало эффект, противоположный тому, которого добивалась Вольская. Вместо того чтобы сидеть тихо и не высовываться, Марьяна решила отправиться в Старград и провести собственное расследование. Понимая, что это может быть опасно, она обещала ежедневно звонить Купцовой. Для надежности связи девушки купили по мобильной трубке. Свой аппарат Лена постоянно носила с собой и никогда не использовала для посторонних разговоров.

До позавчерашнего дня Марьяна действительно звонила, но подробно о своих изысканиях не распространялась. В первые дни вообще ограничивалась телеграфными сообщениями, типа «Я жива-здорова. Копаю потихоньку. Зловещих личностей вокруг себя пока не обнаружила». Потом стали проскальзывать более эмоциональные и содержательные фразы: «Писатели все врут. Частных сыщиков никто не любит и не спешит осчастливить информацией. Я уже второй день пытаюсь проверить гипотезу, что на самом деле родилась в Старграде, а результат — пшик»; «Похоже ты была права насчет моего высокопоставленного папаши. Как ты отнесешься к тому, что я — близкая родственница здешнего губернатора? Хотя больше похоже на то, что дочь губернатора вовсе не его дочь. Но это совсем не так увлекательно, верно?»

— Конечно, мне следовало бы расспросить ее подробно, — оправдывалась Купцова. — И я даже чувствовала, что она этого ждет. Но вы представляете, какие жуткие расценки по роумингу? Я решила, что подробности подождут до ее возвращения.

— А что это за намек насчет высокопоставленного папаши? В чем вы были правы? — спросил Гуляев.

— Я предположила, что отцом Марьяны был какой-нибудь видный чиновник, соблазвивший ее мать и откупившийся, когда узнал, что несовершеннолетняя любовница ждет ребенка. А теперь этот чинуша рвется, например, в Думу, а кто-нибудь шантажирует его грешками молодости. Но Марьяна сказала, что все это чушь. Она знакома со своим родным отцом и не сомневается, что он действительно родной. По ее словам, они здорово похожи.

В последний раз Марьяна звонила позавчера в девять вечера. Купцовой показалось, что голос у нее пьяноватый. Слишком веселый. Хотя по смыслу сказанного поводов для веселья у нее не было. «Здесь становится слишком жарко. Не знаю, случайно или нет, но сегодня меня чуть не переехали. На всякий случай я решила временно свернуть тут свои дела. Поеду, отсижусь пару дней на родине предков».

— Вы не спросили, что она имела в виду, говоря о родине предков?

— Нет. Я просто горячо одобрила ее намерение смыться. А по поводу родины предков... Кажется, я знаю, о чем идет речь. Марьяна говорила, что ее мама родом из районного городка этой самой Старградской области.

Больше из Купцовой ничего полезного вытянуть не удалось. Ни где Марьяна жила в Старграде, ни с кем она общалась, девушка не знала.

Гуляев связался с ДПС, справился о дорожных инцидентах, имевших место два дня назад. Но имя Марьяны не фигурировало ни в списках пострадавших, ни в списках свидетелей.

Вольская сняла трубку на первом же звонке. Голос у нее был напряженный, а когда она поняла, кто звонит, стал испуганным. Сергей Владимирович подумал, что разыскать Марьяну необходимо очень, очень быстро, потому что нервы у Оксаны на пределе.

— Не волнуйся, я не с дурными известиями. Мне нужно знать, где родилась Ольга. И желательно адрес ее родственников.

— Родственников у нее не осталось. Отец умер, когда ей было пять лет, а мать — лет восемь назад. Братьев и сестер у Ольги нет. А родилась она... погоди, дай вспомнить... Кажется, в Козловске. Да, точно в Козловске.

— Ты не знаешь, она поддерживала отношения с кем-нибудь из земляков?

— Только с женщиной, в честь которой назвала Марьяну. Марьяна Алексеевна, фамилии не знаю. По-моему, она была учительницей Ольги. Принимала в ней большое участие. Только не знаю, жива ли она еще. А почему ты спрашиваешь? Думаешь, Марьяна уехала в Козловск?

— Во всяком случае, собиралась. А доехала ли — бог весть. Но нужно же откуда-то начинать. Здесь, в Старграде у нас осталась только одна зацепка — Марина. А ее ты трогать не велишь. Ну сама подумай, Ксана, как я могу разыскать девушку, если даже приблизительно не представляю, где она болталась все эти дни и с кем проводила время. Давай поговорим с Мариной. Если хочешь, я сам поговорю. Не буду на нее давить, не буду ни в чем обвинять, просто скажу, что пропала девушка, и, по моим сведениям, она, Марина, была с пропавшей знакома.

— Рыжик, не начинай все сначала. Марина будет молчать. А доказать, что она встречалась с Марьяной, ты не сумеешь. Я уже объясняла тебе: Виталий устроил так, что Марьяна приходила к Турусовым под видом массажистки, в гриме. Ее никто не узнает.

— Ладно, будет молчать — пусть молчит. Но давай хоть попробуем! Чего ты боишься?

— Честно говоря, я боюсь Турусова. Виктор Палыч довольно ненадежный друг и очень опасный враг. Если он узнает, что я... мы подозреваем Марину, если поймет, что для подозрений у нас достаточно веские основания, за последствия я не отвечаю. Его служба безопасности начнет запутывать и уничтожать следы. Если Марьяна еще жива, они ее... как это называется? Нейтрализуют. И нас с тобой, скорее всего, тоже.

— Понятно. Ну что ж, остается Козловск. Сможешь организовать мне больничный? Боюсь, начальство косо посмотрит, если я попробую отпроситься «по личным обстоятельствам».

— О чем речь! Говори, в какой поликлинике числишься и какой тебе нужен диагноз. Что симулировать будем? Грипп? Язву? Радикулит?

— Давай язву. Ее не видно. А если я выясню, что в Козловск Марьяна не приезжала, что будем делать?

— Вот тогда и решим, — мрачно сказала Оксана.

В Козловск Гуляев поехал на своей «Таврии». Машинка по обыкновению изображала больную на последней стадии чахотки — кашляла, натужно подвывала на подъемах, укоризненно громыкала костями на ухабах. Но ползла. Сергей Владимирович, давно не садившийся за руль, поначалу все внимание сосредоточил на предсмертных хрипах своей фокусницы и на дороге, но потом подзабытые навыки вождения вернулись, и мысли его переключились на Альбину.

Рассказанное Оксаной все еще не укладывалось у него в голове. Несмотря на солидный стаж работы в прокуратуре, с такими случаями он не сталкивался. А уж сколько поломанных судеб прошло перед глазами, скольких убийц он на своем веку перевидал, сколько признаний выслушал! Убивали из-за денег, из ревности, из страха, в пьяном кураже, в пылу ссоры. Убивали конкурентов и деловых партнеров, жен и любовниц, друзей и случайных знакомых. Один мужик перерезал всю свою семью, потому что потерял работу и решил, что теперь все они умрут с голоду. Но «заказать» собственного ребенка, чтобы отобрать у него почки!.. Запредельный мотив.

Да в этой истории все запредельно! Превращение чудесной девочки, ангела, добрейшего в мире существа в изверга рода человеческого, в садистку, живущую исключительно ради того, чтобы давить и ломать ближних и наслаждаться видом их корчей. Превращение любящего мужа в добровольного рогоносца, покупающего любовника для своей супруги. Молодого человека с честолюбивыми устремлениями, поклонника и утешителя несчастной девушки — в альфонса и шута, а потом и пособника ее матери-тиранши, вынашивающей планы убийства дочери. Перевоплощение несчастной девушки, тихони и вечной жертвы, в хладнокровную убийцу двух, а то и трех человек...

Правда, последнее пока под вопросом. Гуляев не разделял убеждения Оксаны, хотя доводы ее выглядели достаточно вескими. Основательная версия. Но не без прорех. Известно, что Марина навещала мать утром того дня, когда произошло убийство. Если она приходила в клинику второй раз, почему на это никто не обратил внимания? Альбину убили после обеда, когда посетителей почти нет. От двух до четырех в клинику пускают только по специальным, с красной полоской, пропускам, и таких пропусков буквально единицы. У

Марины, правда, был именно такой, но она должна была понимать, что в неприемные часы ее обязательно заметят и запомнят. Охранник на входе, охранник на этаже, телохранитель Альбины...

Кстати, по поводу этого телохранителя. Уж он-то точно обратил бы внимание, что Марина пришла во второй раз. Причем одна, без собственных телохранителей, чего в принципе никогда не бывало. Почему же он не упомянул о таком беспрецедентном событии в разговоре с оперативниками? Допустим, Марине каким-то образом удалось его вырубить, но ведь память-то ему не отшибло. Или отшибло? Существуют ли препараты, которые гарантированно вызывают маленький провал в памяти, провал, охватывающий определенный короткий промежуток времени? Гуляев в этом сомневался. Человеческий мозг — сложная штука. Даже известные, многократно проверенные психотропные препараты, и те не на всех действуют одинаково. А о средствах, провоцирующих частичную амнезию, Гуляев вообще не слышал. Может, и есть такие, разработанные в каких-нибудь секретных лабораториях для нужд спецagentов, но как они могли попасть к Марине? Никак не могли. А стало быть, у нее не было уверенности, что парень, очухавшись, не укажет на нее.

А сиделка-телохранитель, несущая вахту в палате Альбины? Как Марина рассчитывала справиться с ней? Гуляев специально просил проверить, можно ли услышать с поста охранника у входа в VIP-бокс, что происходит в палате. Шаги, голоса, щелчок задвижки в санузле, шум воды. Оказалось, нельзя. То есть, по идее, Марина должна была стоять под дверью палаты, прикинув ухом к замочной скважине и ждать, когда сиделка запрется в туалете. С охранником, валявшимся в беспомыслии за спиной. Но это же бред!

Чем больше Сергей Владимирович размышлял, тем менее очевидной казалась ему вина Марины. Гораздо логичнее предположить, что убил все же кто-то из персонала клиники. Кто-то, имевший право находиться и на третьем этаже, и в VIP-боксе. Кто-то, кто мог появиться там в любое время, не привлекая внимания охраны. Не врач, не медсестра, потому что они не ходят по палатам в тихий час и не болтаются без дела по коридорам. Какая-нибудь кастелянша или уборщица.

Правда, оперативники по заданию Гуляева тщательно проверили весь технический персонал клиники на предмет возможных претензий к Альбине и ничего подозрительного не выявили, но это не важно. Скорее всего, эту самую уборщицу или кастеляншу просто купили. Кто? В принципе, кто угодно — Альбина нажила немало смертельных врагов. Но вся фишка в том, что врагам, уже пострадавшим по ее вине, не было смысла торопиться. Альбина умирала, и спасло бы ее только появление подходящего донора, который вполне мог и не появиться. Зачем рисковать, тратить еще раз, если велика вероятность, что она загнетса сама по себе? А вот у Марины, если она знала о видах матери на ее почки, причины торопиться были. Зато наверняка не было денег, уж об этом-то Альбина позаботилась. У Виталия же были и деньги (рогоносец Турусов постарался), и причина торопиться. Оксана велела ему связаться с киллером и отменить заказ, но он, трус и слабак, запуганный Альбиной до потери рассудка, не осмелился бы пойти против хозяйки, пока она жива. С другой стороны, он понимал, что гибель Марины — для него конец. И вполне вероятно, что убийство Альбины казалось ему единственным выходом из этого тупика. Кстати, с психологической точки зрения молодому парню проще найти сообщника из числа работников клиники. Не считая охранников и нескольких врачей, весь персонал клиники — женщины. Виталий мог прощупывать почву и наводить мосты под прикрытием легкого

флирта. Возможно, именно здесь и кроется причина его убийства. Когда дело было сделано, он расплатился с сообщницей и дал понять, что их отношения на этом заканчиваются. Девушка оскорбилась и... Нет, вряд ли. Не стал бы этот альфонсишко обижать даму в такой деликатной ситуации. Скорее всего, дама, сойдясь с ним поближе, сообразила, с каким слизняком связалась, и убила, опасаясь разоблачения.

А что, гипотеза совсем недурна. И дыр в ней куда меньше, чем в версии Оксаны. Только исчезновения Марьяны она не объясняет. Впрочем, это еще вопрос, связано ли ее исчезновение с убийством Альбины и Виталия. Молодая девушка, путешествующая в одиночку, — лакомый кусочек для мерзавцев и подонков всех мастей. Марьяна запросто могла стать жертвой воров, мошенников, грабителей, насильников... Или, к примеру, тяжелой болезни, вроде желтухи или воспаления легких. И лежит она сейчас без сознания где-нибудь в сельской больничке, не в силах подать о себе весточку, не зная, что Оксана сходит с ума и обвиняет себя черт знает в чем...

План поисков Марьяны в Козловске Гуляев наметил заранее. Собственно, отправных пунктов имелось всего три: гостиницы (если они есть), справочная или паспортный стол милиции и учительница Ольги Марьяна Алексеевна. Марьяну Алексеевну Гуляев решил оставить на потом, ведь он не знал фамилии учительницы, да и Оксана сомневалась, жива ли еще старушка.

Доехав до автостанции и расспросив аборигенов, Сергей Владимирович выяснил, что гостиница (бывший Дом колхозника) в райцентре существует в единственном числе и находится на площади Октябрьская рядом с единственным же отделением милиции. А вот школ в Козловске оказалось целых две — средняя и девятилетка, причем, как его заверили, девятилетка непременно попадется ему на глаза, если он поедет к площади кратчайшим путем.

И верно: свернув на неизбежную улицу Карла Маркса, Гуляев сразу заметил неказистое двухэтажное здание с лохматыми грязно-желтыми стенами и разноцветными оконными рамами — частью седыми от пыли, частью сверкающими свеженькой бодро-голубой краской. Между зданием и оградой чернел начисто вытоптаный газон, по которому лениво бегала за мячом компания юнцов беспризорного вида. Рассудив, что в случае неудачи потеряет всего несколько минут, Гуляев решил нанести визит местным Макаренко.

В школе, против ожидания, было пустынно и тихо — то ли ученики дисциплинированно сидели на уроках, то ли их досрочно распустили на каникулы. Сергей Владимирович миновал раздевалку и сразу же уперся взглядом в дверь с табличкой «Канцелярия». Не особенно рассчитывая на удачу, он постучал по косяку и, к радости своей, услышал женский голос:

— Да-да, войдите.

На фоне обшарпанного фасада и казенно-тоскливого коридора каморка канцелярии выглядела настоящим очагом уюта. Чистенькие песочно-желтые стены, веселенькие занавески, полевые цветы в симпатичной стеклянной вазе на столе, герань и столетник на подоконнике, и хозяйка всего этого великолепия — улыбчивая ясноглазая пышка с милыми ямочками на щеках.

— Добрый день, — приветливо поздоровался Гуляев. — Не подскажете, Агапова Ольга Васильевна шестьдесят восьмого года рождения случайно не в вашей школе училась?

— Ой! — Пышка всколыхнулась и засияла совсем уж ослепительной улыбкой. — Агапова? Олька?! Конечно же в нашей! А вы из газеты? Из области? Давайте я отведу вас к

наш музей славы! — И, не давая Гуляеву опомниться, она мячиком выкатилась из-за стола и увлекла его в коридор. — Как к вам обращаться, товарищ корреспондент?

— Сергей Владимирович. Но я...

— Очень приятно. А я Людмила Степановна, можно просто Мила. Вам повезло, мы с Олей учились в одном классе. Нарвись вы на кого другого, вам бы такой парадный портрет нарисовали... цветным сиропом. А я расскажу все как есть, без прикрас. — Она остановилась у темно-зеленой решетки, преграждавшей вход в небольшой холл рекреации, и зазвенела ключами. — Добро пожаловать в наш школьный музей! Здесь собраны материалы о самых выдающихся выпускниках нашей школы. Вообще-то их немного, всего двенадцать человек, но ведь, если подумать, то и школа у нас самая обыкновенная провинциальная восьмилетка... Сюда, пожалуйста. Вот Олин стенд.

Толстушка подвела Гуляева к колонне, украшенной черно-белым портретом. Изображение на портрете было размытым и зернистым; похоже, увеличенная копия выпускного фотоснимка. Девчоночье лицо на портрете было худым, некрасивым и каким-то трагичным из-за напряженного, затравленного взгляда. Под портретом стоял небольшой столик-витрина с застекленной крышкой. Под стеклом — россыпь научно-популярных журналов, из которых Гуляев узнал только «Науку и жизнь», и несколько книг с неожиданно яркими глянцевыми переплетами. Дамы в пышных туалетах, джентльмены в камзолах и старинные дуэльные пистолеты на обложках явно намекали на историческую начинку романов. Присмотревшись, Сергей Владимирович разглядел нечто вроде круглой печати с надписью «Исторический детектив» и имя автора — Ольга Васильева.

«Ничего себе! — мысленно присвистнул Гуляев. — А девочка-то и впрямь оказалась с сюрпризом. Что же это Оксана не поведала мне о ее талантах?» Но вслух ничего не сказал. Да ему и не представилось такой возможности.

— Видите, какой она была? — тараторила Людмила. — Вы, небось, думаете, что это просто неудачная фотография? Ничего подобного. На самом деле она выглядела еще невзрачнее. Честно говоря, не могу припомнить более мрачной и нелюдистой личности в нашем классе. И училась она довольно посредственно, перебивалась с «троек» на «четверки». Мы с девчонками чуть со стульев не попадали, когда узнали, что она поступила в Московский университет. Выучилась на историка-искусствоведа, диссертацию защитила! А уж когда книжки начала писать, мы и вовсе выпали в осадок. — Она снова зазвенела ключами и открыла замочек витрины. Достала книгу, перевернула задней стороной обложки вверх и протянула Гуляеву. Сергей Владимирович увидел фотографию интересной интеллигентной дамы, в которой угадывалось слабое сходство с девочкой на портрете. — А вот, посмотрите, какой она стала. Умереть можно! Кто бы мог подумать, что из угрюмой замарашки, дочери местной пьяницы и потаскухи, вырастет такая гранд-дама?

После этого комментария Гуляев разочаровался в прелестной толстушке, сообразив, что ею движет обыкновенная черная зависть к однокласснице, сумевшей выбраться из убогой нищеты и добиться известности.

— Скажите, а друзья у Оли были? — спросил он сухо.

Людмила смекнула, что проявила себя не с лучшей стороны, но воспротивиться соблазну подпортить светлый образ местной знаменитости было выше ее сил.

— Что вы, какие там друзья! С ней и за партой-то никто сидеть не хотел.

— Ну что же, тогда вопросов больше не имею. Только просьбу. Найдите мне, пожалуйста, старый адрес Ольги. И еще, если можно, Марьяны Алексеевны. Фамилию я не

знаю, но, по моим сведениям, она была вашей учительницей.

— Олькин адрес я и так помню, — кисло сказала Пышка. — Улица Советская, дом двадцать шесть. Только Олькина мамаша лет десять как померла, и теперь там живут чужие люди, приезжие. А учительницы Марьяны Алексеевны у нас никогда не было. Работала какая-то Марьяна в городской библиотеке, но отчества ее я не помню. Она еще когда мы босоногими девчонками бегали, уже в преклонных годах была. Тоже, наверное, давно преставилась. Давайте я вам лучше адрес нашей классной руководительницы дам.

Адрес Сергей Владимирович на всякий случай взял, но, выйдя из школы, спросил юных футболистов, как добраться до библиотеки. Что-то подсказывало ему, что Марьяна не станет искать убежища у бывшей классной руководительницы своей матери.

В библиотеке его наконец-то порадовали. Да, они прекрасно знают Марьяну Алексеевну. Как-никак, она проработала в этих стенах без малого сорок лет. Да, она жива и даже иногда заходит навестить бывших коллег и свою преемницу. Да, она действительно принимала участие в судьбе какой-то сиротки. Нет, что вы, живет она совсем недалеко. Минут пятнадцать, если пешком, а на машине и вовсе не больше трех.

Внешность Марьяны Алексеевны произвела на Гуляева довольно тягостное впечатление. Мутный взгляд слезящихся подслеповатых глаз, трясущаяся голова и дрожащие руки почтенной библиотечарши наводили на мысль о старческом слабоумии. К счастью, все оказалось не так страшно. Правда, старушка не пустила следователя в квартиру и разговаривала с ним через узкую щель, оставленную дверной цепочкой, но на вопросы ответила вполне внятно и толково.

Оленькина дочка действительно навестила ее вчера днем. Да не одна, а с женихом, приятным молодым человеком лет двадцати пяти. Вообще-то Марьяша представила его как своего друга, но Марьяна Алексеевна повидала на своем веку немало влюбленных пар, чтобы сообразить что к чему. Молодой человек, Сергей, обращался с девочкой бережно и трепетно, не сводил с нее нежного взгляда, а она, хоть и старалась делать вид, что не смотрит в его сторону, но нет-нет да и глянет, лукаво так, с потайной улыбкой. Молодые люди просидели у Марьяны Алексеевны часа два. На постой не просились. Ей показалось, что остановились они в Старграде, а в Козловск приехали специально, чтобы Марьяша повидалась с крестной. Подарков привезли целый мешок: дорогие конфеты, продукты, фарфоровую чайницу с пахучим китайским чаем, тонкую белую шаль козьего пуха, цветы. Марьяне Алексеевне даже неловко стало: отдарить-то она гостям по бедности ничем не могла. Только чаем напоила да накормила домашними ватрушками. Разговаривали все больше об Оленьке. Марьяна Алексеевна расспрашивала, как она живет, а Марьяша хотела побольше узнать о мамином детстве и молодых годах. Еще интересовалась своим отцом и дедом с бабкой. Насчет отца и деда Марьяна Алексеевна ничего толком сказать не могла, а про бабу, хоть и знала кое-что, да говорить не хотела. Не нашлось у нее доброго слова для Оленькиной матери, а поминать покойницу злом негоже, потому посоветовала она молодым людям сходить к Наталье Петровне, соседке и подруге Нюры Агаповой. На том они и расстались.

После разговора со старушкой Сергей Владимирович заметно приободрился. Пожалуй, только теперь он в полной мере осознал, насколько ничтожной была вероятность напасть на след Марьяны, не имея практически никакой информации, кроме смутного упоминания подруги о ее намерении «отсидеться на родине предков». И тем не менее след нашелся, совсем свежий след. Чуть больше суток назад Марьяна, живая и здоровая, покинула квартиру своей крестной и тетки. При этом она была не одна, ее сопровождал молодой человек,

который, по словам старухи, питал к Марьяне нежные чувства. И, если верить тому же источнику, девушка была готова ответить парню взаимностью.

Стало быть, не исключено, что сейчас красна девица благополучно пребывает в объятиях добра молодца, позабыв обо всем на свете, как и положено влюбленной дурочке. С другой стороны, неожиданное появление добра молодца настораживает. И Оксана, и Лена Купцова уверяли, будто у Марьяны не было друзей и она не склонна к любовным приключениям. Если это правда, то не мог ли молодой человек сыграть гораздо более активную (и более зловещую) роль в исчезновении девушки? Гуляев очень надеялся, что это не так. Прежде всего ради Оксаны. Но были и другие причины. Марьяна, кажется, особа скрытная. Вряд ли она стала бы посвящать кого-либо в свои сердечные тайны. А вот захватить с собой близкого друга в путешествие, сопряженное с опасностью, для девушки дело естественное, неважно, скрытная она или нет. Был у Сергея Владимировича и еще один повод для оптимизма — последний разговор Марьяны с подружкой. Марьяна сказала, что ее пытались сбить машиной, оттого-то она и решила на время скрыться из Старграда. Иными словами, она почуяла опасность и наверняка держала ухо остро. Только идиотка без капли здравого смысла в такой ситуации могла броситься в объятия незнакомца. А Оксана охарактеризовала Марьяну как девушку здравомыслящую. Выходит, этот неизвестный Сергей — ее хороший знакомый. Как бы то ни было, она уверена, что к покушению на ее жизнь он отношения не имеет.

— Если я что-нибудь понимаю, эти юные олухи сейчас трахаются в бывшем Доме колхозника, — пробормотал Сергей Владимирович себе под нос.

Он притормозил и высунулся из окошка спросить у сухонького старика, бредущего за четырьмя козами, как проехать на Октябрьскую площадь. Но в эту минуту мотор заглох. Гуляев с проклятиями вылез из капризной таратайки и открыл капот. Козий пастырь остановился, вынул из-за уха папиросу и с нескрываемым интересом уставился на злосчастливого водителя.

— Что, влип, паря? — спросил старец не без злорадства. — Чего ж ты, молодой-красивый, на такой рухляди катаисси?

Гуляев с независимым видом продолжал выкручивать свечу.

— Да небось еще не понимаешь ни хрена в этих железках, — не отставал ехидный старик. — Ладно уж, выручу тебя, непутевого. Закрывай свою лоханку и дуй на Советскую, дом сорок шесть. У меня там племяш живет, Григорий. За бутылку горилки он твою развалюху живо на колеса поставит.

Сперва Сергей Владимирович сделал вид, будто не услышал заманчивого предложения. Но магическое слово «Советская» заставило его призадуматься: уж не рука ли это судьбы? На Советской жила когда-то Ольга Агапова. Именно туда, к соседке Ольгиной матери, Марьяна Алексеевна отправила свою крестницу. Гуляев захлопнул крышку капота и повернулся к старику:

— А далеко идти-то?

— Какой далеко! С километр, не боле. Ты молодой, мигом добежишь. Давай, давай, не мнись, паря. Я твою железяку покараулю, — пообещал пастырь, покосившись на козочек, которые с аппетитом обдирали молодые клены.

Местный километр, как и следовало ожидать, обернулся двумя. Да и сама улица была отнюдь не коротенькой. Дотрусив до дома номер сорок шесть, Сергей Владимирович дышал, как паровоз. Козий пастух явно преувеличил его молодость. Пятьдесят три года — не шутка.

«Племяш» Григорий, смурной мужик лет шестидесяти, был невозмутим и немногословен.

— Бутылку ставишь? — коротко спросил он, выслушав Гуляева. И, дождавшись кивка, пошел в сарай выводить мопед.

Сергей Владимирович еще раз объяснил ему, где оставил «Таврию», проглотил добрый галлон сизого выхлопа, которым Григорий обдал его на прощанье, выругался и побрел к двадцать шестому дому.

Открыв калитку, он в первую минуту решил, что по ошибке забрел в детский сад. По голому, усыпанному угольной крошкой двору носилась шумная стайка чумазых смуглых детей в возрасте от трех до десяти лет. Стук калитки сработал, как кнопка стоп-кадра. Компания застыла и с любопытством воззрилась на пришельца.

— Вы к папе пришли? — спросила черноокая и чернокосяя девочка с легким акцентом. — Папа на работе.

— А мама к тете Лиле пошла, — добавил вертлявый малыш, окончательно расставляя точки над і.

— Вообще-то я ищу Наталью Петровну, — объяснил оторопевший Гуляев.

Компания дружно повернулась направо и синхронно замахала руками.

— Вам туда!

— Она там живет.

— Это наша соседка!

— Бабушка Светки с Ванькой.

— У них Анчар. Страшный! Покусать может.

— Не бойтесь! Он сейчас на цепи сидит.

Гуляев пообещал не бояться, сказал «спасибо» и поспешно ретировался. Анчар, дальний потомок сибирской лайки, изо всех сил постарался оправдать свою грозную репутацию. Едва Сергей Владимирович поравнялся с забором охраняемой территории, пес, заливистая и гремя цепью, заметался вдоль проволоки, ограничивающей свободу его передвижения. А уж когда Гуляев сунулся в калитку, Анчар вспрыгнул на крышу будки и закатил концерт, достойный самой шумной и буйной рок-группы. Окрестные шавки с удовольствием поддержали сольное выступление сородича многоголосым хором. Воодушевленная этим музыкальным номером хозяйка с проклятиями выскочила из дома и швырнула в солиста здоровенной картофелиной — вероятно, в знак восхищения. После чего повернулась к Гуляеву, уперлась кулаками во внушительные бока и любезно поинтересовалась:

— Ну, чего вам?

Сергей Владимирович не дрогнул.

— Наталья Петровна? Я разыскиваю Марьяну Агапову. По моим сведениям, она вчера заходила к вам. Возможно, с молодым человеком.

Тетка вдруг как-то разом поникла, словно проткнутый воздушный шарик. Отвела глаза, неловко потопталась на крыльце, шумно вздохнула и плюхнулась роскошной филейной частью на верхнюю ступеньку.

— А вы кто ей будете? Родственник?

— Я следователь областной прокуратуры. Разыскиваю Марьяну по просьбе подруги ее матери.

Петровна кинула на него острый взгляд, потупилась, снова шумно вздохнула и вдруг выдохнула жалобно:

— Так утопла она, Марьянка-то. И парень ее утоп... — И, стрельнув глазом в сторону онемевшего Гуляева, зачастила: — Верно, были они у меня вчера. Про Ньюру, мать Олькину спрашивали. А потом на речку их понесло. У Леньки, мальчонки Пономаренков дорогу вызнавали. Он им: «Да чего на речку-то? Далеко ведь. На пруды сходите». Но им подавай речку, и все тут. Ну, Ленька дорогу и показал. Летом там народу навалом, все приезжие горожане туда ходят купаться — прудами, видать, брезгуют. А в мае месяце, почитай, и нет никого. Иногда только трактористы приезжают окунуться, если поля в той стороне распахивают. Вчера там Толька Губанов с Мишкой Кузнецовым работали. Подъехали они после смены к пляжу, видят: вещи валяются, и никого. Покричали, по кустам пошарили — никто не отзывается. Тогда Толька за подмогой поехал, а Мишка остался утопленников искать. Нырлял, нырлял и наткнулся на парня. А девчонку так и не нашли. Там течение быстрое. Хлопца-то, видать, в яму затянуло или, может, зацепился за что. А Марьяну унесло. До самой темноты искали, потом бросили. Ее, поди, за Титово уже утащило, если не застряла где по дороге. Теперь до третьего дня не отыщешь, пока сама не всплывет.

— Да почему вы так уверены, что она утонула?! — вскричал Гуляев в отчаянии.

Наталья Петровна посмотрела на него со снисходительной жалостью.

— Так ведь если б не утонула, нашлась бы давно. Куда она могла подеваться — голая, без документов? Встретил бы кто, переполох бы на всю округу поднялся. У нас тут только одно название, что город, а так — деревня деревней. От людей не схоронишься. Все на виду.

— А вы точно знаете, что утопленник — тот самый парень, что приходил к вам с Марьяной? — спросил Сергей Владимирович, цепляясь за соломинку.

— Точно, — обрубил соломинку Петровна. — Я сегодня в морге была, видела его. И вещички ихние мне Михалыч, участковый наш, показывал. Рюкзаки, штаны, майки... Все, что на них было надето. Не сомневайтесь даже, Марьянка с ним была. Да у них в рюкзаках бумаги должны быть. Вы сходите в милицию, проверьте.

«Господи, что же мне теперь делать? — думал Гуляев, понуро бредя по Советской улице в сторону брошенной машины. — Как рассказать Оксане?.. Ну нет, до тех пор, пока тело не найдется, буду молчать. В конце концов, Марьяну могли похитить. А значит, не все потеряно. Нужно действовать. Наведаться в морг, в милицию, к трактористам... Поспрашивать местных, не видел ли кто на Советской незнакомой машины. Или чужаков, которые следили за Марьяной и Сергеем. Похититель или убийца должен был крутиться где-то поблизости, иначе откуда бы он узнал, что его жертвы отправились на реку? Ну, а коли крутился, то непременно где-нибудь засветился. В Козловске, как верно подметила Наталья Петровна, от людей не схоронишься. А раз так, то я просто обязан выйти на его след. И выйду. В конце концов, следователь я или кто?»

* * *

— Оксана Яновна, вы не уделите мне пять минут для частного разговора?

Оксана вяло удивилась бесцеремонности своего заместителя по областной больнице, вломившегося в кабинет без стука, но потом сообразила, что он, наверное, стучал, это она не слышала. Травяной чай (корень валерианы, пустырник, мята), который она вот уже две недели поглощала галлонами, от бессонницы совершенно не помогал, минувшей ночью Оксана впервые приняла веронал и теперь могла оценить побочные эффекты: тяжесть и шум

в голове, проблемы со слухом, замедленная реакция.

— Садитесь, Олег Евгеньевич. Слушаю вас.

Между ними не было особой симпатии — Вольская недолго любила мужчин, чересчур активно эксплуатирующая свое мужское обаяние, а Черепанов чувствовал себя неуютно в обществе «железных» леди, — но они уважали друг друга за высокий профессионализм и понимали, что хорошо дополняют друг друга в команде.

— Заранее прошу прощения, если вам покажется, что я лезу не в свое дело и нарушаю субординацию... — Олег Евгеньевич замялся и, казалось, полностью переключил внимание на собственные пальцы, которые переплел в замок и теперь нервно сжимал и разжимал, но довольно быстро собрался с мыслями и заставил себя продолжать: — Забудьте на минуту, что вы начальник, а я подчиненный, что мы коллеги. Отнеситесь к моим словам, как пациент к совету врача. Я настоятельно рекомендую вам взять отпуск и лечь на медицинское обследование. За последние две-три недели вы сильно потеряли в весе и постарели лет на десять. Налицо все признаки серьезного нервного расстройства. В таком состоянии просто нельзя оперировать. Как и руководить персоналом, отвечающим за здоровье людей.

— Не поняла. Вы что же, собираетесь отстранить меня от должности?

Оксана надеялась, что ее реплика прозвучит иронично, но сама поморщилась от резкости своего тона. Однако Олег разгадал ее намерение и ответил шутливо:

— Вы же знаете, как давно я мечтаю о вашем кресле. К сожалению, трудовое законодательство совсем не заботится о нас, карьеристах. А как было бы здорово, если бы нам дали полномочия отправлять в отставку своих непосредственных начальников! — Оксана натянуто улыбнулась, и ее заместитель тут же сменил тон: — Извините, Оксана Яновна, но как врач вы не можете не понимать, что я прав. Спасибо, что выслушали. У меня все.

Олег встал, шагнул к двери и уже повернул ручку, когда она, справившись с раздражением, его окликнула:

— Куда же вы, Олег Евгеньевич? Сказав «а», нужно говорить и «б». Если вы отстраняете начальницу от работы, придется вам принять у нее дела.

Домой Оксана добиралась на такси. Последние дни она держалась только благодаря работе и теперь, написав заявление об отпуске, чувствовала себя так, словно ее отключили от источника питания. Силы кончились. А страх остался. И отвлечься больше было не на что — Оксана осталась с ним один на один. От Гуляева третий день не было вестей. Она, конечно, не ждала от него быстрого результата, понимая, что отправила его «туда, не знаю куда», но надеялась, что он будет держать ее в курсе своих поисков. Его молчание казалось ей зловещим. А позвонить ему сама она боялась. Это она-то, Оксана Вольская, всегда ненавидевшая неопределенность! Предскажи ей кто-нибудь месяц назад, что она будет вести себя, словно нервная барышня со страусиными замашками, Оксана от души посмеялась бы. Теперь ей было не до смеха.

«Еще немного, и я стану образцовым пациентом психушки, — припугнула она себя, когда шарахнулась от пустого лифта, открывшего двери. — Нужно немедленно брать себя в руки. Сейчас поднимусь в квартиру, выпью пятьдесят грамм для храбрости и позвоню Сергею. Если у него нет новостей, поеду к Турусовым и вытряхну из Марины всю правду».

Но воплотить в жизнь этот смелый план ей не довелось. Гуляев ждал ее на лестничной площадке.

— Я позвонил в больницу, и мне сказали, что ты поехала домой, — объяснил он,

предупреждая ее вопрос. — Мне нужно многое тебе рассказать, Оксана. Только дай слово, что не упадешь в обморок, пока не выслушаешь меня до конца.

— Постараюсь, — пообещала она, нервно перебирая ключи. — Я так понимаю, что у тебя плохие новости?

— Не совсем так. Скорее, неоднозначные. Кстати, если у тебя дома нет неотложных дел, я бы предпочел поговорить в дороге. Машина у подъезда, сударыня.

— И куда мы едем? — спросила она, убирая ключи.

— В небольшое путешествие по окрестностям Козловска. — Сергей вдавил кнопку вызова лифта, двери открылись. — Прошу. У меня есть надежда, что мы обнаружим Марьяну или ее следы в одной из ближних деревень. Подробности, если позволишь, в машине.

Подождав, пока она устроится (не слишком, надо сказать, удобно) на сиденье «Таврии», Сергей завел мотор, бросил на Оксану оценивающе-тревожный взгляд, напомнил, что она обещала не падать в обморок, и приступил к рассказу:

— На мое счастье, Марьяна дала подруге правдивую информацию. Она действительно побывала в Козловске. Навестила свою тещу крестную и еще одну женщину, подругу бабушки, Ольгиной матери. Вполне естественные шаги, если вспомнить, что она пытается разгадать тайну своего рождения. Но кое-что оказалось для меня полной неожиданностью. Выяснилось, что Марьяна приехала в Козловск со спутником — молодым человеком, который, по свидетельству обеих женщин, всячески демонстрировал по отношению к девушке нежные чувства. Сначала я не очень удивился. Марьяна предполагала, что в Старграде ее могут ждать неприятности, вот и подстраховалась, позвала с собой воздыхателя — так я подумал.

— Но у нее не было воздыхателя. Ольга не раз жаловалась — в шутку, конечно, — что ее дочь совсем не интересуется молодыми людьми.

— Да, ты говорила. Но про Марьяну, по-моему, не скажешь, что у нее душа нараспашку. Скорее наоборот. Хотя насчет парня я действительно не угадал. Оказалось, что он... Нет, так не пойдет. Не с того конца я начал.

Итак, молодые люди приехали в Козловск, навестили крестную Марьяны, от нее отправились к подруге Ольгиной матери, а потом решили искупаться. Река протекает километрах в шести от Козловска, поэтому в будние дни об эту пору там почти никого не бывает. Но в тот день в поле неподалеку работали два тракториста. День был жаркий, поэтому они тоже захотели окунуться. Подъехали к пляжу и увидели брошенные на берегу вещи. Джинсы, футболки, две пары кроссовок, два рюкзака. Трактористы поискали хозяев, покричали и поняли, что дело плохо. Один из них поехал в Козловск за подмогой, другой остался искать утопленников. Именно он и наткнулся на тело парня. А девушку так и не нашли. — Сергей покосился на Оксану, снял руку с руля и сжал ей плечо. — Это еще не конец истории.

— Я поняла. Не отвлекайся на меня, продолжай.

— Все это я узнал от Натальи Петровны, подруги Ольгиной матери, к которой Марьяна и молодой человек заходили перед тем, как пойти на речку. Можешь себе представить, каково мне было это услышать. Я почти не сомневался, что Марьяна тоже погибла, что ее вместе со спутником настиг убийца, нанятый Мариной Турусовой или ее отцом. Но, сама понимаешь, ехать к тебе с такими новостями мне ужасно не хотелось. Я решил, что пока тело Марьяны не нашли, остается некоторый шанс найти ее живую.

— Думаешь, ей удалось улизнуть от убийцы? — быстро спросила Оксана.

— Теперь-то я в этом почти уверен. Во-первых, со дня их купания прошло больше трех суток. Если бы она утонула, тело бы уже всплыло. Во-вторых, я убедился, что эту парочку никто не преследовал. Понимаешь, чужаку в Козловске просто невозможно остаться незамеченным. Я разговаривал с десятком человек, которые видели Марьяну и парня, и никто не заметил, чтобы рядом с ними крутился кто-то еще из чужих.

— Что-то я тебя не понимаю. — Оксана потерла лоб. — Совсем соображать перестала.

— Да нет, это я виноват. Прыгаю с пятого на десятое. Ты погоди пока с вопросами, я попробую изложить все по порядку. От Натальи Петровны я отправился в больницу, точнее, в морг посмотреть на утопленника. Заодно побеседовал со служителем морга. Он сказал, что вскрытие еще не проводили, но никто не сомневается насчет причины смерти. По словам добровольных спасателей, доставивших тело, в легких покойника было полно воды. Внешних повреждений на теле нет, кроме крупной ссадины на темени, у самой границы волос. Спасатели решили, что он неудачно нырнул. Сиганул головой вниз и напоролся на камень. А девушка, по их версии, то ли неважно плавала, то ли запаниковала. В общем, утонула, пытаюсь спасти кавалера.

Из больницы я поехал в милицию. Начальник отделения показал мне вещи, найденные на берегу. Одежду, обувь, рюкзаки и их содержимое, в частности, паспорта. Прежде всего я убедился, что один из них действительно выдан на имя Агаповой Марьяны Алексеевны... Оксана! Мы же разобьемся!

— Извини, ради бога. — Только после окрика Сергея она сообразила, что вцепилась в его руку. — Они известили Ольгу?

— Нет. Решили подождать, пока не найдется тело. Сама понимаешь: оповещать родственников покойного никто не любит. А тут еще оставалась надежда, что девчонка выжила. Не то чтобы они всерьез на это рассчитывали, просто зацепились за формальный повод.

— А родственникам парня сообщили?

— Вот тут-то и начинается самое интересное. Они связались с участковым района, где был прописан молодой человек, Водопьянов Сергей Владимирович. Кстати, оказалось, что он петербуржец. Уже это меня насторожило. Я-то, если помнишь, считал, что парень — хороший знакомый Марьяны. И, естественно, ожидал, что он тоже москвич. Конечно, она могла познакомиться с ним и в Петербурге: москвичи, я так понимаю, частенько туда шастают. Но в этом случае ей было бы довольно трудно скрыть знакомство от матери. Междугородние звонки, счета за переговоры, частые отлучки из дома на пару-тройку дней, то да се... А если ничего такого не было, значит, знакомство шапочное. Но кто, ввязываясь в опасную авантюру, берет в помощники шапочного знакомого?

— Вероятно, те, у кого нет других помощников.

— Ну да, возможно, — согласился Гуляев, подумав. — Но меня этот факт насторожил. Дальше выяснилось, что питерский участковый прекрасно знал Водопьянова. Парень попортил ему немало крови, скрываясь от призыва. Пять лет военкомат донимал милицию звонками, требуя обеспечить явку Водопьянова на призывной пункт. Участковый каждую осень и весну устраивал на уклониста засаду, но так ни разу и не поймал. Зато близко познакомился с его матерью. Короче, он сообщил, что мать Водопьянова умерла от рака пять месяцев назад, а других близких родственников у них, кажется, не было. Он пообещал уточнить. Теперь слушай внимательно. Дальше начинается настоящий роман.

Я осмотрел вещи утопленника и обнаружил в потайном отделении сумочки для

документов три старых письма. От влюбленного юноши по имени Володя к девушке по имени Алла. Поскольку мать Водопьянова звали Аллой Константиновной, а отчество его, если помнишь, Владимирович, я, естественно решил, что парень хранил эти любопытные документы как память о родителях. Впрочем, первые два письма интереса не представляют. Обычная романтическая дребедень, почти бессвязный лепет юнца, ополоумевшего от любви. Охи, вздохи, восторги, стихи... «Взрыв. Пожар. Жарко меркнет сознание. Но не надо, прошу, не студи. Сердце в горле, прервалось дыхание — я коснулся твоей груди». Такой вот вздор. Никакой информации к размышлению. Разве только год написания можно угадать, да и то приблизительно. Мальчишка упоминает новый фильм, «Романс о влюбленных». По-моему, он вышел на экраны в семьдесят пятом году. Ты не помнишь?

— Нет. Я не смотрела.

Сергей бросил на Оксану быстрый взгляд, видимо, озадаченный непонятной металлической ноткой, проскользнувшей в ее ответе. Но выпытывать, в чем дело, не стал. Вместо этого достал из кармана рубашки сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Оксане.

— Это копия третьего письма. Вот оно и впрямь оказалось любопытным. Прочти. Она послушно развернула листок.

Я кретин. Безнадежный кретин. Мне понадобилось целых три дня, чтобы понять очевидное. Ты солгала. Ты не разлюбила меня. Не знаю, может быть, и бывает так, что любовь проходит внезапно, без всяких причин. Странно, конечно, но любовь вообще штука странная. А влюбленные безумны, это я теперь точно знаю. Не будь я безумцем, ни за что тебе не поверил бы. Ты могла меня разлюбить, но сказать об этом так жестоко — никогда. Только не ты, нежная, мягкая, деликатная. И не говори, что любовь слепа, что я принимаю желаемое за действительное. Не забывай, я наблюдал за тобой долгих два года, прежде чем понял, что не могу без тебя жить.

Аллочка, милая моя, не знаю, сможешь ли ты простить меня после всего, что я наговорил. Я не соображал, что несу. Мне хотелось умереть. Два дня я только и делал, что умирал мысленно. Но сегодня ночью, когда я в тысячный раз спрашивал себя: «за что? почему?», меня вдруг осенило. Ты не разлюбила, ты просто хотела меня оттолкнуть. Я вспомнил, как ты испугалась, когда Валентина нас увидела. А я, болван, ничего не понял, раздулся от гордости, как индюк. Пускай, мол, смотрит, старая крокодилица. Пускай завидует. А на сплетни нам наплевать. И ты ничего мне не возразила.

Любовь моя, поверь мне, тебе нечего бояться. Нет такого закона, по которому двадцатилетняя девушка не может обниматься с семнадцатилетним парнем. А остальное никто никогда не докажет. Ради твоего спокойствия я готов обещать, что не подойду к тебе, пока мне не исполнится восемнадцать. Это будет чертовски трудно, но я выдержу. Ты только дай знак, что любишь, что простила меня, что дождешься моего дня рождения. А потом мы поженимся. И не смей больше говорить, что ты мне не ровня. Нашла аристократа! Мой дед, между прочим, землю пахал, пока не стал чекистом. Это твой — белая кость — держал лавочку. И еще большой вопрос, кто кому не ровня.

Beso te ticho, моя единственная. Пожалуйста, черкни мне хоть слово. Я

прощен?

Твой Володя.

Оксана пробежала текст глазами, перечитала более внимательно, потом удивленно посмотрела на Сергея.

— Боюсь, тебе придется объяснить мне, почему тебя так проняла эта эпистола. Какое отношение она имеет к нашей истории?

— Самое непосредственное. Но объяснения позже, хорошо? Кстати, я сначала тоже не придавал письму особого значения. Но внимание на него обратил — из чисто обывательского интереса к чужим альковным тайнам. (Оксана фыркнула.) Да-да, я просто обожаю подглядывать в замочные скважины, — жизнерадостно оболгал себя Гуляев, воодушевленный тем, что она немного оттаяла. — Почему, ты думаешь, я пошел в следователи?

— Начитался приключенческих романов, ясное дело. Не надейся, я не забыла, как твой чудовищный, набитый этой бульварщиной портфель свалился мне на ногу и чуть не раздробил стопу. Почему, ты думаешь, я пошла в хирурги?

— Неужели, чтобы свести со мной счеты на операционном столе? — ужаснулся Гуляев. Оксана засмеялась.

— «А помнишь, Вася, как ты сидел за задней партой и все время дергал меня за косичку?» — спросила стоматолог, включая бормашину. Ладно уж, Рыжик, не трясись. Я тебя прощаю. Рассказывай дальше.

— После визита в милицию я разыскал шофера автобуса, на котором наша парочка приехала в Козловск. Он назвал мне знакомых ему пассажиров, ехавших тем же рейсом. Потом я долго рыскал по городу, пытался восстановить маршрут Марьяны и Сергея, искал свидетелей, разговаривал. В общем, опросил чуть ли не половину местного населения. В Старград возвращался уже затемно. И тут у меня наконец включились мозги. Не сказать, что меня осенило, — картинка сложилась гораздо позже, когда я собрал почти все кусочки головоломки. Но контуры наметились тогда, по дороге в Старград.

Сначала я додумался, что никакого наемного убийцы не было. Ну не могли его не заметить в таком городишке, хоть убей не могли! И как только я это понял, на первый план сразу выступил наш молодой человек. Откуда он взялся, этот Водопьянов? Почему увязался за Марьяной? Я уже не сомневался, что раньше, до ее отъезда из Москвы, они не были знакомы. Тогда возникает вопрос: почему Марьяна подпустила его к себе, да еще так близко? Ты говоришь, молодые люди ее не интересовали. Мало того, ты предупредила, что ей следует избегать новых знакомств. В Старграде она вообще должна была чувствовать себя, как разведчик на вражеской территории. То есть не доверять никому, ожидать опасности от любого прохожего, спросившего, который час. Особенно после того, как ее чуть не сбили на переходе. Ты можешь придумать хоть одну причину, почему она вдруг позволила незнакомцу увиваться вокруг себя и даже сопровождать ее в Козловск?

— Рациональную? Пожалуй, не могу. А ты?

— А у меня возникла догадка. Марьяна пыталась разобраться со своими корнями, копалась в прошлом. Возможно, искала связь с семейством Турусовых. Мы не знаем, как она действовала, но, скорее всего, ей пришлось говорить с людьми, задавать вопросы, рыться в архивах. Что, если именно так она столкнулась с Водопьяновым? Письма в его бумажнике

наводят на мысль, что и его привело в Старград прошлое. Возможно, он тоже наводил справки, пытался выяснить правду об отце, о его семье. И их с Марьяной пути пересеклись.

— Я что-то не пойму: это только гипотеза или уже теория?

— А в чем разница?

— Гипотеза становится теорией, когда ее подтверждают другие факты, не те, на которых строилась гипотеза.

— Тогда теория. На следующий день после козловской эпопеи я позвонил Фомичеву, тому питерскому участковому, который гонялся за Водопьяновым, и попросил его посмотреть паспортные данные Аллы Константиновны и первую форму на Сергея. Алла Константиновна родилась в Старграде, в пятьдесят пятом году. Сергей — в Ленинграде, в семьдесят пятом. Данных о его отце нет. Алла Константиновна была матерью-одиночкой.

— Погоди. — Оксана взяла с колен письмо и снова его развернула. — Если это написано в семьдесят пятом году, то получается, что Алла уже была беременна? Поэтому она с ним и порвала?

— Именно! Видишь, какая получается картинка? Девушка крутит любовь с зеленым юнцом из мажорной семьи. Парочку застукивает за лобзаннями некое третье лицо. Назревает скандал. И все бы ничего, да девушка ждет ребенка. А это уже попахивает статьей за соращение несовершеннолетнего. Вообще-то эту статью редко применяют, когда «пострадавшая» сторона — юноша старше шестнадцати. Но у этого конкретного юноши папа или мама — большой начальник. И перспектива породниться с «неровней» наверняка не вызывает у них восторга. Кто поручится, что они не упекут девицу за решетку, чтобы избежать мезальянса? Сама девица, видимо, имеет основания считать, что именно так они и поступят. Во всяком случае, она рвет отношения с будущим папой и бежит из города. И это больше, чем предположение. Я говорил, что Фомичев обещал навести справки о родственниках Водопьяновых? Их соседи дали ему телефон женщины, которая ухаживала за Аллой, когда та заболела. Она, как выяснилось, была близкой подругой Водопьяновой. Так вот, она поведала, что Алла оборвала все связи с родным городом и никогда никому не рассказывала об отце своего ребенка.

— Знакомая картина, — вздохнула Оксана. — История повторяется. Именно так повела себя Ольга. Только Ольга скрывает не отца ребенка, а брошенную по моей вине дочь.

Гуляев повернул голову и бросил на нее взгляд, значения которого она не поняла.

— Между этими двумя дамами гораздо больше общего, чем ты думаешь, — сказал он загадочно.

— Имей совесть, Рыжик! — возмутилась Оксана. — У меня и так нервы ни к черту, а ты тут таинственность разводишь! Ладно бы еще, я могла разгадать твою загадку...

— Так ведь можешь! — перебил он. — Подумай хорошенько. Семьдесят пятый год. Старград. Высокопоставленное лицо. Дед-чекист. Никаких ассоциаций не возникает?

— Ну, положим, дед-чекист был у Турусова... Но он никак не мог... О Боже! — Оксана стиснула пальцами за виски. — Младший брат Виктора! Но мне казалось, он погиб совсем мальчишкой... Господи, как же его звали?..

— Володей. Владимир Дмитриевич Лисицын. Его отец, второй супруг Анастасии Лазаревны Турусовой, был первым секретарем Старградского горкома партии.

— Ну и ну! Просто в голове не укладывается. Выходит, этот Сергей — племянник Виктора? Это точно?

— Да. Я навел кое-какие справки. В семьдесят третьем — семьдесят четвертом годах в

семье Лисицыных работала горничной девушка Аллочка. В начале семьдесят пятого она неожиданно уволилась и уехала. Где-то через месяц после ее отъезда произошел несчастный случай с Володей Лисицыным.

— Думаешь, он покончил с собой?

— Этого теперь никто не узнает, — вздохнул Гуляев. — Алла, по-видимому, думала именно так. Она наверняка считала себя виновницей его гибели. Только чувством вины я могу объяснить ее упорное нежелание открыть правду об отце Сергея. Хотя перед смертью она, надо думать, исповедалась сыну. А может быть, он сам наткнулся на письма после ее смерти. Дальше начинается область догадок. По моим предположениям, события развивались примерно так. Узнав о существовании богатого влиятельного дядюшки, молодой человек отправляется в Старград в надежде очаровать родственника и урвать свой кусок жизненных благ. Но, приехав сюда, благоразумно решает не торопить события, а для начала навести справки о семье будущего благодетеля. Тут-то его и поджидает неприятный сюрприз. Собрать сведения о губернаторе несложно, в городе о нем много и охотно судачат, и вскоре Водопьянов, к своему разочарованию, узнает, что его перспективы обогатиться от щедрот новообретенного родственника весьма и весьма призрачны. По общему убеждению, губернатор целиком и полностью зависит от супруги — властной, хищной и безжалостной особы, пираньи, ободравшей как липку половину воротил местного бизнеса. У такой приличного пособия не выцыганишь. Правда, у дамы серьезные проблемы со здоровьем, и ходят слухи, что долго она не протянет. С другой стороны, к ее услугам новейшие достижения медицины и лучшие врачи, которым до сих пор вполне удавалось удерживать болезную губернаторшу на этом свете. И нет никакой гарантии...

— Минутку, Сергей! — перебила Оксана. — Ты клонишь к тому, что Альбину убил Водопьянов, я угадала? Очень мило с твоей стороны выстроить версию, которая оправдывает Марину. Я понимаю, что ты делаешь это ради меня. Но, боюсь, ты не сведешь концы с концами. Убийство Виталия в этот узел не увяжется. Я готова допустить, что Водопьянов выигрывал от смерти стервозной жены своего дядюшки, но у него не было причины избавляться от ее любовника.

— Ну и ехидна ты, Оксана! — обиделся Гуляев. — Я изо всех сил стараюсь преподнести ей историю покрасивее и поинтереснее, сам радуюсь, как лихо у меня получается, а она, вместо того чтобы слушать, открыв рот, норовит забежать вперед и испортить мне все удовольствие! Ладно, не хочешь художественного повествования, получай полицейский рапорт. По моему заданию группа, ведущая оперативно-розыскные мероприятия в связи с убийством гражданки Турусовой А.Н., провела опрос персонала частной медицинской клиники «Вита» (владелица — Вольская О.Я.) на предмет...

— Хватит! Хватит! — взмолилась Оксана. — Я уже раскаялась. Можешь повторить все то же самое, но на человеческом языке?

— Что, испугалась? А я, между прочим, каждый день такую тарабарщину читаю. И пишу. Ладно, на человеческом так на человеческом. Я встретился с начальником опергруппы, дал ему фотографию, переснятую с паспорта Водопьянова, и поручил спрашивать у твоих служащих, не крутился ли парень около клиники. Оказалось, крутился. В теплую погоду твои медсестры выходят покурить на улицу. Так вот, некоторые из них обратили внимание на симпатичного молодого человека, который время от времени прогуливался по парку вокруг клиники. Кое-кто даже пытался с ним флиртовать, и не без успеха. Молодой человек расспрашивал сестричек о работе, с лестным вниманием

выслушивал их жалобы на несносных пациентов, а на вопрос, что он здесь делает, отвечал туманно и расплывчато. За пару дней до смерти Турусовой его видели в обществе... кого бы ты думала?

— Неужели Виталия? — изумилась Оксана. — Вот это фокус! Но я все равно не могу понять, чем Виталий ему помешал.

— А я очень даже могу. Представим, что, собирая сплетни о дядюшке, племянник узнал о молодом любовнике его жены. Со стороны Водопьянова было довольно естественно свести знакомство с Виталием. Парень нуждался в надежном источнике информации, из которого можно получить достоверные сведения об отношениях в семье Турусовых и о состоянии здоровья мешающей ему тетушки. А кто подходит на роль информатора лучше, чем вхожий в дом личный помощник губернаторши? К тому же молодые люди были почти ровесниками, что сильно облегчало контакт.

Виталий тем временем отчаянно искал выход из тупика, куда загнали его Альбина и собственное малодушие. Его план подставить вместо Марины двойника провалился. Откупиться от киллера и отменить заказ, как ты ему велела, он не решался из страха перед Альбиной. Но и расплачиваться за убийство Марины ему ох как не хотелось! Держу пари: после разговора с тобой его обуяла такая паника, что он готов был открыться любому, кто проявил бы участие и некоторую м-м... свободу мышления.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому что ему уже нечего было терять. Случись что-нибудь с Мариной, и ты сдала бы его мне или Турусову без всяких угрызений совести. А если бы тебе пришлось в голову обрушиться на Альбину с разоблачениями, она бы его попросту уничтожила. В общем, я считаю, что Водопьянов сумел подобрать к Виталию ключик и выведал его секрет. Как ты понимаешь, вариант, при котором тетка получала идеальные донорские почки и приличный шанс дожить до глубокой старости, племянничка не устраивал. И он предложил Виталию выход — заплатить кому-нибудь из клиники за убийство Альбины. Надо думать, у него уже была на примете подходящая кандидатура, недаром же он заигрывал с твоими девицами. Скорее всего, они поделили обязанности: Виталий обеспечил деньги, Сергей — исполнителя.

— Кто-то из моих медсестер за деньги убил пациентку? Не верю.

— Не обязательно из медсестер. Может быть, из санитарок или уборщиц. Ну, не спорь, Оксана. Ты должна понимать, что работнику клиники убить было намного проще, чем Марине.

Напоминание о Марине сделало Оксану сговорчивее.

— Наверное, ты прав. Но это ужасно. Его... ее можно вывести на чистую воду?

— Сомневаюсь. Улик и свидетелей нет. Как ее прищучить? Разве что она сама как-нибудь себя выдаст. Может, на допросе нервы не выдержат. Но для начала неплохо бы узнать, кто она. Без показаний Водопьянова это будет непросто, а с него показаний уже не снимешь. И с Виталия тоже. Теперь ты понимаешь, почему Водопьянов его убил? Виталий неизбежно попадал в круг подозреваемых, а рассчитывать на его стойкость было глупо. Водопьянов успел достаточно близко с ним познакомиться, чтобы не питать иллюзий на его счет.

— Теперь я не понимаю другого. Какое отношение ко всему этому имеет Марьяна? Твой Водопьянов устранил все препятствия — Альбину, которая, как он считал, помешала бы ему ошипать богатого дядюшку, сообщника, который мог его выдать. Ему оставалось

только припасть к дядюшкиной груди и подставить карманы. Вместо этого он знакомится с посторонней девицей и едет с ней в какой-то занюханный Козловск. Зачем?

— Не с посторонней, Оксана. Ты забываешь, что Марьяна проводила расследование, в частности пыталась выяснить причину своего феноменального сходства с Мариной Турусовой. Вполне вероятно, что она повстречала Водопьянова, который тоже активно интересовался Турусовыми. Если ему каким-то образом удалось расположить к себе девушку и выведать, чем она занята, он мог заподозрить, что Марина — не родная дочь губернатора. Представляешь, какие перспективы открывались тогда перед ним, единственным кровным родственником пожилого миллионера? Естественно, что он пожелал принять самое деятельное участие в расследовании Марьяны.

— Но что же произошло в Козловске на реке? Мне показалось, или ты действительно говорил, что Марьяне удалось ускользнуть от убийцы?

— Не совсем так. Я сказал, что почти уверен в том, что ей удалось ускользнуть от убийцы.

— Да, верно. И еще ты убеждал меня, что никакого убийцы — постороннего убийцы — там не было?

— Не было.

— Значит, я правильно поняла, что убийца, от которого удалось ускользнуть Марьяне, — это Водопьянов?

— Правильно.

— То есть ты хочешь сказать, что на реке произошел обычный несчастный случай? Что на жизнь Марьяны никто не покушался, а определение «убийца» ты употребил, имея в виду прошлые подвиги Водопьянова? Тогда почему же Марьяна исчезла?!

— Успокойся, Оксана. Я не знаю точно, что произошло, но у меня есть основания считать, что это не совсем несчастный случай. Я почти уверен, что Водопьянов напал на Марьяну, пытаясь ее утопить, а она, защищаясь, ударила его чем-то по голове. В результате утонул он, а она запаниковала. Во-первых, потому, что способствовала его кончине, а во-вторых, потому, что приняла его за наемного убийцу и не знала, откуда еще ждать опасности. Я думаю, она решила спрятаться, дать себе передышку. А вещи бросила, чтобы тот, кто подослал к ней убийцу, поверил в ее смерть.

— Но зачем, ради всего святого, Водопьянову было на нее нападать?

— Ты не поверишь, Оксана... Я и сам до сих пор не могу опомниться. Похоже, Марьяна — родная внучка Турусова.

— Что?!

— Я съездил в Козловск еще раз — за фотоснимком Водопьянова. А заодно зашел к Наталье Петровне, подруге Ольгиной матери, и попросил ее вспомнить подробно, о чем они с Марьяной говорили. Так вот, Наталья Петровна проговорила Марьяне, что ее бабушка Анна, родила Ольгу от заезжего молодца. Самое удивительное, что Марьяна, похоже, знала об этом. Петровна и проговорила-то, потому что девушка задала прямой вопрос. «Моя мама — не дедушкина дочь, да?» Та и ахнула: «Откуда ты знаешь?» А Марьяна сказала, что догадалась, когда увидела настоящего деда. Только не поверила себе, потому что этот человек — важная персона, а ее бабушка была простой уборщицей рабочей столовой. На что Наталья Петровна сказала, что в молодости Анна работала официанткой в столовой при горкоме и была очень хороша собой. А отцом ее ребенка был какой-то партийный чин, приехавший в Козловск в командировку.

— Виктор? Невероятно! Хотя... Марина действительно на него чем-то похожа. А еще больше — на его мать. Он даже спрашивал меня однажды... Нет, надо же, какое совпадение! Уму непостижимо. Теперь, я, кажется, понимаю, почему остановилась тогда около Ольги. Помнишь, я говорила тебе, что шла по коридору совершенно невменяемая, меня просто парализовала мысль о том, что надо спуститься к Виктору и подготовить его к худшему. Я представляла себе, какое у него будет лицо, когда он узнает о смерти ребенка, о безнадежном состоянии боготворимой им Альки... И тут увидела воочию искаженное мукой лицо Ольги. Думаю, его сходство с воображаемым лицом Турусова вызвало в мозгу что-то вроде маленького замыкания, которое и привело меня в чувство. Только тогда я этого не осознала... Нет, все-таки это совершенно невероятно... — Тут Оксана заметила, что их машина свернула с шоссе на проселок и стала спускаться к какой-то деревне у реки. — Что это за деревня?

— Аникино. Видишь реку? В трех километрах ниже по течению — тот самый пляж, где нашли одежду. Только пляж на другом берегу. В тот день, когда исчезла Марьяна, в Аникино провожали в армию двух ребят. Гуляли всей деревней. Наутро одна из хозяек снимала белье, которое вывесила накануне, и не досчиталась платья. А у другой пропали резиновые шлепанцы, оставленные на пороге. Обсуждая эту сенсационную пропажу, местные кумушки припомнили, что в ту ночь в деревне как-то особенно яростно лаяли собаки. Но проверить, в чем дело, ни у кого не было сил. Хорошо, надо полагать, погуляли. Нам с тобой не помешало бы получить описание пропавшего платья. Есть у меня подозрение, что оно сейчас укрывает от нескромных взглядов нашу беглянку.

* * *

Чавкнула, открывшись, дверь на веранду, послышались неровные шаркающие шаги, потом что-то стукнуло, звякнуло, и комната наполнилась сытным запахом зажаренной на сале картошки. Марьяна отвернулась к стене. Шаги прошаркали в ее сторону и замерли у занавески, отделявшей закуток, где ее поселили, от «горницы».

— Ужинать-то будешь?

Марьяна не ответила. Старуха поковыляла обратно к столу, сердито ворча, что девка совсем уморит себя голодом, и зачем только она ее пустила на свою голову, будто своих неприятностей мало... Перечень неприятностей Марьяна выслушивала уже раз двадцать. И если сначала жалобы старухи ее умиротворяли, отвлекая от мыслей о собственном несчастье, то теперь вызывали только глухое раздражение. Кем нужно быть, чтобы искать сочувствия у растерянной, больной, полуживой от страха девицы? Неужели старая карга не понимает, что неудачный опорос и побитые морозом яблони выглядят просто благословением божьим на фоне тех проблем, что заставили Марьяну забиться в первую попавшуюся щель, отбили у нее аппетит, желание разговаривать, двигаться и вообще хоть как-то радоваться жизни?

Впрочем, нужно сказать спасибо, что ее хозяйка — черствая, жадная, эгоистичная, озлобленная на весь мир старуха. Будь она душой общества, вся округа давно чесала бы языки, гадая об обстоятельствах, вынудивших бедную девушку бежать из родного дома и проситься на постой к незнакомой женщине в чужой деревне. А самой бедняжке пришлось бы отвечать на бесконечные, исполненные благожелательного любопытства вопросы. Нет

уж, спасибо! Пусть лучше старуха ворчит и жалуется о своем. Отвечать на вопросы и рассказывать о себе Марьяна не желала. Более того, она и думать-то о себе не желала, и вообще с радостью согласилась бы на старую добрую амнезию, лишь бы никогда не вспоминать о кошмаре, преследующем ее во сне и наяву. Но амнезию, как известно, придумали романисты, а запретить себе думать о чем бы то ни было — задача невыполнимая. Можно закрыть глаза, натянуть на голову одеяло, до изнеможения повторять про себя детские стихи и считалки, а перед глазами все равно будут вставать картины, достойные классического триллера.

Вот она, фыркая и отплеываясь, выныривает на поверхность и ищет глазами незадачливого шутника, с тем чтобы обрушить на его дурную голову шквал проклятий. Но вчерашний спаситель и защитник, человек, в которого Марьяна готова была влюбиться, вовсе не похож на шутника. Вода будто смыла с него симпатичную маску добродушного и немного легкомысленного рыцаря, обнажив лицо холодного, расчетливого убийцы. Он оценивает глазами разделяющее их расстояние и ныряет. Марьяна делает отчаянный рывок к берегу, но через минуту щиколотку обхватывают сильные пальцы и снова утягивают ее под воду. Ей опять удается вырваться, но отдышаться она уже не успевает, один глоток воздуха, и мерзавец ее настигает. Марьяна пытается бороться, но силы быстро иссякают, грохот в ушах становится нестерпимым, сознание меркнет. В последний миг, когда она уже готова сдаться и сделать роковой вдох, который наполнит легкие темной мутноватой водой, ее рука утыкается в дно и судорожно вцепляется в небольшой острый камень.

Дальше следовал короткий провал. Марьяна не помнила, как освободилась от хватки убийцы, удерживающего ее под водой, как одолела три или четыре метра, отделявших ее от спасительного воздуха. Следующая картинка, зафиксированная сознанием, снова была залита ярким солнечным светом. Она вяло — только чтобы удержаться на поверхности — шевелит конечностями и жадно-жадно дышит. Когда всплеск за спиной возвещает о появлении противника, Марьяна уже не пытается соревноваться с ним в скорости. Она поворачивается и поджимает под себя ноги, вынуждая его подплыть ближе. А потом бросается навстречу, замахивается и из последних сил бьет его камнем по темени.

В его глазах отразилось смятение, но взгляд тут же помутнел, и голова скрылась под водой. Марьяна заворуженно следила за вереницей всплывающих пузырьков, отмечавших путь несостоявшегося убийцы, потом ее охватила невероятная слабость, и только благодаря инстинкту самосохранения ей удалось добраться до берега. В полуобморочном состоянии она заползла в какие-то кусты, где ее выворачивало наизнанку до тех пор, пока сознание не померкло окончательно.

Очнулась она от истошных воплей. Какие-то горлопаны бегали вдоль берега и, отчаянно матерясь, призывали неведомых придурков прекратить совокупляться и вылезти на свет божий. Или хотя бы подать голос, чтобы не пугать понапрасну добрых людей. Когда до Марьяны дошло, каких придурков имеют в виду добрые люди, у нее в мозгах заметно прояснилось, поэтому она не только отказалась от намерения позвать на помощь, но и забила поглубже в кусты.

Очевидно, крикуны нашли на берегу брошенные вещи. Если Марьяна себя обнаружит, ей придется давать объяснения по поводу гибели своего спутника. Правда настолько невероятна, что не стоит и пытаться донести ее до лиц, ответственных за отправление правосудия. Они неизбежно заподозрят Марьяну в убийстве любовника и неуклюжей попытке запутать следствие. Сказать, что произошел несчастный случай? А вдруг на теле

утопленника найдут следы борьбы, которые невозможно объяснить естественными причинами?

Так или иначе, Марьяну все равно задержат до окончания следствия. Она окажется на виду, не имея возможности скрыться от неведомого врага, подославшего к ней наемного убийцу. В том, что Сергей был наемным убийцей, Марьяна не сомневалась. Помня о предупреждении Оксаны Вольской остерегаться неожиданных знакомств, она улучила минутку, заглянула в паспорт молодого человека и убедилась, что его действительно зовут Сергеем и живет он не в Старграде, где должен обитать таинственный недруг Марьяны, а в Петербурге. Поскольку у незнакомца, живущего в Питере, не могло быть никаких личных причин желать ее смерти, оставалось предположить, что Марьяну ему заказали. И когда заказчик узнает о неудаче, постигшей исполнителя, он натравит на нее нового убийцу.

Последняя мысль и заставила ее забиться поглубже в кусты. Если «добрые люди» ее не найдут, то решат, что хозяева вещей утонули. Вскоре весть об этом разнесется по всей округе и рано или поздно достигнет ушей заказчика. Злодей успокоится, а к тому времени, когда у него появятся сомнения, Марьяна будет уже далеко.

Лежать было холодно и неудобно, мокрый купальник неприятно лип к телу, веточки и травинки кололи кожу, по ногам и спине ползали какие-то букашки, в ноздри настойчиво лез кислый запах рвоты. Но Марьяна старалась не двигаться и терпеливо ждала, пока крикуны убедятся, что звать бесполезно, и уедут сообщить о трагедии кому следует. Она едва не расплакалась от облегчения, когда услышала тарахтенье мотора, сначала громкое и отчетливое, потом все более невнятное, стихающее вдаль. Но стоило ей пошевелиться, чтобы восстановить циркуляцию крови в затекших конечностях, как до слуха донеслись отдаленные всплески и фырканье. Марьяна снова замерла, догадавшись, что кто-то из крикунов остался вылавливать тела утопленников.

Но терпеть дольше не было сил. Она осторожно раздвинула ветви и поползла от берега в сторону дороги. Потом, выбравшись из зарослей, двинулась под прикрытием ивняка к своему рюкзаку. Марьяна надеялась, что добровольные спасатели не успели основательно ознакомиться с его содержимым, поскольку собиралась изъять оттуда сухую одежду и конверт с долларами, полученными от Виталия, и не хотела, чтобы их исчезновение навело кого-нибудь на размышления.

Операция по извлечению собственного имущества стоила ей нескольких лет жизни. Марьяна с величайшими предосторожностями добралась до границы пляжа, дождалась, пока голова ныряльщика за трупами в очередной раз скроется под водой, коршуном бросилась к своим вещам, выхватила из рюкзака сумочку, нашла конверт... и в эту минуту ныряльщик с громким всплеском выскочил на поверхность. Марьяна с оборвавшимся сердцем распласталась на песке, умоляя всех богов, чтобы ему не вздумалось посмотреть в ее сторону. Когда мужик, отдышавшись и всласть наматерившись, снова ушел на глубину, она вскочила как ошпаренная и со всех ног помчалась к зарослям по другую сторону пляжа, даже не вспомнив об одежде и обуви.

Какими только словами Марьяна не ругала себя за эту минутную панику, когда брела неведомо куда, дрожа от холода и плача от боли в сбитых и изрезанных осокой ступнях. Передвигалась она очень и очень медленно, сперва — потому что поминутно озиралась и вслушивалась в каждый шорох, готовая нырнуть в кусты при малейшем намеке на появление машины или людей, позже — потому что не слушались ноги.

Уже сгустились сумерки, когда до нее долетели из-за реки звуки разудалой гулянки.

Марьяна вышла на берег и увидела деревню, где, по-видимому, играли свадьбу или отмечали какой-то очень популярный у местного населения праздник. Лихие визгливые выкрики частушечниц вплетались в протяжную и заунывную «Степь», исполняемую под магнитофонную запись «Ламбады». Гуляли основательно и широко, всем миром. Марьяна рассудила, что в суматохе этого фестиваля никто не обратит внимания, если она потихоньку заберется в какой-нибудь сарай и позаимствует пару старой обуви и немудрящую одежонку. Ей очень не хотелось снова лезть в воду, но вечером выпала роса, у реки сильно похолодало, и она всерьез опасалась подхватить воспаление легких, если не оденется.

Деревенские собаки оказались намного бдительнее старших братьев по разуму. Когда Марьяна открыла калитку какого-то дома с темными окнами, они заголосили с неистовством гусей, спасающих Рим. Она испуганно метнулась к веревке с бельем, сдернула первую попавшуюся крупную шмотку и бросилась вон со двора. Собаки не унимались, но никто и не подумал посмотреть, что их растревожило. Переведя дух, Марьяна вспомнила об обуви, которую так и не раздобыла, и предприняла вторую вылазку — уже на другой двор. Цепные сторожа снова зашлись истеричным лаем, но тут уж ей хватило выдержки остаться на месте и как следует осмотреться. Правда, результат был довольно жалким. Резиновые шлепанцы, забытые на пороге — вот все, чем ей удалось разжиться. А ведь предстояло идти всю ночь и даже больше. Она должна отойти как можно дальше от злополучного пляжа, иначе люди, у которых она попросит убежища, свяжут ее появление с ненайденной утопленницей, и все ее усилия пойдут прахом.

Но к утру Марьяна почувствовала себя настолько скверно, что ей было уже все равно. Тело ломило и било в ознобе, резало глаза, саднило горло, болели ноги, каждый шаг давался с невероятным трудом. Она уже готова была рухнуть на мокрую от росы траву и помолиться о быстрой смерти, когда заметила на фоне просветлевшего неба новую деревню. Из последних сил дотацилась до околицы и открыла калитку крайнего дома. На лай неизбежной цепной жучки вышла хозяйка, рослая угрюмая старуха с подойником в руке.

— Кого это принесло в такую рань? — буркнула она, вперив в гостью неприятные глазки-буравчики.

— Здравствуйте, бабушка, — через силу сказала Марьяна, привалившись к забору. — Меня зовут Маша. Я попала в беду. Вы не могли бы пустить меня к себе на несколько дней? Я хорошо заплачу.

Последние слова зажгли в глазах хозяйки алчный огонек.

— Сколько?

— Сто долларов. За неделю.

Марьяна считала, что сделала очень выгодное предложение. В Москве за такую сумму можно снять комнату на целый месяц, а она просит всего-навсего угол в деревенском доме с удобствами во дворе, и только на неделю. Однако старуху ее щедрость не впечатлила.

— На что мне доллары? Ты деньгами заплати.

— Наших денег у меня нет, — призналась Марьяна почти шепотом — так трудно ей было говорить. — Но доллары обменяют на рубли в любом городе или селе, где есть сбербанк. Сотня — это почти три тысячи рублей.

На лице старухи отразилась полная драматизма душевная борьба — алчность сражалась с боязнью пасть жертвой обмана. Боязнь победила.

— Только мне и дела, что по банкам разъезжать, — буркнула она и покачала головой. — Пойди к кому-нибудь другому попросись.

Марьяна отлепилась от забора, подняла щеколду, с усилием толкнула калитку и шагнула на улицу, уверенная, что сейчас упадет. Но мысль о несметных деньжищах, уплывающих из рук в карман ненавистных соседей, подстегнула хозяйкину жадность и нанесла сокрушительный удар по ее же осторожности.

— Эй, погоди! Как тебя там? Маша! Ладно уж, оставайся. Куда тебе, хворой, по дворам ходить!

Она отвела Марьяну в комнатушку с цветастой ситцевой занавеской вместо двери. Этот крохотный закуток едва вмещал металлическую панцирную кровать, тумбочку и стул с вытертой до полной невнятности обивкой. Но Марьяна не привередничала. С трудом дождавшись, пока хозяйка постелит белье, она упала на кровать и забылась тяжелым нездоровым сном.

Очнулась она только к вечеру, совершенно разбитая, мокрая от пота. Зинаида Арсентьевна (так звали хозяйку) к тому времени уже успела наведаться в город и, вероятно, поменять доллары на рубли. Она подобрела настолько, что купила постоялице пачку аспирина. А еще принесла большую кружку парного молока и ломоть хлеба, тонко намазанный медом.

Марьяна со страхом ждала, когда старуха приступится к ней с вопросами, но Зинаиду Арсентьевну чужие беды, видимо, не волновали. Она вообще обращала мало внимания на свою жиличку. Два раза в день предлагала поесть, никогда не настаивая, если Марьяна отказывалась. Ругалась по ночам, когда девушка ворочалась или кашляла, мешая ей спать. И по нескольку раз на дню жаловалась на тяжелую жизнь, на сволочей соседей, на мерзавца зятя и неблагодарную дочь, на погоду и на боль в суставах, на слишком быстро скиснувшее молоко и дороговизну, на мертворожденных поросят и плохие виды на яблочный урожай.

Но эти жалобы вряд ли можно было считать проявлением внимания к постоялице. Марьяну не оставляло ощущение, будто старуха обращается не к ней, а так, в пространство. И только один разговор, состоявшийся между ними, можно было рассматривать как свидетельство того, что Зинаида Арсентьевна все-таки думает иногда о странной девушке, которую неведомые обстоятельства привели к ней в дом. Заметив, что Марьяна старается не выходить по нужде до наступления темноты, а если припрет, выбирается из дома через скотный двор и крадется к заветной будке, как партизан к штабу врага, хозяйка велела ей не валять дурака.

— Хочешь, чтобы тебя увидели и разнесли по всей деревне, что Арсентьевна пустила жиличку с причудью? Думаешь, я никому о тебе не сказала? Ну и дура! И нечего на меня зенками сверкать! В деревне тайком не проживешь. Будешь от людей шарахаться, они только больше болтать станут. Я сказала, что тебя прислала Танька, дочка моя. Ты ее сослуживица из Троицка. По весне начала шибко хворать, и доктора послали тебя на свежий воздух да на парное молоко. Поняла? Если увидишь кого, не вздумай тикать. Подойди, поздоровайся, о себе расскажи. Танька моя, чтоб ты знала, в заготконторе работает, ягоды-грибы у народа покупает. Дочка у нее, Леночка, двенадцатый год пошел. И муж — пьянчуга и кобель...

Тут Зинаида Арсентьевна свернула разговор в привычную колею, и Марьяна погрузилась в свои мысли. Мысли были тяжелыми, и признание старухи о том, что в деревне про ее жиличку знают, приятности им не добавляло. Марьяна без труда могла представить, как какая-нибудь здешняя кумушка приезжает на козловский рынок торговать сметаной или редиской и делится с товарками деревенскими новостями, приберегая на вкусное весть о хворой девице, попросившейся на постой к местной бабе-яге. А в ответ ее потчуют

рассказом о влюбленной парочке, утонувшей третьего дня недалеко от Козловска, и о том, что тело девушки так и не нашли. И кумушка, поразмыслив, припоминает, что хворая девица объявилась в их деревне наутро после несчастного случая, ведет себя подозрительно, из дома не выходит, людям на глаза не показывается. Можно только догадываться, к каким сенсационным выводам придут праздные базарные тетки, обсасывая подробности. Эх, бежать отсюда надо, и как можно скорее.

Но скорее никак не получалось. Три дня Марьяна болела, болела тяжело, с высокой температурой. А когда температура спала, девушку шатало от слабости. К тому же на нее навалилась тяжелая тоска. Куда ей бежать, где прятаться? Домой и в Старград дорога закрыта — найдут сразу. А скитаться до бесконечности невозможно. И вообще, если ее враг в состоянии нанять убийцу, что помешает ему пустить по следу Марьяны свору сыщиков? В этой игре все преимущества на его стороне. А Марьяна даже не знает, кто он такой и чем она ему помешала. Приемный отец Марины и, вероятно, их общий дед? Но зачем ему смерть Марьяны? Непонятно. Если это губернатор, шансов на спасение у нее нет. Впрочем, неизвестное лицо еще опаснее — именно тем, что неизвестно. Так зачем суесться — бежать, прятаться? Какая разница, где настигнет ее смерть?

Старуха за стеной покончила с вечерней трапезой, выбралась из-за стола, завозилась, собирая посуду. По улице с дребезжанием проехала машина, пробудив ото сна деревенских шавок. Проехала? Нет. Рычания мотора больше не слышно. Жучка надрывается от лая. Совсем рядом раздается гудок, потом еще и еще раз.

— Нешто ко мне? — удивилась Зинаида Арсентьевна. — Кого это черти принесли?

Она поставила посуду обратно на стол и, шаркая, заковыляла к двери. Марьяна сжалась в комок, стиснула коленями ледяные ладони. «Неужели *они*? Вот прямо так, в наглуую?»

За окном послышались голоса. Мужской — вежливый, но твердый, и хозяйкин — режущее-неприятный. Мужчина что-то объяснял, на чем-то настаивал, старуха, видимо, упиралась. Марьяна села на кровати, потянулась и открыла крохотную форточку. Нет, слов все равно не разобрать — ее окно, хоть и выходило на нужную сторону, но в задней части избы, слишком далеко от двора. В разговор вклинился женский голос. Марьяна подобралась. Голос показался ей знакомым, но сбивали с толку интонации — просительные, умоляющие. Женщина, чей смутный образ силился проступить в памяти, никогда так не разговаривала. Но тут старуха выдала очередную раздраженную тираду — резко, тоном окончательного отказа, и голос женщины чудесным образом изменился. Теперь она говорила властно и уверенно, как человек, умеющий приказывать и не привыкший к неповиновению. И тогда Марьяна ее узнала.

В мгновение ока — и откуда только силы взялись? — она вылетела во двор и, рыдая, повисла на шее Оксаны Вольской.

— Тетя Ксана! Вы нашли меня... Господи, как я рада! Простите... простите, пожалуйста, что я вас не послушалась... Вы ведь сумеете меня защитить, да? Вы знаете, кто хочет меня убить?

Вольская крепко прижала ее к себе, погладила по спине.

— Ш-ш, моя девочка! Не надо плакать. Все позади. Ну-ну, успокойся, Марьяша. Все страшное уже кончилось.

— Нет! Вы не понимаете... не знаете... Вы должны мне все рассказать.

— Хорошо, хорошо, только успокойся. Может быть, сначала ты сама расскажешь, что с тобой случилось?

Сзади кашлянули. Марьяна оторвалась от Оксаны и посмотрела на ее спутника — немолодого сухопарого мужчину с вытянутым лошадиным лицом и обильной шевелюрой цвета присыпанной мукой ржавчины.

— Мне кажется, будет удобнее, если мы поговорим в машине, — заметил он и показал глазами на Зинаиду Арсентьевну, которая стояла у порога и, открыв рот, таращилась на сцену встречи.

— Да-да, конечно, — согласилась Оксана. — Марьяша, познакомься. Мой друг, Сергей Владимирович Гуляев. Только благодаря его усилиям и проницательности нам удалось тебя разыскать. Ну, поехали? Тебе нужно забрать какие-нибудь вещи?

Марьяна покачала головой. Конверт с долларами она держала «ближе к телу», а остальные ее вещи остались на пляже.

— Тогда попрощайся с хозяйкой. И поблагодари ее. Она замечательно тебя охраняла.

— Спасибо. До свидания, — сказала Марьяна, как послушная девочка. Потом, поддавшись порыву, бросилась к Зинаиде Арсентьевне и крепко ее обняла. В конце концов бабка оказалась не такой уж черствой эгоисткой.

— Да ладно уж, — пробормотала Зинаида. — Езжай себе. Не поминай лихом, коли что не так. Да ешь лучше, не то ветром унесет.

Под это напутствие Марьяна вышла со двора и протиснулась на заднее сиденье малышки «Таврии», дверь которой вежливо придержал для нее спутник Вольской. Сама Оксана устроилась рядом. Гуляев сел за руль, и они поехали.

— Рассказывай, — приказала Оксана, когда деревня осталась позади.

— Я, конечно, виновата, — покаянно начала Марьяна, отвернувшись к окну. — Вы предупреждали, а я не послушалась... Но меня мучило любопытство, понимаете? Кому я могла понадобиться? Обычная девчонка, без связей, без денег... Таких в Москве — дюжина на десяток. Честно говоря, я сначала даже не знала, верить вам или нет. А потом пришло это письмо... Заказное, в фирменном конверте какой-то старградской конторы, уже не помню какой. Автор письма — он назвал себя посредником — писал, что у него для меня есть выгодное предложение. Меня просили встретиться с некой особой, имя которой я узнаю позже, если приму предложение. К письму прилагались билет до станции Ковыли и пятьсот долларов.

Я сразу подумала, что это письмо из разряда тех неожиданностей, о которых вы меня предупреждали. Мне, конечно, следовало позвонить вам, рассказать о нем. Но тогда я, скорее всего, никогда не узнала бы, что за тайна со мной связана. Короче, я совершила эту глупость... Взяла и поехала. В Ковылях остановилась в гостинице, где мне заказали номер, и познакомилась с дамой, которая профессионально загримировала меня под какую-то девицу с фотографии. Позже выяснилось, что это массажистка в пансионате, где на пару дней поселилась Марина Турусова. Под видом массажистки я и проникла к ней в номер.

Не могу вам передать, что я испытала, когда ее увидела. Это было похоже на шок. Марина перенесла нашу встречу гораздо спокойнее, ведь я была загримирована, и она не могла оценить нашего сходства. Но мое потрясение, кажется, убедило ее, что мне можно доверять. Раньше она считала, что я заодно с тем типом, Виталием, который устроил наше свидание. Как оказалось, именно ему принадлежала идея поменять нас с ней местами. Марине он объяснил, что таким образом она сможет хоть ненадолго вырваться из-под надзора мамы, которая следит за каждым ее шагом. Но Марина подозревала, что на самом деле Виталий в сговоре с ее матерью, что они хотят подстроить ей какую-то пакость. Она

попросила меня связаться с ее подружкой, Катей, чтобы мы вместе попытались выяснить, что затевают Виталий с губернаторшей.

Катя снабдила меня разными шпионскими штучками и свела со своим приятелем, который водит машину. Мы с этим приятелем следили за Виталием и в конце концов подслушали его разговор с киллером. Виталий... даже не знаю, как и сказать-то...

— Не надо, не говори, — пришла ей на помощь Вольская. — Он приходил ко мне после того, как Марина отказалась поменяться с тобой местами. Так что всю эту мерзость мы уже знаем.

— Он приходил к вам и рассказал?.. Не может быть! — поразилась Марьяна.

— Понимаю, это звучит абсурдно. Человек ищет помощи у посторонней женщины, чтобы предотвратить убийство, которое сам же и заказал. Но, видишь ли, он настолько боялся Альбину, что не сумел придумать ничего лучшего. Надеялся, что мне удастся на нее повлиять. Ты ведь догадалась, что его встреча с киллером — инициатива Альбины?

Марьяна кивнула.

— Сложно было не догадаться. Способ убийства... Марина тоже сразу все поняла, когда я пересказала ей разговор. Самое удивительное, что она восприняла эту новость спокойно. Словно ожидала чего-то похожего. Боже мой, какие отношения должны быть у дочери с матерью, чтобы дочь и бровью не повела, узнав, что мать собирается ее убить?!

— Отношения между ними действительно были... неординарными, но, сомневаюсь, что спокойствие Марины было подлинным. Просто она научилась хорошо скрывать, что творится у нее на душе.

— Да уж! Честно говоря, меня ее поведение вывело из себя. Я призывала ее бороться, предлагала обратиться в милицию, устроить скандал, а она только головой качала. «Ничего не надо, — говорит. — Я что-нибудь придумаю, а ты возвращайся домой. И ничего не предпринимай, не то и тебе достанется». Разумеется, домой я не поехала. Встретилась с Катей, все ей рассказала, пыталась перетянуть ее на свою сторону. Но Кате, как ни странно, мой план тоже не понравился. Она сказала, что Марине виднее. Мы должны подождать, пока она придумает другой выход, и по возможности помочь. А тем временем подбросить в палату Альбины «жучок» и прослушивать ее разговоры. У нас ведь не было доказательств, что Виталий выполнял ее указания. В случае чего она бы вывернулась, свалив всю вину на него.

— А я-то гадал, зачем эта девушка приходила к Альбине! — воскликнул Гуляев. — И что, удалось ей подбросить «жучка»?

— Да, удалось. Как и ожидала Катя, они с Альбиной поскандалили. Катя вышвырнула в окно цветы, которые принесла, и одновременно прикрепила «жучка» с нижней стороны подоконника.

— Так вы прослушивали палату Альбины? — заволновался Гуляев. — И в день ее убийства — тоже?

— Нет, на столько его не хватило. Батарейка кончилась, или как там это называется. О смерти Альбины я узнала от Кати. И в тот же день позвонила Марине — спросить, не нужна ли ей помощь. Ведь смерть ее матери не остановила бы киллера, верно? Но Марина повела себя очень странно. По сути, предложила мне не совать нос не в свое дело. — Марьяна насупилась. — Мне было очень обидно — ведь ради нее же старалась! Но навязываться, естественно, я не стала. Мне и без нее было чем заняться.

Наше с Мариной невероятное сходство навело меня на мысль, что мы с ней близнецы. Я

решила, что ее мать не могла родить ребенка из-за больных почек и удочерила девочку из двойни, рожденной моей мамой. Марина (это было еще до того, как она меня отшила) согласилась, что мы, скорее всего, сестры, и мать у нее не родная, но отказывалась верить, что губернатор — не ее отец. По ее словам, она на него похожа, и особенно на его мать. А я видела нашего настоящего отца и тоже не сомневалась в его отцовстве. Все потому же — из-за сходства. В общем, мне хотелось разобраться с этой загадкой. Поскольку все они — Альбина, мама и оба предполагаемых отца — на момент нашего зачатия жили в Старграде, то и разгадку следовало искать здесь.

Я колесила по городу, разыскивала людей, которые знали мою маму и ее... кавалера. Или работали в отделении больницы, где рожала Альбина. И в один не сказать чтобы прекрасный день меня едва не сбила машина. На переходе. По виду — джип, черный, марки не знаю. Он вылетел откуда-то из-за угла и помчался прямо на красный свет. Я отпрыгнула, но он вильнул в ту же сторону. И наверняка сбил бы, если бы не парень, который шел сзади и выхватил меня буквально перед бампером. Не понимаю, зачем он это сделал, если все равно собирался меня прикончить. Должно быть, боялся, что меня раздавит не насмерть, и ему придется заканчивать дело где-нибудь в больнице, при свидетелях... Но я забежала вперед.

Мы познакомились. Парень, Сергей, вел себя очень мило. Я потянула связку, и он сбегал в аптеку за эластичным бинтом, отвел меня в бар, развлекал разными историями из своей жизни. Короче, я к нему прониклась и рассказала о своих генеалогических изысканиях. Он вдруг переполошился. Высказал предположение, что неудавшийся наезд имеет отношение к моим попыткам разобраться в родственных связях. Посоветовал бросить все к чертовой матери. В общем, напугал. Я не собиралась так легко сдаваться, но решила, что будет благоразумнее на время перенести поиски из Старграда в Козловск, где живет моя крестная, которая когда-то приняла в маме большое участие. Сергей сказал, что не отпустит меня одну. И я, дура, еще обрадовалась!

Мы приехали в Козловск, навестили Марьяну Алексеевну. Но она мне не очень помогла. Мама практически не общалась с ней, когда забеременела. Прислала одну открытку и письмо, но письмо уже позже, после переезда в Москву. Правда, когда мамин роман с Юрой только завязывался, она еще приезжала к старушке. Марьяна Алексеевна твердо уверена, что мой отец — Юра. Но в этом я и сама почти не сомневалась. А с моей бабкой, маминой матерью, крестная отношений не поддерживала. Зато она неплохо знала женщину, дружившую с бабкой, и подсказала, где ее найти.

И там мне наконец повезло. Эта женщина, Наталья Петровна, призналась, что бабка родила маму не от мужа, а от какого-то партийного начальника, приезжавшего в Козловск в командировку. Правда, имени этого начальника Наталья Петровна не знает, но я была уверена, что разгадала загадку. Если Турусов — мамин отец, то все становится на свои места. Мы с Мариной — сестры, похожие частично на отца, частично — на прабабку.

Я ужасно обрадовалась, что все, наконец, разрешилось. Щебетала, как весенняя пташка, и не сразу заметила, что Сергей не поддерживает разговор. А когда заметила и спросила, в чем дело, он сослался на головную боль и предложил сходить искупаться. Я, разумеется, согласилась. На пляже никого не было. Сергей окунулся и сразу повеселел. Начал брызгаться, увлек меня на глубину. А потом утащил под воду. Я глотнула воды, испугалась и страшно разозлилась. Вынырнула, обругала его и вдруг увидела его лицо. Господи, это было так страшно! Как в фильме ужасов, когда с человека слезает кожа и он превращается в монстра. Только еще страшнее, потому что я знала, что это не кино.

Мы боролись, но он был сильнее. Когда он утащил меня под воду в третий раз, я уже не могла вырваться. Я почти потеряла сознание. Нет, не почти. Я действительно его потеряла, потому что не помню, как выплыла. Пришла в себя, а в руке — камень. Острый, похожий на пирамидку. И я... Я его...

Вольская обняла ее за плечи и притянула к себе.

— Не переживай так. Это была самозащита.

— Я знаю, — всхлипнула Марьяна. — Он был киллером. Его послали меня убить. Но почему, тетя Ксана? Кому я так досадила? Чем?

— Нет, Марьяша, он не был киллером. И никто его не посылал. Рыжик, кто будет рассказывать, я или ты?

— Лучше ты, — ответил Сергей. — Я на год вперед наговорился.

И Оксана повторила историю, которую поведал ей Гуляев.

— В общем, похоже на то, что он был твоим дядюшкой, — закончила она. — И у него имелись личные, глубоко корыстные мотивы, чтобы желать тебе смерти. Никто его не нанимал, Марьяша. Все кончилось. Тебе больше ничто не угрожает.

— Нет! — Марьяна неожиданно зарыдала. — Вы все врете! А машина?.. Вы просто не хотите мне рассказывать!.. Покрываете его... того, кто хочет от меня избавиться. Вы на его стороне, да?

— Сережа, останови машину, — попросила Вольская. — Мне нужно позвонить.

Он удивился, но машину остановил. Оксана, протиснувшись мимо переднего сиденья, вылезла из салона, отошла метров на пятнадцать и достала из сумочки мобильный телефон. Глядя на ее напряженную спину, Гуляев без труда догадался, кому она звонит. Ольге. Зная, как труден для нее этот разговор, он по-детски зажал в кулаках большие пальцы. «Удачи тебе, Ксана. Пусть Ольга поймет тебя и не осудит. Ты сделала для нее и Марьяны все, что могла».

Словно в ответ на его мысленное пожелание, плечи Оксаны распрямились, осанка обрела уверенность. Она поговорила еще минуту, потом опустила руку с трубкой, подумала и набрала еще один номер. Второй разговор длился дольше. Но когда и он закончился, Оксана преобразилась окончательно. Легкой стремительной походкой она вернулась к машине, с улыбкой распахнула дверцу.

— Хватит рыдать, Марьяна. Твоя мама летит в Старград ближайшим рейсом. Встретим ее в аэропорту и поедem к Турусову. Он подтвердил, что в годы комсомольской юности ездил в Козловск. И припомнил красивую официантку, с которой у него был скоротечный роман. Знаешь, кажется, Виктор Палыч до смерти рад тому, что у него обнаружилась родная дочь и целых две внучки. Он прямо копытом бьет от нетерпения, требует, чтобы я привезла тебя немедленно. Но я сказала: «Нет, дорогой. Пусть твоя семья сразу соберется в полном составе». Так будет лучше, правда, Марьяша?

* * *

В полутемной, освещенной только маленьким настенным бра комнате плавали клочья сизого дыма. За столом лицом друг к другу сидели две женщины. Старшая только что закончила долгий тяжелый рассказ и потянулась за очередной сигаретой. Младшая играла со стаканом, вглядываясь в причудливые блики захваченной водоворотом жидкости. Наконец

она оторвала взгляд от пляшущего конуса и посмотрела на собеседницу.

— Перестань казнить себя, Оксана. Что изменилось бы, если бы ты рассказала мне об всем раньше? По-твоему, я могла заявиться к ним с угрозами и проклятиями, потребовать: «Отдайте мне мою девочку»? Смешно! Даже если допустить на минуту, что мы живем в идеальной стране, где закон один для всех, твою Альбину невозможно было обвинить в дурном обращении с дочерью. Марину не били, не запирали в темном чулане, не морили голодом, не выставляли голой на мороз... Да и какие у меня права, чтобы ее обвинять? Кто я такая? Кукушка, подбросившая яйцо в чужое гнездо и прилетевшая с инспекцией — как там ухаживают за ее птенчиком?

— Ну, если уж прибегать к орнитологическим сравнениям, то ты не кукушка, а пеночка, и яйцо никому не подбрасывала, его из-под тебя вытащили. Я вытащила. Не знаю, можно ли подыскать подходящий аналог в животном мире.

— Может, хватит уже заниматься самобичеванием? Ты прекрасно знаешь, что ждало меня и девочек, если бы не твое чудовищное преступление. Я устроилась бы на фабрику ради куска хлеба и комнаты в общежитии, а детей отдала бы в дом малютки, потому что сидеть с ними было некому, да и в общежитие меня с ними не пустили бы. Навещала бы их по выходным, в приемные часы. Потом у девочек обнаружилась бы задержка в развитии, а там и до диагноза рукой подать. Какая-нибудь олигофрения в стадии дебильности. Они учились бы во вспомогательной школе, к тринадцати годам связались бы с дурной компанией, пристрастились к дешевому алкоголю, пошли по рукам. А я, отупев от тяжелой работы и неустроенного быта, таскала бы их за волосы и лупила чем под руку попадет.

— Ты?! — Оксана улыбнулась. — Не наговаривай на себя, Ольга. Кого-кого, а тебя я не в состоянии представить со скалкой в руках, гонящейся за перепуганными девчонками.

— Скотская жизнь кого угодно сделает зверем. Моя мать... Ладно, не будем о грустном. Все хорошо, что хорошо кончается. Ты не представляешь, как я счастлива, что Маришка меня приняла. Другая на ее месте послала бы такую мамашу по широко известному адресу. Слушай, а тебе не показалось, что между девочками чувствуется какое-то отчуждение? С чего бы это?

— А! — Оксана махнула рукой. — Мелкие непонятки. Не бери в голову. Марина в минуты сильных переживаний делается замороженной. А Марьяна позвонила ей именно в такую минуту, когда Альбина погибла, и предложила свою помощь. Естественно, ее обидела сестрина холодность, которую она приняла на свой счет. Ну и нервы у нее пока не в порядке. Что неудивительно после таких потрясений.

— Да, Марьяше досталось. — Ольга вздохнула. — Ну ничего, время все исцелит. И перемена мест. Недаром чувствительные дворяне лечили нервы и душевные раны, отправляясь в путешествие за границу.

— Кстати, а тебя не расстроило ее решение? Ты ведь, наверное, скучать по ней будешь?

— Наверное, буду немного. Но вообще-то я по натуре одиночка, мне редко бывает скучно наедине с собой. А за Марьяшу я рада. Меня немного беспокоило, что она не пошла учиться дальше. Как интеллигент в первом поколении, я страшная снобка в отношении высшего образования. Но о таком образовании для дочери я и мечтать не смела. Представляю, какие физиономии будут у наших теток с кафедры, когда я скажу им, что Марьяша уезжает учиться в Сорбонну! Эх, что ни говори, а все-таки хорошо иметь папу губернатора!

— Особенно новообретенного папу губернатора, — уточнила Оксана. — Видит бог,

Виктор Палыч сейчас в таком состоянии, что готов для вас эту самую Сорбонну целиком купить. Вместе с половиной Парижа. Я уже сто лет не видела, чтобы он так кого-то обихаживал! По-моему, даже Альбине в первые годы брака не доставалось столько внимания. Честное слово, мне показалось, что он кинется вас с Марьяшей вылизывать, как верный пес хозяев после долгой разлуки.

— Мне тоже, — засмеялась Ольга. — Не очень-то приятное ощущение, между нами говоря. Я одного не понимаю: если ему так не хватало собственных, кровных детей и внуков, почему он не завел кого-нибудь на стороне?

— Ну, сначала Виктор Палыч не мог надыхаться на Альбину. Полагаю, ему и в голову не приходило ей изменить. А потом начались проблемы по мужской части. Он ведь довольно поздно женился. К тому времени, как у них с Альбиной все окончательно разладилось, ему было уже сильно за пятьдесят. Может, он и пытался предпринять какие-то шаги к продлению рода, да поезд ушел. Ты бы задержалась здесь еще ненадолго. Порадовала бы папочку, дала бы ему возможность привыкнуть к тебе, загладить перед тобой вину. Ему сейчас совсем не помешали бы приятные переживания. Эта паскудная история здорово его надломилась. Я даже не ожидала. Мне всю жизнь казалось, что Виктор из породы резиновых — сколько его ни бей, все ему нипочем.

— Бывают обстоятельства, когда никакая резиновость не спасает. В один день узнать о существовании целой оравы близких родственников, а на закуску — о замечательном племяннике, убившем тетку, покушавшемся на кузину и в результате погибшем... это сильно.

— Не говори! Жалко его. Знаешь, я чувствую себя виноватой перед ним. Виктор никогда мне не нравился. Партийный бонза, интриган, властолюбец... Внук чекиста. В чем только я его не подозревала!

— Из-за дедушки чекиста?

— Зря улыбаешься. Этот самый дедушка был знаменит в свое время. Сколько людей погубил — не счесть. Местные старожилы рассказывают, что в народе его Чумой прозвали.

— Ничего себе! Ну и гены у меня, оказывается!

— Ох! Прости, Ольга. Я совсем забыла, что говорю о твоём прадеде. Не расстраивайся. Дурные гены, похоже, передались по другой линии. Через Викторова брата.

— Будем надеяться. Если не ошибаюсь, на Каиновом семени лежит проклятие. Не слишком приятное наследство. Я бы сказала, оно перевешивает выгоды положения губернаторской дочери. Бедный папочка!

— Так ты не хочешь побыть с ним еще несколько дней?

— Не могу, Ксана. Я и так сорвалась посреди сессии и подвела коллег. И потом, мне хочется немного побыть с Марьяшей вдвоем. Она же скоро уедет. Надолго. А может, и навсегда. Говорит, что не хочет жить в этой дурацкой стране, где тебя в любую минуту могут убить — из-за денег, из-за почек, из-за цвета глаз и кожи...

— Ну, это у нее скоро пройдет. На расстоянии, да по прошествии времени все видится иначе. Не грусти, Оля. Вот увидишь, все обязательно наладится. Знаешь, у меня такое ощущение, будто с нас со всех наконец сняли многолетнее заклятие. Господи, я уже и забыла совсем, как это чудесно — жить налегке.

Посетители музея Родена, поравнявшись с их скамьей, невольно придерживали шаг и с улыбкой поглядывали на двух поразительно похожих девушек, склонившихся друг к другу. Девушки, однако, не улыбались в ответ и вообще не замечали взглядов. Они смотрели только друг на друга, смотрели пристально, неотрывно — так изучают в зеркале проступившее на лице пятно, гадая, не признак ли это какой-нибудь опасной болезни.

— ...Я ни о чем не спрашивала тебя *там*, — тихо говорила одна из них. — Не хотела знать. И еще боялась как-нибудь тебя выдать. Но теперь я не смогу тебе навредить, даже если захочу. И мне нужно знать ответ.

— Для чего? — спросила другая. — Впрочем, мне все равно. Почему бы и не сказать? Ты и впрямь не можешь доставить мне неприятности. Да и не хочешь. Кровь — не вода, верно, сестренка? Ты права. Их убила я. Обоих.

— Зачем? Только не говори мне, что старалась ради меня.

— А почему бы и нет? Ты ведь и пальцем не пошевелила, чтобы себя спасти. Все в благородство играла. Должен же был хоть кто-то о тебе позаботиться?

— У тебя сложилось обо мне какое-то странное представление, Яна. Тебе не кажется, что человек, проживший всю сознательную жизнь в такой давилльне, в какой прожила я, и тем не менее уцелевший физически и психически, в состоянии позаботиться о себе сам? Неужели я произвожу впечатление покорной жертвы?

— Ты хочешь сказать, что придумала выход? И притом такой, чтобы никто не пострадал? Ну, тогда ты просто гений. Титан мысли. Могу я поинтересоваться, какая блестящая идея осенила мою несравненную сестру?

— Не дерзи. Идея проста, как грабли. Я собиралась наесться сырых яиц, позвонить Оксане и пожаловаться на плохое самочувствие. Насколько я ее знаю, она потребовала бы, чтобы я немедленно приехала к ней на обследование. Анализ показал бы, что у меня в моче полно белка, и меня быстренько госпитализировали бы с предварительным диагнозом «пиелонефрит». Или еще с какой-нибудь нефропатией. Альбина, конечно, была безумна, но не настолько, чтобы позариться на мои больные почки. Мое убийство теряло смысл, а поскольку, связавшись с киллером, она до некоторой степени рисковала, то, думаю, ей хватило бы ума отменить заказ. В любом случае киллеру было бы затруднительно добраться до меня в клинике Оксаны. Тем более — устроить там автомобильную аварию.

В глазах Яны мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Не слабо. Смотри-ка ты, а котелок у тебя действительно варит. Только что же ты так долго тянула с воплощением своей гениальной идеи?

— Я копила яйца. Для моих целей нужно было не меньше десятка. Сходить за ними в магазин я не могла, за мной постоянно следили. И украсть сразу весь десяток из холодильника не могла — кухарка обнаружила бы пропажу, и моя хитрость раскрылась бы. Вот и приходилось таскать по одному, по два в день.

— М-да. И из-за такой мелочи... Впрочем, я рада, что ты не успела. Для реализации моих грандиозных планов Альбина была серьезной помехой.

— Ты... Значит, ты заранее все просчитала?

— Разумеется, нет. Как я могла все просчитать, если тебя почти не знала? Можешь мне не верить, но я искренне хотела тебе помочь. Почти бескорыстно. Почти — потому что все-

таки догадывалась, что ты сыта по горло своим блестящим окружением и хочешь только одного — чтобы тебя оставили в покое. В общем, в глубине души у меня теплилась надежда, что ты согласишься на замену. Но плясать вместо тебя под дуду губернаторши мне совершенно не улыбалось. Так что личная причина избавиться от нее у меня все-таки была. Хотя об убийстве я сначала не помышляла. Рассчитывала, что Альбину удастся запереть в психушку. Ты со своим благородством здорово осложнила мне задачу, но я готова была устроить скандал сама. И потом, благородство благородством, но не помирать же тебе из-за этой гадины? Я надеялась, что ты одумаешься.

— Я же объясняла тебе...

— Да-да, я помню. Всесильная маман, способная смести половину города небрежным движением руки. Но знаешь, мне как-то трудно было поверить, что на такую сумасшедшую тетку невозможно найти управу. Я понимала, что это трудно и опасно, что можно случайно нарваться на ее человека и погибнуть во цвете лет, прежде чем тебе дадут открыть рот. Только других-то путей не было — так мне, по крайней мере, казалось. Я не такая изобретательная, как ты, и ничего, кроме скандала или убийства, придумать не смогла. А убийство представлялось мне и вовсе невозможным, я же знала, как Альбину стерегут.

— Но тебе удалось совершить невозможное. По-моему, ты прибедняешься, Яна. Моя изобретательность не идет ни в какое сравнение с твоей.

— Мне помогла случайность. Ты же знаешь, Катя протащила в палату Альбины «жучка». И попросила меня прослушивать ее разговоры. «Жучок» был гораздо совершеннее тех фитюлек, которыми она снабдила меня, когда я следила за Виталием, более мощным, более «долгоиграющим». Правда, покрупнее тех, на одежду не посадишь. А в палате спрятать — вполне. Так вот, я обратила внимание, что после обеда сиделка колет Альбине что-то седативное, дожидается, пока пациентка уснет, и уходит плескаться в душ. Это было ценное наблюдение, но еще не решение задачи. От Кати я знала, что перед боксом дежурит профессиональный телохранитель, мимо которого незаметно не просочишься.

И тут мне сам черт сыграл на руку. Я дежурила со своим приемничком на скамейке, и ко мне под села медсестричка, очень словоохотливая особа. Завязала разговор, спросила, не пришла ли я к кому-нибудь из пациентов. Я уже хотела ответить: да, мол, но потом подумала, что никого из пациентов, кроме Альбины не знаю, а называть случайную фамилию опасно — вдруг она помнит их всех поименно? Короче, я ответила, что жду Вольскую, хочу поговорить с ней насчет работы. Девушка затрещала, что устроиться к ним трудно, потому как платят в клинике очень прилично, с государственными больницами не сравнить. А работа что здесь, что там — собачья. И тяжелая, и неблагодарная, и личную жизнь не устроишь, на одного медика-мужика приходится по десять баб, пациенты все женаты, а охранники пялятся в свои мониторы, да на посетителей, и их даже на невинный флирт не раскрутишь. И вообще, все они, охранники, с причудами. У них на третьем этаже сейчас лежит губернаторша, так при ней такой шизик дежурит, просто клиника. Вроде робота из кино. Как будто в него вживили будильник и устройство с раз и навсегда заданной программой. Приходит по часам, минута в минуту, поболтать никогда ни с кем не остановится, разве кивнет, если поздороваешься. Обедает всегда ровно в половине третьего. Достает из сумки два крутых яйца, пучок салата и бутылку с минералкой. Каждый божий день — одно и то же. Ну и так далее. Остальное меня уже не интересовало, потому что я придумала, как устранить охранника.

Если он такой раб привычки, то, наверное, покупает свою минералку в одном и том же

месте. По крайней мере, шансы на это неплохие. Я решила за ним проследить. Беспокоилась немного, что он меня заметит, все-таки профессиональный телохранитель, но рискнула. И мне повезло. Оказалось, что он живет совсем рядом с больницей. Даже если и заметил, что за ним кто-то идет, вряд ли подумал о слежке, потому что мы прошли всего два квартала, и у нас были случайные попутчики. А перед тем как свернуть к дому, он остановился у киоска и купил... бутылку минеральной воды! Я не знала точно, покупает он ее на вечер или на завтра, но на всякий случай решила внедриться в этот киоск с утра. Если бы утром он прошел мимо, я вернулась бы туда к вечеру. И вся операция просто отодвинулась бы на один день.

— Но ты же прислала мне записку заранее! Чтобы я выбросила пропуск в окно, как только войду в палату. Как бы ты, интересно, попала в клинику на следующий день? Не вернула бы мне пропуск? Знаешь, какой Альбина закатила бы скандал, если бы я не явилась к ней утром? Мне пришлось бы объяснять, что пропуск потерялся, и тебе уже не удалось бы им воспользоваться.

— Это я понимала. И пропуск собиралась вернуть в любом случае. Но что мне мешало обратиться к тебе с той же просьбой на другой день?

— А предлог? В тот раз ты написала, что хочешь заменить в палате «жучок». Как бы ты оправдала свое желание попасть в клинику еще раз?

— Не разочаровывай меня, Марина. Я просто написала бы, что в первый раз у меня не вышло.

Марина усмехнулась.

— Да, действительно просто. Правда, тебя могли изловить, когда ты запускала в меня очередного «голубя». Знаешь, два дня подряд — это уже выглядит подозрительно. Впрочем, ты вполне могла придумать другой фокус. Ладно, рассказывай дальше. Как ты «внедрилась» в киоск?

— Втерлась в доверие к киоскерше, сказала, что хочу устроиться на работу в такую же палатку, но, боюсь, что у меня не получится. Попросила, чтобы она разрешила мне попробовать. Бутылку минералки нужного сорта приготовила заранее. С начинкой, естественно.

— А откуда ты знала, чем нужно начинять?

— Ну, ты даешь! — обиделась Яна. — Я все-таки фармацевт.

— Извини, я забыла. И что, охранник явился утром?

— Да. Причем я заранее знала, что он придет. Киоскерша рассказала о забавном типе, который дважды в день, ровно без четверти восемь утра и в четверть девятого вечера покупает у нее по бутылке одной и той же воды. Я подсунула ему свою бутылку, посидела в киоске еще полчаса и пошла к клинике ждать тебя. Специально подсмотрела, в какой тамбур ты проходишь, чтобы не попасться на глаза тому же охраннику, и побежала под окно палаты ловить пропуск. Ну, а дальше все было просто. В клинику я вошла где-то за час до обеда, отсиделась в туалете. Без двадцати три напялила халат, шапочку, маску, резиновые перчатки, взяла швабру, ведро и пошла в VIP-бокс. По коридору никто не шастал, только две сестры болтали у поста, но он был далеко, и они даже не посмотрели в мою сторону. Охранник уже отключился, сиделка плескалась под душем. Я вошла, задвинула щеколду на двери санузла, сняла «жучка» из-под подоконника, подкралась к постели, отделила от иголки трубку капельницы, подула туда, надела обратно и быстро вышла. Правда, чертов кардиограф здорово меня напугал своим воем. Но я успела шмыгнуть в туалет до того, как сестры

отреагировали. А потом поднялся переполох, и выбраться оттуда незаметно ничего не стоило. Из клиники я вышла через служебный вход. Там, как водится, пристально разглядывают входящих, а на выходящих не обращают внимания.

— А пропуск? Как тебе удалось сунуть его в машину незаметно для нашего охранника?

— Подкупила шайку малолетних разбойников, и они отвлекли его внимание, обстреляв вашу территорию подручными снарядами. Он и отвернулся всего-то на минутку, но я успела. Окно машины было приоткрыто.

— Да, все очень просто... С Виталием, насколько я понимаю, было еще проще?

Яна сделала вид, что не заметила сарказма. А может, и правда не заметила.

— Как раз нет. Виталия я караулила на лестнице целую ночь. Этого гада не оказалось дома. Пришлось напялить на себя помойную амуницию и изображать бомжа. Больше всего я боялась, что он отсиживается где-нибудь у родственников и не собирается возвращаться домой. Это был бы полный крах. Я ведь видела, в каком состоянии он вышел из прокуратуры. Специально болталась неподалеку. Как сердце чуяло. Выполз, как студень. Трясетя, лицо серое. Но, думаю, раз отпустили, значит, не раскололся. Только следующего допроса ему уже точно не выдержать. И тогда мне кердык. Они возьмутся за тебя, ты расскажешь о пропуске, о «жучке», и все. Поэтому я во что бы то ни стало должна была прикончить его до следующего визита в прокуратуру. А его могли вызвать хоть на завтра. Вот и пришлось торчать ночь на вонючей лестнице в вонючей маскировке.

Но он все-таки объявился. Уже утром, без чего-то семь. Я еще ночью ему в дверной замок бумажку запихнула. Скатала в маленький шарик и булавкой протолкнула. Пока он с ключом возился, подкралась сзади и прыснула из баллончика. Мне этот баллончик еще в Москве Вольская дала. Не знаю, откуда она его взяла. У нас вроде такие, с НП-газом, запрещены. Виталик свалился как сноп, без звука. Я быстренько бумажку из замка вытащила — крючком для поднимания петель, незаменимая вещь — открыла дверь, втащила его в квартиру и упаковала в большой пакет для мусора. Потом нашла и собрала «жучков», которых мы с Шуриком раньше понаоставляли, специально для следствия устроила небольшой беспорядок и потихоньку ушла.

— Но Виталий должен был очнуться. Этот газ — он же не убивает?

— Нет, он действует что-то около получаса. А кислород в мешке закончился через несколько минут.

Марину передернуло.

— И что, дело того стоило? Стоило убивать двух человек ради того, чтобы водвориться в так называемое «высшее общество»? Тебя еще не тошнит от всей этой светской тусовки? Не надоели их самодовольные рожи, бессмысленный треп, фальшивые улыбки, маневры, интриги, подковерные игры?

Яна вздохнула.

— Тебе меня не понять. Ты этим высшим обществом обкушалась с детства. А я всегда тяготилась обществом заурядных обывателей. Мне с ними скучно, понимаешь? Между прочим, фальшиво улыбаются, плетут интриги и играют в подковерные игры везде, на всех уровнях. Только у обывателей эти интриги и игры настолько ничтожны, что просто с души воротит. А мне всегда хотелось играть по-крупному, с размахом. При этом, заметь, мне хватало ума, чтобы держать свои амбиции при себе. Я прекрасно сознавала, что без связей и денег, собственным трудом наверх пробиваются только в плохих романах. Поэтому не собиралась гробить силы и жизнь на это карабканье. Но в глубине души надеялась, что

когда-нибудь мне выпадет шанс. Естественно, когда он выпал, я ухватилась за него обеими руками. Ты спрашиваешь, не надоело ли мне мое нынешнее положение? Да я только вхожу во вкус!

— Боюсь, этого мне действительно не понять. Но объясни мне другое. Зачем тебе понадобилось разыгрывать этот спектакль с истерикой по поводу «страны бандитов и убийц»? Зачем ты объявила, что уезжаешь за границу, если уезжать никуда не собиралась? Неужели только для того, чтобы выпихнуть меня? Я-то тебе чем помешала? Хотелось тебе светской жизни, поселилась бы с нами и развлекалась в свое удовольствие. А если бы я не согласилась на этот обман, на эту подмену, как бы ты выкручивалась тогда?

— Отвечаю по порядку. Истерику я устроила, потому что испугалась. Когда Оксана с ее дружкой из прокуратуры вытащили меня из норы, куда я забилась умирать, у меня от избытка чувств отказали мозги. Я наговорила много лишнего — в частности, проболталась про «жучка», которого Катя прилепила в палате. Если бы этому Гуляеву пришло в голову пошарить там, то, не найдя «жучка», он бы догадался, что его унес убийца. А знали про «насекомое» только два человека — я и Катя.

— И я.

— Ты узнала про него только из записки, о которой я, к счастью, не проболталась. Об этом никому, кроме нас с тобой, известно не было. Еще я призналась, что дежурила у клиники. Гуляев мог, опрашивая персонал, напасть на ту трещотку, что рассказала мне про охранника. И сообразить, каким образом его вырубил. Тогда ему осталось бы только разыскать киоскершу, и все, моя песенка спета. Конечно, я была в парике и в очках, да и загримировалась, как сумела, но она все равно узнала бы меня по голосу. В общем, удрать за границу я собиралась по правде. От греха подальше. Рассудила, что если Гуляев и откопает свидетельства против меня, то требовать у французов моей выдачи не станет. Во-первых, без меня ему не хватит доказательств. Во-вторых, он все-таки друг тети Ксаны.

А потом меня посетила счастливая мысль: какая разница, кто уедет под видом Марьяны Агаповой — я или ты? Главное, чтобы Гуляев думал, будто уехала я. Ясное дело, я не была уверена, что ты согласишься. Но почему не предложить? Мне казалось, что тебя там ничто не держит. А мне было гораздо удобнее осуществлять свои великие замыслы в твоём обличье. Ты для всех этих светских львов — своя. А я, хоть и родня губернатору, но пришедшая, невесть откуда выпрыгнувшая. Кто знает, как они меня приняли бы? — Заметив, что Марина погрузилась в свои мысли, Яна замолчала. Потом, не выдержав паузы, спросила: — Ты меня осуждаешь?

Марина вздрогнула.

— Осуждаю? Слово-то какое... неправильное. Ты пугаешь меня до чертиков. Может быть, они заслуживали смерти, потому что сами были убийцами, хотя и не состоявшимися. Но как тогда назвать тебя? Палачом? Как ты могла... своими руками... этот мешок... Я не могу тебя понять, а ведь мы близнецы, у нас одинаковый набор генов. Неужели во мне это тоже сидит?

— Не думаю. Пожалуй, я открою тебе одну страшную тайну.

— Как? Еще одну?!

— Не бойся, эта тайна совсем иного рода. До недавнего времени я считала, что во мне живут две девочки — Маша и Яна. Маша — строгая и добродетельная, Яна — легкомысленная авантюристка. Естественно, я никому об этом не рассказывала, не хотела прослыть сумасшедшей. Мне и самой иногда казалось, что я сильно не в своем уме, чего же

ждать от других? Так вот, после того как эта злосчастная история закончилась, Маша вдруг исчезла. Ты представить себе не можешь, до какой степени я перепугалась. Чуть ли не до настоящего безумия себя довела, даже томограмму мозга сделала, чтобы убедиться, что в нем нет участка с мертвыми клетками. Ночью кошмары мучили. А потом вдруг поняла, что Маша была фантомом. Каким-то образом в мозгу осталось воспоминание, что в утробе нас было двое. Говорят же, что между близнецами существует мистическая связь. Вот моя связь с тобой и вылилась в такую причудливую форму. Понимаешь, что я хочу сказать? Маша — это ты, твой образ. И она, то есть ты, совсем на меня не похожа. В каком-то смысле вы — мой антипод или мы обе — дополнение друг друга. Не знаю, как это объяснить с точки зрения генетики, но уверена, что я права. Ты другая. Ты намного порядочнее меня. Благороднее. Честнее. Ты никогда не пойдешь к своей цели по трупам. Что ты так странно на меня смотришь? Не веришь? Думаешь, я все-таки психопатка?

— Не знаю. Как-то это... А почему у меня не осталось воспоминания о тебе?

— Возможно, оно и было, но Альбина его вытравила. Маленькая Яна была настоящим бесенком, рядом с твоей приемной матерью она просто не ужилась бы.

— И как тебе живется теперь... без Маши?

— Когда как. Временами радуюсь — никто не читает нотаций, не вмешивается в мои дела. Но чаще тоскую. Иногда чуть в голос не вою, так мне ее не хватает. Думаешь, почему я к тебе прилетела? Ты не отталкивай меня, ладно, Мариш? Совсем ведь без тебя пропаду.

Больше книг на сайте - Knigoed.net